

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Чеченский государственный педагогический университет»**

На правах рукописи

Ахмадова Лайла Кюриевна

**ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
В РОМАНАХ КАНТЫ ИБРАГИМОВА
«ПРОШЕДШИЕ ВОЙНЫ» И «ДЕТСКИЙ МИР»
(ЖАНРОВЫЕ И СТРУКТУРНО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ)**

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Научный руководитель –
Джамбекова Тамара Белаловна,
доктор филологических наук, профессор

Грозный – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Структурно-стилевые и художественные особенности эпических произведений на историческую тематику. Особенности творческого метода К. Х. Ибрагимова	18
1.1. Способы художественной реализации исторической тематики через структурно-стилевой план произведения	18
1.2. Особенности структуры сюжета и системы персонажей романов К. Ибрагимова об историческом прошлом	39
1.3. Проблема художественного метода К. Ибрагимова: синтез приемов различных художественных направлений	49
Выводы к главе I	60
Глава 2. История и художественная реализация проблемы «судьба частного человека и война» в романе Канты Ибрагимова «Прошедшие войны»	65
2.1. Роль исторического контекста и его художественное отображение в романе	65
2.2. Усиление проблемности и обновление концепции личности	77
2.3. Структурно-стилевые поиски писателя при художественном осмыслении вопросов глобальной национальной истории	91
Выводы к главе II	105
Глава 3. Особенности художественного отражения исторической тематики в романе «Детский мир»	110
3.1. Структурно-стилевые и жанровые особенности романа	110
3.2. Специфика системы персонажей и типы героев в романе «Детский мир»: идейная нагрузка, способы типизации и индивидуализации	125
3.3. Способы реализации авторской идеи через художественное воспроизведение социально-исторической обстановки	142
Выводы к главе III	156
Заключение	162
Список использованной литературы	172

Введение

Чеченская литература после периода застоя, обусловленного культурно-политическим кризисом периода чеченских войн, сегодня активно развивается, и в ней обнаруживаются новые тенденции, обусловленные развитием отечественной литературы и национальной спецификой историко-культурного процесса, требующие научного осмысления и теоретизации. Эволюционные процессы отмечаются в художественной методологии и мировоззренческих подходах в раскрытии актуальной для этноса тематики, прежде всего сконцентрированной в пространстве национальной истории.

В чеченской художественной словесности изначально, как и в других новописьменных литературах, тема исторического прошлого всегда занимала ведущие позиции, но в советский периода она воплощалась в исторических текстах односторонне. Писатели не затрагивали острых вопросов, касающихся национальной идентичности и негативных последствий внешнего воздействия на судьбу этноса, а воспроизводили в основном ход исторических событий и деяния известных исторических личностей. Эта тенденция развивалась в соответствии с регламентацией литературного процесса в СССР, когда литература выполняла важнейшие функции, и не только художественные, она служила информационным источником, особенно в области исторического прошлого. Соответственно, читатель воспринимал содержание художественных исторических текстов как достоверное знание, что не соответствовало действительности, так как многие факты умалчивались, другие получали идеологически окрашенную интерпретацию. Советские чеченские прозаики в основном обращались к теме давней истории этноса, показывая судьбы и деяния известных исторических персонажей, но не имели возможности критического осмысления событий национальной истории, в частности, Кавказской войны. Таким образом, в чеченской истории, как и в российской оставалось

множество проблемных вопросов, не получивших художественного воплощения и осмысления в литературе.

В постсоветский период произошли важные исторические события – первая и вторая чеченские войны. Объективное рассмотрение этой важнейшей для этноса проблемы стало возможным в конце XX – начале XXI веков по причине освобождения общероссийской и национальной литературы от цензуры и идеологического давления. В этот период северокавказские писатели обратились к запрещенной ранее тематике, касающейся острых политических и национальных вопросов давнего и недавнего исторического прошлого, и стали стремиться к ее раскрытию на основе нового историзма и реализма, опираясь на объективные факты и документы (в случае с недавней историей).

Художественные произведения об историческом прошлом, по своей природе содержащие существенную долю вымысла, в отличие от нефальсифицированных документов, не могут претендовать на роль достоверного, правдивого повествования о событиях и участниках исторического процесса прошлых времен, но при этом «История литературных героев, сюжет романа, перипетии вымышленных судеб воспринимались читателями как несомненные исторические свидетельства, как документ о времени» [Иванова Н.Б., 1999, с. 180]. По этой причине ответственность писателя, обратившегося к исторической тематике, очень высока, соответственно, и художественный инструментарий исторического романа, сформированный длительной историей жанра, имеет свою специфику, обусловленную целями и задачами произведения, в котором сочетаются вымысел и достоверные факты.

Исторический факт и вымысел взаимодействуют в произведениях на историческую тематику в разных соотношениях. В нашей работе проводится граница между жанрово-стилевыми формами «исторический роман» и «роман на тему исторического прошлого» [Ахмадова Л.К.,

2022 (в), с. 168], так как названные жанровые инварианты имеют различия в методологии и подходе к художественному воспроизведению реальности. Существенным фактором при анализе названных жанрово-стилевых форм является соотношение художественного и документального начала. Произведения с преобладающим документальным началом в современном литературоведении относят к стилевому направлению non-fiction (литература без вымысла), их же можно определять как документально-художественные тексты. В произведениях этого типа авторы скрупулезно и с документальным подтверждением воспроизводят ход истории и вводят в сюжет реальные исторические лица, и документальное начало в них превалирует. Другая группа произведений имеет художественно-документальный характер, и здесь уже писатели более свободно обращаются с историческими фактами, позволяя себе определенную субъективность, авторскую оценку и значительную долю художественного вымысла и образности.

Романы К. Ибрагимова по доминирующим творческим методам и приемам, на наш взгляд, относятся к художественно – документальной прозе, или же к произведениям на тему исторического прошлого, но не к историческим романам. Писатель пытается максимально достоверно передать события национальной истории, но в большей степени концентрирует внимание на судьбах частных людей, представляющих вымышленных персонажей. Таким образом, при анализе текстов К. Ибрагимова следует учитывать, что понятие «достоверность» актуально относительно исторического контекста, но по отношению к системе персонажей условно, так как его герои представляют художественные типажи воссоздаваемого времени и среды

К. Ибрагимов относится к писателям новой формации. Его произведения отличаются предельной открытостью авторской позиции в оценке важнейших моментов истории его народа. В разработке этой темы

писатель пытается проявить максимальную объективность, не идеализируя свой народ, а в сюжете, основанном на достоверных фактах показывает, что «нации не бывают плохими, или хорошими, люди становятся теми, кто они есть, под влиянием множества факторов, главные из которых – семья, национальные ценности, окружение и социальная действительность. Судя по мировоззренческим приоритетам в авторской позиции, можно предположить, что наряду с реалистической, проявляется влияние натуралистической концепции» [Ахмадова Л.К., 2022 (г), с. 47].

Новаторство К. Ибрагимова, его глубоко индивидуальный стиль и синкретичный художественный метод, оцененные нами как достижение современной национальной литературы, подводят к проблеме необходимости литературоведческой теоретизации его творчества.

В данном моменте необходимо акцентировать внимание на том факте, что К. Ибрагимов пишет свои произведения на русском языке, но при этом остается писателем – билингом, так как владеет двумя языками и в его художественной картине мира отражаются две культурные парадигмы, но, несомненно, доминируют ментальные национальные образы и представления. Исследователи феномена билингвизма в художественной литературе, в первую очередь, выделяют процесс взаимообогащения культур, когда «национальные ценности поднимаются до уровня всеобщности, выражая их в индивидуально-национальной проблемности» [см.: Воронина М., 2004]. Таким образом, при анализе творчества писателей – билингов, к которым относится К. Ибрагимов, следует обращать внимание на синтез национального контекста, обусловленного этнической ментальностью писателя, с мировыми литературными тенденциями.

Актуальность темы диссертации обусловлена тем, что романы К. Ибрагимова созвучны направленности современного литературного процесса и представляют оригинальное стилевое направление в современной чеченской прозе, для которого необходима новая

литературоведческая интерпретация. Не менее актуальны задачи научного осмысления способов и приемов художественного отражения трагических событий национальной истории в романах чеченского писателя, идентификации его художественного метода, включающего наряду с реализмом отдельные приемы натурализма и символизма. Сформулированные нами вопросы до настоящего времени находятся на начальной стадии осмысления – постановки проблемы. В целом актуальность диссертации обусловлена недостаточной степенью исследования творчества К. Ибрагимова, неопределенностью оценок жанрового и структурно-стилевого своеобразия его романов, а также характера влияния творчества писателя на литературный процесс.

Степень изученности проблемы.

Историческая проза К. Ибрагимова, определившая новое направление в чеченской литературе, не получила научной теоретизации в национальном литературоведении. В формате диссертации на сегодняшний день представлено только исследование Л. М. Ибрагимова «Художественное воплощение национальной ментальности в чеченской прозе XX века» (Махачкала, 2011). В диссертации анализируются способы отражения национальной картины мира и основные художественные приемы, примененные писателем при воплощении национального характера. Интерес вызывают особенности показа ментального сознания автора в произведениях К. Ибрагимова: «... в творчестве писателей художественная картина мира неизбежно приобретает субъективно-личностную окраску, однако у писателей с развитым национальным самосознанием базовые характеристики возникающей в их творчестве картины мира отражают общие свойства сознания этноса» [Ибрагимов Л.М., 2011, с.14].

Остальные немногочисленные исследования выполнены в формате научных статей. Э. А. Синбаригова в статье «Литературно-философская специфика романа К. Ибрагимова “Академик Петр Захаров”» анализирует

метод писателя, создавшего художественную биографию чеченского художника. В статье «О преломлении фольклорных и литературных традиций в романе К. Ибрагимова “Прошедшие войны”» (2014) тот же исследователь выявляет историко-литературную основу произведения в корпусе фольклорных текстов – *тептаров*.

С.И. Инаркаева в статье «Жанрово-стилевые особенности и проблема личности в романе Канты Ибрагимова “Прошедшие войны”» (2016) отмечает историзм мышления писателя. Е. А. Чурилова в научной публикации «Образный мир романа Канты Ибрагимова “Детский мир”» (2011) дает характеристику жанровой специфики романа, выявляя в нем отдельные компоненты натурализма и мистицизма, из чего делает вывод, что это роман-метафора, в котором проявляются художественные признаки «мистического реализма» [Чурилова Е.А., 2011].

Рассмотренные нами научные труды в целом представляют степень изученности творчества одного из самых известных современных прозаиков Чечни. В них уже намечены основные перспективы дальнейших исследований масштабного творчества К. Ибрагимова. Очевидно, что литературоведческая интерпретация необходима в плане выявления художественного своеобразия произведений, специфики метода, жанра, структуры, языка, концепции личности и многих других вопросов.

Объект исследования: романная проза Канты Ибрагимова на тему исторического прошлого – романы «Прошедшие войны» и «Детский мир».

Предмет исследования: особенности художественной реализации исторической тематики в романах К. Ибрагимова, обусловленные своеобразием художественного метода писателя. Для всестороннего рассмотрения предмета исследуются жанровые и структурно-стилевые особенности его произведений, а также специфика сюжета и композиции, стиля, языка, способов усложнения концепции личности.

Цель исследования: выявить особенности воплощения исторической тематики; рассмотреть своеобразие метода в контексте взаимодействия реалистического подхода с отдельными приемами натурализма и символизма, исследовать жанровую и структурно-стилевую специфику произведений.

Задачи:

– сформировать теоретическую базу исследования на основе современных литературоведческих концепций и моделей анализа художественного текста;

– выявить особенности мировоззренческих установок писателя в отношении истории чеченского народа, ставшей тематической основой исследуемых текстов;

– на основе анализа жанровой, структурно-стилевой и языковой специфики романов К. Ибрагимова на тему исторического прошлого идентифицировать творческий метод писателя;

– описать основные творческие приемы К. Ибрагимова в раскрытии исторической тематики, акцентировав внимание на синтезе методологий различных художественных направлений;

– выявить типологические черты, а также способы усложнения концепции личности в исследуемых текстах;

– проанализировать особенности художественной интерпретации судьбоносных общественно-исторических событий и их влияние на жизнь обычного человека.

Методологической и теоретической основой исследования стали теории и концепции отечественных и северокавказских ученых в области художественной и жанровой специфики эпической литературы в целом и романов на историческую тематику, в частности.

В теоретической части исследования мы опирались на известные концепции исторического романа: Г.М. Ленобля, который выявил

специфику произведений на историческую тематику в том, что «исторический процесс показывается ... преимущественно через частного человека, взятого в его взаимоотношениях с историей» [Ленюль Г.М., 1960, с.11], А.А. Бельского, в свою очередь отметившего, что главным компонентом, ядром исторического романа является исторический конфликт [Бельский А.А., 1968]; философа А. Гуревича, который в работе «О кризисе современной исторической науки» охарактеризовал внеидеологические факторы, влияющие на поведение обычных людей [Гуревич А., 1991]; А.С. Долинина, исследовавшего специфику авторского присутствия в романах на историческую тематику [Долинин А.С., 1988]; Д. С. Лихачева, выявившего специфику художественного времени в романе и описавшего типы хроникального и концентрического сюжетов [Лихачев Д.С., 1997]; Б.А. Успенского, исследовавшего проблему изменения точки зрения героя [Успенский Б.А., 2000]; Н.Д. Тамарченко, сделавшего ретроспективный анализ истории исследуемого жанра и выявившего его основные типологические черты и национальное своеобразие [Тамарченко Н.Д., 1999]; В.Я. Малкиной, особое внимание уделившей типологическим чертам исторического романа [Малкина В.Я., 2002]; Нат. Ивановой, проанализировавшей современные процессы в корпусе исторических романов [Иванова Н., 2016].

Рассматривая историзм в качестве одного из базовых методов исторических романов, мы опирались на исследования В. В. Кожина [Кожин В. В., 1996].

Фундаментальной методологической и теоретической основой исследования стали концепции М. М. Бахтина: классификация видов структуры сюжета романа; исследование инвариантов – «роман поколений», «авантюрный роман», «роман-испытание»; концепция авантюрного хронотопа; классификация типов персонажей в авантюрном

историческом романе, а также базовых мотивов, в частности, мотива «разрушения идиллии» [Бахтин М.М., 1975, 1979, 2000, 2012].

Особенности художественного метода К. Ибрагимова выявлены и обоснованы нами на базе концепций литературного реализма С.М. Петрова [Петров С.М., 1957], Ю.Б. Борева [Борев Ю.Б., 2003], Г.Н. Пospelова [Пospelов Г.Н., 1978]; литературного натурализма В.М. Толмачева, [Толмачев В.М., 2017], И. Тэна [Тэн И., 1987, 1996] и других исследователей.

При анализе романов К. Ибрагимова мы обращались к исследованиям северокавказских ученых, в частности, Ч. Г. Гусейнова [1972, 1988], Л.М. Ибрагимова [2011], Г. Г. Гамзатова [1989, 1996, 2005], Т.Б. Джамбековой [2010], С. И. Инаркаевой [2016], Э. А. Синбариговой [2014], К. К. Султанова [1989, 1986], У. М. Панеша [1990], Х. В. Туркаева [1973, 1984, 1991], Е. А. Чуриловой [2011] и др.

Методы исследования. В работе мы опирались на принципы историко-литературного и сравнительно-типологического методов исследования, а также структурно-стилевого и дискурсивного анализа. Комплексный филологический анализ исследуемых художественных текстов позволил раскрыть особенности мастерства К. Ибрагимова и его новаторство в художественной реализации исторической тематики в контексте идейно-эстетических исканий чеченской и отечественной литератур конца XX – начала XXI веков.

Научная гипотеза.

Художественная реализация исторической тематики идет в романах К. Ибрагимова через осмысление проблемы «судьба частного человека и история». Писатель разрабатывает собственную парадигму творческого метода для осмысления с позиций освобожденного сознания сложнейших периодов чеченской истории, не получивших до настоящего времени объективного художественного осмысления.

Нами впервые предложена научная гипотеза о специфике художественного метода К. Ибрагимова, для подтверждения которой рассмотрены особенности концепции личности, структуры, языка текста и идиостиля писателя, системы персонажей, а также способы и приемы реализации основных идей романов «Прошедшие войны» и «Детский мир».

Согласно нашей гипотезе, творческий метод К. Ибрагимова синкретичен: писатель в основном пишет в реалистической манере, но нередко обращается к приемам натуралистического метода. Выявлена также тенденция к символизации определенных фрагментов, ситуаций, деталей, посредством чего через подтекст отражается авторская позиция. Это говорит о присутствии в методе писателя отдельных приемов символизма. Необходимо отметить, что подобный синкретизм, смешение различных творческих приемов, характерен для современной литературы и позволяет говорить о склонности писателя к стилистике литературы новейшего времени.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые системно рассмотрены художественно-эстетические особенности творчества К. Ибрагимова при воплощении исторической тематики. Впервые произведена научная идентификация художественного метода, жанровой и структурно-стилевой специфики, а также языка романов К. Ибрагимова. Впервые описаны типологические характеристики концепции личности, представляющей новый тип героя в чеченской литературе. Исследование проведено с позиций современного литературоведения и основывается на новейших приемах анализа и интерпретации художественного текста.

Положения, выносимые на защиту:

1. Тематика исследуемых произведений К. Ибрагимова связана с драматическими страницами российской истории, которые оказали решающее влияние на судьбу чеченского этноса. Писатель отражает

сложнейшие факты сквозь призму сознания отдельной личности. Основным методом исследования становится историзм в его современном понимании, на основе которого автор пытается выявить и осмыслить причинно-следственные связи явлений национального и российского социума периода первой чеченской войны, кардинально отразившихся на судьбе чеченского народа.

2. Романное творчество К. Ибрагимова формирует новое стилевое направление в чеченской прозе, характеризующееся склонностью к реализму, но включающее ряд творческих приемов, разработанных в эстетике натурализма и символизма. В жанровом плане исследуемые произведения относятся к инварианту романов на тему исторического прошлого и имеют признаки «авантюрного романа», для которого характерны событийность, динамичность развития сюжета, неординарность ситуаций, в которые попадают герои.

3. Для романов К. Ибрагимова характерна многоуровневая полисюжетная структура. Динамичное развитие действия, глубинная взаимосвязь многочисленных событий, характерные для произведений чеченского писателя, реализуются через концентрический тип сюжета, в центре которого оказывается судьба частного человека. Через сюжетные коллизии разных типов (испытание героя, странствие героя, инициация, воспитание героя и др.) осмысливаются серьезные социально-политические и мировоззренческие проблемы. Доминирующим в исследуемых романах К. Ибрагимова является авантюрный тип сюжета «испытания героя», разработанный еще в античной трагедии.

4. Дискурсивные практики текстов К. Ибрагимова продуктивно рассматривать с позиций билингвизма, так как в его произведениях присутствуют две языковые личности и, соответственно, две картины мира. Отступление от стилевых норм национального литературного языка

свидетельствует о тенденции к переоценке ценностей, связанных с содержанием менталитета народа в переломные исторические периоды.

5. В исследуемых произведениях выявлены тенденции, характерные для литературы конца XX – начала XXI вв. Для писателя темы истории и судьбы человека неразрывны. В усложненной амбивалентной концепции личности, разработанной К. Ибрагимовым, реализуется его представление о сложных внутренних процессах, происходящих в сознании человека под влиянием катастрофических событий. Писатель ставит героев перед нравственным выбором, и их решения дают основу для размышлений о духовно-нравственной сути человека и его ценностных ориентирах. Характерно, что К. Ибрагимов отказался от тенденции героизации и идеализации представителей своего народа, что свидетельствует о стремлении к объективности и достоверности, художественной правде в показе образов.

6. Авторская позиция транслируется в текстах К. Ибрагимова через авторские отступления – в тех фрагментах, когда автор «входит» в художественное повествование через зону воспоминаний очевидцев и личных впечатлений и оценок. Нередко писатель выражает свою позицию и отношение к персонажам посредством особого дискурса, вводя в текст сниженную лексику и давая персонажам негативно окрашенные описания внешности и поведения, или же, напротив, романтизирует отдельных героев.

Теоретическая значимость работы определяется выявлением и анализом жанровых и структурно-стилевых особенностей романов К. Ибрагимова. Проведенное впервые обоснование специфики творческого метода писателя с научных позиций дает возможность для системного всестороннего анализа его произведений. В целом предложенная в работе модель комплексного филологического анализа эпических текстов К. Ибрагимова имеет существенное значение для литературоведения, так как может стать основой для интерпретации современной чеченской прозы.

Наибольшую значимость и ценность, на наш взгляд, представляет применение современных методик анализа и их адаптация к материалу северокавказской литературы.

Практическая значимость результатов исследования обусловлена тем, что материалы диссертации могут быть использованы в образовательном процессе всех уровней при преподавании курсов по теории и истории новейшей северокавказской литературы, в том числе чеченской.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Предметом научного рассмотрения в настоящей диссертации стали проблемы развития новейшей чеченской литературы, в частности, романное творчество одного из самых известных современных авторов Канта Ибрагимова. Диссертация соответствует паспорту специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской Федерации в следующих пунктах:

11. *Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве.* В диссертации впервые рассматривается творчество одного из самых известных и популярных современных прозаиков Чечни, выявляется уникальность его творческой индивидуальности, стиля и художественного метода, проводится анализ характера проявления авторского сознания К. Ибрагимова при раскрытии исторической тематики, его отношения к описываемым событиям, проявляющегося в авторских отступлениях.

12. *Индивидуально-писательское и типологическое выражение жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии.* Исследование жанровых и структурно-стилевых особенностей романов К. Ибрагимова является основной целью работы, которая последовательно

реализуется в ходе осмысления историко-культурного контекста и индивидуально-писательской позиции.

19. *Литература и политика.* Писатель обращается к трагическим событиям чеченской истории, инициированным российскими и чеченскими политиками, и в раскрытии этой тематики через сюжет и авторские отступления транслирует собственную точку зрения. В работе анализируются способы отражения авторской позиции, его мировоззрения и интерпретации сложнейших политических вопросов.

21. *Методология изучения историко-литературного процесса.* В диссертации выявлено и описано новое стилевое направление, введенное в чеченскую литературу К. Ибрагимовым, обоснованы специфика его художественного метода, мировоззренческих и творческих установок, проанализированы особенности концепции личности, жанровая специфика его произведений, имеющие новаторский и глубоко индивидуальный характер.

Апробация работы. Результаты работы обсуждались на заседаниях кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», а также на конференциях различного уровня: Всероссийская научная конференция «Евгений Шварц и проблемы развития отечественной литературы XX века» (Майкоп, 2021г.); V Международная научно-практическая конференция «Инновационный дискурс развития современной науки и технологий» (Петрозаводск, 2022 г.); LVIII Международная научно-практическая конференция «Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации» (Пенза, 2022 г.); Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Актуальные проблемы исследования родного языка и литературы» (Грозный, 2022г.); Международная научно-практическая конференция «Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке» (Новосибирск, 2023г.).

По теме исследования опубликовано 10 статей, из них три – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ для кандидатских и докторских диссертаций.

Результаты диссертационного исследования внедрены в научно-образовательный процесс «Института филологии, истории и права» ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», направление подготовки «Чеченская филология» при преподавании дисциплины «История чеченской литературы».

Структура работы.

Исследование содержит Введение, три главы, заключение и список использованной литературы.

Глава 1. Структурно-стилевые и художественные особенности эпических произведений на историческую тематику. Особенности творческого метода К.Х. Ибрагимова

1.1. Способы художественной реализации исторической тематики через структурно-стилевой план произведения

Жанр исторического романа начиная с XIX века занимает в корпусе эпической литературы значимое место, постоянно совершенствуются и расширяются его приемы отображения исторической реальности. Эволюция этого жанра просматривается в движении от описательной романтической литературы на тему исторического прошлого к социально-психологическому роману. В начале исторический роман относился к типу развлекательной литературы, и читатели не требовали от него особой достоверности. Но постепенно, по мере развития общественного сознания исторический роман начал выполнять иные функции, в первую очередь, информационные. Особую популярность историческая проза приобрела в XX веке, и это связано с развитием исторической науки. Интерес к исторической тематике был характерен для советской литературы. Известный критик Н. Иванова подчеркнула, что в советский период «... литература осуществляла работу историка, расширяя в силу своих возможностей (и невозможностей) историческое знание» [Иванова Н.Б., 1999, с.178]. В северокавказских литературах историческая тематика, на наш взгляд, занимала и занимает в настоящее время лидирующие позиции. Причины этого просматриваются в специфике развития новописьменных литератур, которые не имели столь обширного литературного пространства, выработанного русской литературой, и в своих произведениях разрабатывали темы национальной истории, традиционно присущие фольклору и мифологии. Для первых произведений на историческую тематику был характерен интерес к самим событиям и героическим

свершениям национальных героев, при этом в концепции личности отмечался «слабый психологизм в описании мотивов поступков персонажей, характеров, эволюция которых просматривалась лишь в идейном росте» [Ахмадова Л.К., 2022(б), с. 94]. Произведения не отличались социальной заостренностью проблематики, конфликты имели внешний характер (например, противостояние врагам, захватчикам), образы были схематичными, гиперболизированными и идеализированными, каким, например, предстает в романе М. Мамакаева «Зелимхан» героизированный образ чеченского абрека. Таким образом, в национальном сознании закреплялись образы национальных героев и героического прошлого этноса.

В период Великой Отечественной войны и послевоенной депортации, когда была сослана большая часть национальной интеллигенции, литературное развитие затормозилось. Чеченская литература продолжила свое движение лишь со второй половины 50-х годов XX века. В этот период наиболее актуальными были произведения о войне и послевоенном периоде восстановления мирного общественного уклада. Период 60-70-х годов, ознаменованный некоторыми цензурными послаблениями, позволил национальным писателям создать выдающиеся произведения об историческом прошлом, которые стали основой для дальнейшей эволюции этого жанра. Здесь можно привести в пример трилогию классика чеченской литературы А. Айдамирова «Долгие ночи», раскрывшего тему Кавказской войны во всей глубине происходящего, насколько это можно было в этот период. Писатель ввел в повествование исторических деятелей, попытался раскрыть глобальный конфликт с позиций историзма и объективизма. Его произведение насыщено объективными фактами, документами эпохи, в нем ощущается исторический колорит, созданный писателем посредством описания топонимических объектов, реалистичных портретов

исторических деятелей, диалог персонажей, в которых раскрываются основные конфликты эпохи.

С 80-х годов XX века в отечественной литературе начала отчетливо проявляться тенденция трансформаций романной формы, когда в центр повествования писатели все чаще стали ставить личности, раскрытие характера которых шло через концентрический сюжет, позволяющий выявить причинно-следственные связи интересующих автора явлений и событий. Характеры персонажей, в свою очередь, усложнились, стали более психологически обусловленными и неоднозначными, по терминологии У.М. Панеша, амбивалентными. Названные тенденции проявились и в чеченской литературе, в которой к этому периоду начались значительные эволюционные процессы – в плане тематического расширения, подходов к созданию концепции личности, методологического инструментария литературного творчества. Наиболее значительно, на наш взгляд, обновление литературной парадигмы происходило в корпусе эпической прозы на историческую тематику. Отметим, что в чеченской литературе не получили активного развития такие жанры, как любовный, приключенческий, детективный, фантастический, философский роман, и это обусловлено, в первую очередь, национальным менталитетом и специфичной картиной мира авторов, тяготеющих к реалистичной социально-исторической тематике.

Главной целью писателей, обратившихся к раскрытию исторической тематики на основе новой методологии, стало глубокое раскрытие характера персонажа, вовлеченного в исторические события, посредством приемов психологической обусловленности поступков и их мотивов. Таким образом, интерес к судьбе частного человека, раскрываемой на фоне важных исторических событий, стал существенным признаком обновления исторической романистики. В данном случае показательна точка зрения литературоведа Г. М. Ленобля, который отметил: «Мы имеем здесь дело ...

с особым, вполне определенным подходом к историческому прошлому. Суть его именно в том, что исторический процесс показывается "домашним образом", то есть преимущественно через частного человека, взятого в его взаимоотношения с историей» [Ленюль Г.М., 1960, с. 7, 11]. В данном положении особый акцент делается на том, что жизнь частного человека показывается не на фоне исторических событий, а через «взаимоотношения с историей», то есть речь идет о процессе, в результате которого человек влияет на историю, а она на его судьбу.

Для наиболее полноценного и всестороннего отображения процесса взаимодействия человека и истории, его результатов и влияний на личность особенно важна структура сюжета, отражающая логику и взаимосвязь событий. В этом плане отметим, что для социально-психологических романов на историческую тематику по причине их повышенной событийности наиболее продуктивен концентрический сюжет. Подобная нелинейная структура, построенная на пересечении разных временных и пространственных координат текста, дает возможность автору показать и раскрыть причинно-следственные связи явлений в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Данное положение подтверждается концепцией академика Д. С. Лихачева, который отметил: «Главное отличие хроникального и концентрического сюжетов – это, конечно, время. Хроникальный сюжет воспроизводит естественное течение времени. В концентрическом же сюжете физическое время не имеет определяющего значения: здесь оно частично заменяется психологическим временем, важен конфликт, интрига, поэтому этот сюжет характерен для жанров детектива, триллера, социального и психологического романа, драмы» [Лихачев Д.С., 1989, с.20].

Основным типологическим признаком исторического романа является исторический конфликт. При этом в зависимости от видовой формы или инварианта исторического романа конфликт может иметь

событийную основу, то есть быть заостренным на историческом событии, а может быть сконцентрирован на противостоянии личностей или даже на внутреннем конфликте, обусловленном социально-историческими переменами. Например, в центре социально-исторического романа находятся общественно-политические проблемы, а конфликт социально-психологического исторического романа будет основан на проблемах личности, обусловленных историческими катаклизмами. Как ранее нами было отмечено: «Для психологических исторических текстов, в которых основной авторской идеей становится показ судьбы человека, внутренних процессов, изменений в сознании, важны, в первую очередь, не сами события, а их влияние на личность» [Ахмадова Л. К., 2022 (б), с. 95].

Исследуемые романы содержат одну константную черту: все герои оказываются перед морально-нравственным выбором, и в подобной постановке проблемы заключается гуманистическая идея писателя, который хочет разобраться во внутренней природе человека. Для К.Ибрагимова очень важно попытаться осмыслить национальную трагедию, последствия которой ощущаются и в настоящее время. Чеченские войны принесли народу невосполнимые потери: гибель множества людей, разруху, остановку культурного и научного развития чеченского народа. Но самыми серьезными последствиями, по мнению автора, стали трансформации национального сознания, когда люди увидели страшные проявления человеческой натуры, скрытые в мирное время. Очевидно, что военная реальность изменила сознание людей, отразилась на их духовно-нравственных ценностях и картине мира.

К. Ибрагимова интересуют судьбы простых людей, оказавшихся в экстремальных условиях, инициированных войной. А. Я. Гуревич в работе «О кризисе современной исторической науки» достаточно четко характеризует внеидеологические факторы, влияющие на поведение обычных людей, оказавшихся в условиях ломки привычного образа жизни:

«Надо признать ... что люди, оказавшись в той или иной конкретной экономической или политической ситуации, будут вести себя ... прежде всего в зависимости от картины мира, которая заложена культурой в их сознание, от своего психического состояния – их религиозные, национальные и культурные традиции, стереотипы поведения, их страхи и надежды, подчас совершенно иррациональные, их символическое мышление неизменно и неизбежно налагают неизгладимый отпечаток на их поступки и реакции» [Гуревич А. Я., 1991, с. 24-25].

Историки не могут выявить причины иррационального поведения человека в силу ограниченности своей методологии и акцентирования внимания на самом ходе истории, но не на человеческой личности, а художественная литература обладает полноценным инструментарием для выполнения этой задачи, особенно, способностью проникать во внутренний мир человека, раскрывать глубинные мотивы его поведения, опираясь не на научное знание, а на так называемый человеческий фактор. Литературные жанры, в первую очередь роман, всесторонне и в полной мере отражают психологию и картину мира личности, ее менталитет, национальное сознание и многие факторы, которые научными методами отразить невозможно. На наш взгляд, именно психологизм, генетически присущий художественной словесности, дает писателю неограниченные возможности для проникновения в человеческую суть, отражения всей глубины психологии личности, способной в определенных ситуациях на иррациональные, необъяснимые поступки. По правилам жанра социально-психологического романа, и исторического в том числе, вокруг героя всегда возникает конфликт, который раскрывается по мере действия. Основной целью писателя становится показ причины конфликта, мотивы поведения человека и способы его разрешения (в случае, если конфликт разрешен) или причины невозможности выхода из конфликтной ситуации (тип неразрешенного конфликта). Романы на историческую тематику в большей

части полисюжетны, поэтому в них развивается несколько конфликтных линий, обусловленных микротемами, и в данном случае роман максимально приближается к реальной жизни.

Роман вплоть до начала XX века был исключительно художественной формой, и в первых исторических романах, в частности, Вальтера Скотта историческое событие служило лишь фоном для разворачивания вымышленного сюжета. В 1922 году Осип Мандельштам опубликовал в альманахе «Паруса» эссе «Конец романа», в котором он дал определение жанру романа: «Роман – композиционно замкнутое, протяженное и законченное в себе повествование о судьбе одного лица или группы лиц» [цит. по: Иванова Н.Б., 2016, URL: <http://magazines.russ.ru>]. Это определение общеизвестно, но для нашего исследования важна мысль поэта о том, что форма романа не статична, и на протяжении долгой истории его развития она совершенствовалась и видоизменялась. Высказывание имеет вполне логичное обоснование: в романной форме, основанной на социальной действительности, изменяются мировоззренческие подходы и художественная методология, адаптируясь к материалу. В результате появляются новые художественные направления и стилевые течения, как в случае с творческой парадигмой К. Ибрагимова, в которой во всей очевидности выявляются типологические схождения с ведущими тенденциями развития отечественной прозы XXI века.

Наиболее значимым направлением современных трансформаций инструментария романной формы стало стремление к документализму и хроникальности (точному воспроизведению хода событий). Эта тенденция объясняется развитием научного знания, расширением информационного пространства и возросшей потребностью читателя в достоверных фактах. Российская современность в результате отхода от идеологических фальсификаций советского периода обусловила интерес читателей к правдивым историям об историческом прошлом, способствующим

формированию национального самосознания. В стране происходит своеобразная переоценка ценностей, формируется новое поколение читателей, обладающее другими способами мышления и переработки информации.

Можно заключить, что современный роман на историческую тематику (имеется в виду реалистическая модель) отходит от фальсификаций, идеологических трактовок событий и движется к предельной объективности и документальности, и эта тенденция отвечает запросу современной аудитории.

Значительная доля вымысла и принципы художественной образности остаются ведущими для произведений с художественной доминантой, и в историческом романе мы также находим сочетание исторической правдивости и опоры на факты и документы с элементами вымысла. Авторы оставляют за собой право на художественный вымысел в плане создания концепции личности, характера персонажа, обрисовки межличностных отношений и других компонентов художественного мира произведения, не меняя при этом хронологию, место происшествий, состав исторических деятелей и другие документально зафиксированные моменты. В традиционной теории исторического романа было признано, что в основе исторического романа всегда находится документ, но писатель имеет право на отбор фактов, их интерпретацию и художественный вымысел, обусловленный естественным ходом событий, описываемых в произведении. Именно при помощи вымысла и художественной образности автор акцентирует внимание читателя на тех моментах, которые он считает наиболее значимыми, создает эмоциональный фон произведения и заставляет читателя сопереживать, создавая художественную реальность, максимально приближенную к объективному миру.

Для исторической романистики особое значение имеет авторская точка зрения, потому что ее создатели обращаются к темам, не получившим

еще однозначной оценки, выискивая проблемные зоны истории и пытаюсь пролить на них свет. А. С. Долинин, анализируя исторические романы В. Скотта, выявил в них специфику авторского присутствия, являющуюся типологической чертой данного жанрового инварианта: «Автор может свободно вторгаться в повествование, прерывая его всяческими комментариями и пояснениями от первого лица, может прямо обратиться к читателю, чтобы разъяснить ему свой замысел, ... и при этом постоянно подчеркивает свою зависимость от источника, от "реального факта"» [Долинин А. С., 1988, с. 190]. В приведенном тезисе обозначены отдельные структурные компоненты, через которые автор транслирует свою позицию, это комментарий и пояснение от первого лица (авторское отступление). Отметим, что К. Ибрагимов активно пользуется подобными приемами, обозначая свои мысли, чувства, оценки.

Объективность и достоверность исторических произведений обусловлена опорой на сравнительно-исторический метод, который является базовым инструментом писателей, обратившихся к жанру романов об историческом прошлом. Наиболее устоявшимся на сегодняшний день является определение, сформулированное В. В. Кожинным: «Историзм в литературе – художественное освоение конкретно-исторического содержания той или иной эпохи, а также ее неповторимого облика и колорита. ... историзм есть прежде всего способность схватить ведущие тенденции общественного развития, проявляющиеся в общенародных событиях и индивидуальных судьбах» [Кожин В. В., 1996, с. 76].

Несмотря на опору на принципы объективизма и историзма, «в сюжете, в композиции произведений на тему исторического прошлого проявляется и историческая концепция автора, его взгляд на развитие исторического процесса» [Малкина В. Я., 2002, с. 94]. Приведенные точки зрения позволяют заключить, что феномен художественного текста

позволяет соединить в одном произведении и объективные научные подходы (объективизм, историзм), и субъективное авторское видение.

Современный исторический роман, как отмечает Н. Иванова, в основном сохраняет свои типичные жанровые формы: «... черты семейной социально-исторической саги, историко-биографического жанра, социально-психологического романа, романа воспитания. Однако по шкале «реальное – воображаемое» новый роман располагается между *fiction* и *non-fiction*, ... соединению вымышленного с фактографически подтвержденным» [URL: <http://magazines.russ.ru/znamia>].

Приведенное положение представляет значительный интерес для нашего исследования, в ходе которого выявлено, что романы Канты Ибрагимова в структурно-стилевом плане синкретичны и в них можно обнаружить типологические признаки названных Нат. Ивановой стиливых и жанровых инвариантов. Особое значение для анализа исследуемых текстов, содержащих элементы семейной социально-исторической саги, имеют традиции чеченского фольклора в жанре исторических семейных преданий (*ментаров*), в которых на фоне социально-исторической обстановки повествовалось об истории отдельного рода. В чеченской литературе при создании характеров по-прежнему сохраняется опора на значимость родовой принадлежности и национальных традиций, в ней невозможны персонажи вне этой основы и потому трактовка личности имеет свое национальное своеобразие.

История жанра семейного романа в науке появляется с середины XIX века, но его предшественниками были фольклорные источники и семейно-бытовые повести XVII–XVIII веков. «М. Бахтин считал, что одной из главных особенностей семейного романа становится создание героем крепких семейных связей, определение своего места в этом мире. Многие герои одиноки, они бродят среди чужих людей, но в итоге обретают любовь и семью, которые дарят им покой и счастье» [URL:

<https://cyberleninka.ru/article/>]. Эта концепция почти полностью характеризует судьбу Цанки Арачаева – главного героя романа К. Ибрагимова «Прошедшие войны», который через все испытания пронес верность своей национальной принадлежности, своему роду, пытаясь создать такую же крепкую семью, как у его предков.

Американская исследовательница И.-Л. Ру в идейно-тематическом плане характеризует семейный роман как «энциклопедию, которая позволяет посмотреть на жизнь людей, жизнь одной нации в прошлом» [Ru Yi-Ling, 1992, p. 169]. Это справедливое замечание вполне применимо к раскрываемой в том же романе истории семьи Арачаевых, которую писатель на протяжении всего сюжета органично вписывает в историческое время.

Структура сюжета во многом определяет эффективность реализации авторской идеи и подчиняется видовой и жанровой специфике текста. М. М. Бахтин выявляет два типа сюжета в семейном романе – «во-первых, одинокие странствования героя, которые завершаются счастливым обретением семьи, во-вторых, в тихий и счастливый семейный мир врывается посторонняя сила, которая грозит разрушением этого мира» [Бахтин М. М., 1975, с. 479]. В романах К. Ибрагимова можно обнаружить присутствие обоих типов, но в большей степени присутствует тип второго конфликта, разворачивающегося на фоне военных действий, разрушающих привычный жизненный уклад мирных чеченцев. В этих условиях герои оказываются перед необходимостью бороться за жизнь и спасти свои семьи, поэтому и поддерживается сюжетная линия странствий, особенно актуальная для чеченского народа в период депортации. Финал первого варианта сюжета можно обнаружить в романе «Детский мир» в микроистории, связанной с судьбой медсестры Розы, которая, пройдя сквозь бесчисленные унижения и предательства, обрела тихое семейное счастье.

Исследователь жанра исторического романа Е. В. Никольский в своих трудах опирается на концепции М.М. Бахтина и отмечает, что литературовед ввел в научный оборот «терминологическое сочетание “роман поколений” и определил некоторые особенности проблематики и мотивов жанра, в частности, выделяя в качестве особого мотив “разрушения идиллии”» [URL: <https://cyberleninka.ru/article>]. Далее в концепции Е. В. Никольского подчеркивается, что «... общественные катаклизмы, экономические и культурные кризисы второй половины XIX - начала XX веков действительно способствовали появлению «семейной хроники» как особого поджанра романной прозы» [URL: <https://cyberleninka.ru/article>]. Следующее замечание имеет прямое отношение к исследуемым текстам: «Отличительной особенностью семейной хроники является движение (смена) поколений в контексте соответствующих исторических эпох. При этом время измеряется продолжительностью жизни поколений, а историческая эпоха представлена через призму частной жизни» [URL: <https://cyberleninka.ru/article>]. Например, в романе «Прошедшие войны» представлена смена четырех поколений Арачаевых, судьба каждого из которых определена спецификой исторической эпохи. Благодаря подобному построению повествования, роман приобретает признаки и социально-исторического романа, и семейной хроники, и социально-психологического текста, выходя за рамки одной видовой формы. Масштабный охват исторического контекста в романе «Прошедшие войны» позволяет автору актуализировать множество проблем, связанных с историей этноса: морально-этических, психологических, социальных, семейных и т.д.

В процессе анализа жанровой специфики романов К. Ибрагимова также выявлены тенденции историко-биографического жанра, прежде всего по причине присутствия личности автора, которая проявляется через авторские отступления, воспоминания и комментарии. Также отметим, что

при создании образа главного героя писатель использовал биографические данные своего деда. Эти приемы авторского присутствия в корпусе литературы на историческую тематику отмечают многие современные исследователи: «Одним из основных художественных средств, которыми пользуются авторы в своих романах, является хронотоп. Здесь повествование ведется от первого лица, используются пространственные авторские отступления, внутренние монологи и диалоги, отражаются прямые идеи писателя, которые он выражает от лица героев произведения» [URL: <https://cyberleninka.ru/article/>]. Для манеры К. Ибрагимова названные приемы типичны, так как он был участником и свидетелем многих описываемых в произведениях событий. Чеченские войны затронули также судьбы близких родственников и знакомых писателя. Большинство героев его романов имеют реальных прототипов, о других он знает из рассказов очевидцев.

Академик Д. С. Лихачев акцентирует особое внимание на специфике художественного времени в историческом романе: «Когда время произведения течет открыто и связано с историческим временем, в произведении легко может совмещаться несколько рядов и последовательность событий может переставляться» [Лихачев Д.С., 1997, с. 41].

Если обратиться к проблеме своеобразия пространственно-временной организации текстов К. Ибрагимова, то выявляется, что, например, в романе «Прошедшие войны» ретроспективный показ событий. Действие начинается в 1995 году, повествование ведется от лица главного героя, который, возвращаясь в прошлое, разматывает клубок исторических событий на протяжении почти всего XX века. Настоящее время постоянно сменяется прошедшим, такой тип хронотопа позволяет Цанке Арачаеву осмыслить и происходящее, и уже случившееся в глубокой взаимосвязи и взаимообусловленности. Романное время пересекается с хроникальным, и

таким образом писатель синтезирует принципы семейной хроники и социально-психологического романа. Для писателя очень важно показать движение истории. «Теория исторического процесса прямо связана с проблемой времени, с проблемой прошлого, настоящего и грядущего, олицетворенного в семейной хронике преемственностью поколений, каждое из которых выполняет свою собственную миссию. При этом авторская установка направлена на то, что задачи истории постепенно разрешаются, и каждое последующее поколение приближается к такому моменту, когда трагические противоречия будут изжиты» [Никольский Е.В., 2020, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>].

Е.В. Никольский говорит о традиционном разрешении конфликтов семейно-хроникальных романов, состоящем в финальной идее прогресса. Но у Канты Ибрагимова романы заканчиваются достаточно пессимистично, и для этого есть свои причины. Роман «Прошедшие войны» был написан в 1997-1998 годах, когда Чечня была разорена, и народ был в полной растерянности перед неопределенным будущим. Внуки Цанки Арачаева погибли, один из них убил другого, пусть по незнанию, выполняя свой воинский долг, так как он служил стороне, противоборствующей с Чечней. Конфликт извечный, как сама история, подобную развязку читатель встречал в «Хрониках Карла IX» П. Мериме, в «Тихом Доне» М. Шолохова и других произведениях, посвященных гражданским войнам. Самого Цанку уносит половодье, и перед смертью он видит всех своих родственников – в белых черкесках, смеющихся и счастливых. Очевидно, что в подобном финале нет места оптимизму, умершие как будто радуются, что и они, и Цанка покинули этот бесчеловечный жестокий мир. Главный герой романа «Детский мир» мальчик Кант в финале падает с балкона и погибает. Ему тоже видятся перед смертью прекрасные картины далекого счастливого прошлого: *Детский мир – там, и бабушка – там?! Я лечу! – он вприпрыжку,*

радостно бросился к окну, и над мертвым Грозным пронеслось звонкое, чистое, выстраданное – я-я-я!!! [Ибрагимов К., 2010, с. 274].

Метафора *мертвый Грозный* также не позволяет думать об изменениях к лучшему, как и эпилог романа, в котором писатель показывает, как благополучны в настоящей жизни люди, уничтожившие родной город и подвергшие свой народ бесчисленным испытаниям. Только история Розы из романа «Детский мир», наконец обретшей достойную семью, дает надежду на лучшее будущее.

Следует отметить, что в методологическом плане тенденции социально-психологического романа в творчестве К. Ибрагимова проявляются прежде всего в опоре на приемы психологизма: «... психологическая проза наиболее интенсивно развивается в переломные эпохи, когда формируется новый тип личности, находящейся под воздействием разнородных обусловленностей, что и определяет её внутреннюю сложность и многоплановость» [Панкова Л. И., 2007, URL: <https://cyberleninka.ru>].

Согласно данному утверждению, романы К. Ибрагимова имеют признаки психологической прозы по нескольким параметрам: они созданы в переломные кризисные моменты чеченской истории и посвящены этим событиям, в произведениях представлена новая концепция личности, отличающаяся от традиционно сложившейся в национальных литературах советского периода, герои неоднозначны, они действуют и принимают решения в зависимости от обстоятельств и нередко нарушают моральный кодекс кавказских народов. И здесь проявляется глубокий психологизм писателя, который пытается объяснить подобные поступки моментом, необходимостью, показывая, что по-другому нельзя в данной ситуации. В данных фрагментах включается методология художественной литературы, которая показывает человека и его поступки, опираясь не на законы и правила, а во всей их ситуативной и психологической обусловленности.

Например, А. М. Мириманян выделяет ряд типологических черт социально-психологического романа: «... особое внимание к душевным процессам, наличие психологического анализа, умение характеризовать эмоции героев через их внешний облик, проникновение в скрытые мотивы их чувств и действий, воспроизведение персонажей через устойчивые выразительные признаки, изображение внутренней речи, тонкость наблюдений явлений природы» [Мириманян А. М., 1970, с.63].

Канта Ибрагимов предельно внимателен ко всем внутренним психологическим изменениям в своих героях, которые по природе крайне эмоциональны. Писатель через диалоги и поступки своих персонажей показывает изменения в их сознании, мировосприятии, в системе ценностей, которая всегда в катастрофические моменты подвергается пересмотру. В целом его стиль склоняется к динамичности, событийности, и это достаточно типично, так как рефлексирующий, описательный стиль не характерен для национальных писателей.

Другой способ создания психологической картины у Ибрагимова – это детализация и индивидуализация портретных описаний посредством психологических деталей, что делает его персонажей глубоко индивидуализированными, например фрагмент описания одежды и физического состояния людей, которых оправляли из родных мест в ссылку: *У всех на ногах были сыромятные чуваки, не спасавшие ноги от мороза, они промокли в снегу, набухли, не держались, сползали, скользили, собрав в себя влагу, превратились в ледяшки. Младшие дети, Гелани и Дени, обмочили свою худую одежонку и от этого еще больше мерзли. К тому же все были давно голодными, не понимая, что происходит, просили есть, пить, вернуться обратно домой»* (подчеркивание наше – Л.А.) [Ибрагимов, К., 2010, с. 567].

Последовательная градация образных описаний состояния детей – *башмаки промокли в снегу, набухли, не держались, сползали, скользили,*

собрал в себя влагу, превратились в ледяшки – позволяет писателю создать натуралистическую картину предельной жестокости, которую способен проявить человек по отношению к другому, особенно к детям. Это холод не только физический, кажется, что весь мир, вся природа восстала против чеченцев, изгоняя их.

«Центром романа является индивидуальная судьба и психология личности. В нём, по мысли М. М. Бахтина, «...человек до конца не воплотим в существующую социально-историческую плоть. Всегда остается нереализованный избыток человечности, всегда остаётся нужда в будущем и необходимое место для этого будущего» [Бахтин М. М., 1975, с. 302]. Этот «нереализованный избыток человечности» и привлекает более всего автора психологического романа, т. к. в нём он видит залог иных общественных отношений, не отчуждённых от природной сущности личности и способных воплотить в себе лучшие человеческие свойства» [URL: <https://cyberleninka.ru/article>].

К. Ибрагимов воссоздает, по выражению М. Бахтина, картину антагонистического общества, которое противостоит человеческой природе и оказывает разрушительное воздействие на судьбы целых народов. В данном случае, в романе «Прошедшие войны» советское государство показано обществом-антагонистом, которое изгнало целые этносы с родной земли, не разбираясь в их вине, осудив всех – и женщин, и стариков, и детей. Результаты подобного решения оказались невосполнимой утратой для всех сторон социальной жизни чеченского народа.

Таким образом, традиции социально-психологической прозы на историческую тематику выявлены нами в творчестве Канты Ибрагимова. В контексте нашего исследования необходимо уточнить и разграничить определения – роман на историческую тематику (на тему исторического прошлого) и исторический роман. В литературоведческой науке в основном не различают эти инварианты, причисляя все произведения на тему

исторического прошлого к типу исторического романа. На наш взгляд, необходим более детальный подход, точная классификация, так как цели и методология названных инвариантов имеют принципиальные различия. При определении жанровой специфики мы прежде всего опираемся на представление о том, какие проблемы поставлены автором в произведении, так как на одну тему может быть создано множество текстов, в которых рассматриваются отдельные стороны явления и актуализируются разные проблемы.

Романы на историческую тему имеют множество инвариантов, которые разграничиваются на основе их структурной и содержательной специфики. «Исторический роман, – как пишет Б. М. Жачемукова, – это художественное произведение, темой которого является историческое прошлое (некоторые исследователи обозначают хронологические рамки – не ранее, чем 75 лет до написания текста, то есть жизнь трех поколений). Доля вымысла в данном инварианте романа не должна быть преобладающей.

Роман об историческом прошлом также обращен в историю, но в нем в качестве главных персонажей не фигурируют исторические личности, не затрагиваются широкие исторические события, хотя сюжет романа зачастую построен на проблеме судьбы отдельного человека в какой-то переломный исторический момент. Персонажи данного инварианта вымышлены, преобладает художественная условность и авторская фантазия. ... Хронологически этот тип романа может быть обращен к любому периоду истории, в том числе и не столь отдаленному, как исторический роман» [Жачемукова Б. М., 2011, с.14].

Опираясь на приведенный тезис, в жанрово-стилевом плане мы определяем тексты К. Ибрагимова как произведения на историческую тематику. Несмотря на то, что автор четко следует хронологии важных исторических событий, герои его произведений – простые люди, в большей

части вымышленные персонажи, несомненно представляющие собой собирательные типичные образы. Также в случаях с первой и второй чеченскими войнами темой произведений становится близкое историческое прошлое (менее истории трех поколений).

Особого внимания при определении жанровой специфики требуют крупные эпические формы, как, например, роман-эпопея «Прошедшие войны», историческим фоном которого служат события начиная с периода коллективизации и заканчивая 1995 годом.

Глобальность охвата исторического времени (1924-1995 годы) необходима для показа судьбы главного героя – Цанки Арачаева, который пережил все эти времена со своим народом. Через драматические перипетии жизни одного человека автор показывает историю чеченского этноса периода XX века. В романе прослеживается судьба трех поколений потомков Цанки, но дети и внуки не становятся полноценными персонажами, в характере которых можно увидеть эволюцию, процесс роста самосознания. Каждый из них имеет свою историю, но все происходящее сконцентрировано вокруг личности главного героя. Все потомки Цанки погибают в силу различных обстоятельств, и древний род прерывается. Причины гибели каждого из её детей и внуков связаны с историческими событиями, с войной. Посредством такого разрешения конфликта писатель показывает трагизм происходящего: главный герой выживает для того, чтобы через коллизии его жизненного пути было наглядно показано неумолимое движение истории, которая равнодушна к судьбам отдельных людей, как и вышестоящие чиновники и политики, развязывающие войны и межнациональные военные конфликты.

При том, что роман «Прошедшие войны» в жанровом плане мы рассматриваем как произведение об историческом прошлом, в нем присутствуют и признаки исторического романа, например, включение в художественный текст подлинных документов:

В 1990 году Арчаев Цанка получил официальный ответ на свой запрос в КГБ, в нем сообщалось:

Арчаев Алдум – расстрелян в 1925 г. в Грозненской тюрьме за антисоветскую агитацию и саботаж.

Арчаев Баки – (Хаджи) – умер в 1930 г. в Грозненской тюрьме во время следствия.

Арчаев Косум – расстрелян за антисоветскую агитацию и террор в городе Ростов-на-Дону в 1931г.

Арчаев Баснак – расстрелян во время побега из-под ареста в 1930 г. [Ибрагимов К., 2010, с. 257].

Автор романа не дает конкретных комментариев по вопросу о происхождении документа, но выглядит он вполне правдоподобно, так как подобные случаи в это время были не редкими. Здесь можно обозначить одну из типологических черт романа об историческом прошлом – сочетание художественности и документальности, причем доля каждого из названных начал определяется авторским замыслом. Также важно, что наличие художественного начала обуславливает условность происходящего, и нередко документы могут быть созданы самим автором по аналогу реально существующих. Эти приемы не означают фальсификации, так как в художественном произведении на историческую тему автор не выступает в роли историка, а подчиняется принципам правдоподобия, то есть имеет право создавать любые тексты, не противоречащие реально существовавшим в тот период.

К. Ибрагимов в своих произведениях приводит реальные даты событий, но система персонажей вымышленная, при том, что у каждого из героев есть свои прототипы, или же они являются собирательными образами. Существенно, что в романе «Прошедшие войны» не называются имена реальных исторических лиц, что также подчеркивает его жанровую специфику.

«Важной чертой исторического романа, ставшего особенно популярным в XIX веке, становится опора на документальные факты, то есть «научность», как говорил О. де Бальзак. Однако говорить об исторической правде можно только условно» [Жачемукова Б. М., 2011, с.15].

А. де Виньи в «Размышлениях об истинности в искусстве» вполне обоснованно отметил, что цели и способы отражения действительности у ученого-историка и автора художественного произведения различны. «Для первого единственно ценным является «сомнительная истинность» добываемых им мертвых исторических фактов; второй творческой своей интуицией, в основу которой кладется та или иная легенда, создает некое новое бытие, при всей своей идеальности, ничуть не уступающее реальной правде данной исторической действительности» [URL: <http://feb-web.ru/feb/slt>].

На наш взгляд, кроме вымышленных персонажей, еще одной причиной, по которой жанровая специфика исследуемых текстов К.Ибрагимова определяется нами как романы об историческом прошлом, является тенденция обращения автора к эстетике символизма в плане создания символических образов. Например, название романа «Детский мир» символизирует мирное прошлое и ностальгию автора по этому счастливому времени, а для главного героя – мальчика Канта – здание бывшего «Детского мира», его любимого волшебного магазина, становится убежищем. Здесь можно проследить развитие единой семантической цепи – безмятежный мир детства, чувство защищенности, ведь стены «Детского мира» защищают мирных жителей Грозного от бомбежек. Также в этом романе символичны мир музыки и скрипка Канта. Мальчик не просто талантлив и любит музыку, он живет ею и воспринимает мир через звуки, и, когда он играет для измученных войной людей на своей скрипке, они на эти мгновенья забывают о войне, и лица их светлеют. Не менее важный образ

романа – учительница Анастасия Тихоновна, она также предана музыке, которая всегда давала ей внутренние силы и надежду, тем самым спасая ее в самые тяжелые моменты ее жизни.

В целом через символические образы в произведениях К. Ибрагимова транслируется авторская идея, в данном случае – идея о великой силе искусства, которое вечно и дает людям силу и надежду.

1.2. Особенности структуры сюжета и системы персонажей романов К. Ибрагимова об историческом прошлом

Форма и содержание художественного текста представляют собой глубокое взаимодействующее структурно-смысловое пространство. Для каждой жанровой единицы сформированы определенные нормы построения текста, которые автор может частично преступать в зависимости от специфики сюжета, но в целом общие принципы структурного решения остаются неизменными и определяющими для жанра. В сюжетной организации романов на историческую тематику исследователями обнаружено несколько типологических черт, проявляющихся почти во всех произведениях:

«– авантюренность, т.е. связь сюжетных событий с «чужим миром» и «авантюрным временем» (М. М. Бахтин);

– идея испытания героя;

– кризисная эпоха как время действия романа (кризис может быть политический, культурный, нравственный);

– соединение тем (мотивов, сюжетных ситуаций) «войны и любви», т.е. общественной и частной жизни» [Малкина В. Я., 2002, с. 38].

Приведенная классификация видов структуры сюжета сформулирована и обоснована советским литературоведом М. М. Бахтиным

еще в середине XX века, а в дальнейшем развита и дополнена современными исследователями, но, по сути, на настоящий момент остается базовой.

М. М. Бахтин выявил и научно обосновал, что авантурный хронотоп «... слагается из ряда коротких отрезков, соответствующих отдельным авантюрам; внутри каждой такой авантюры время организовано внешне - технически: важно успеть убежать; успеть догнать, опередить, быть или не быть как раз в данный момент в определенном месте, встретиться или не встретиться» [Бахтин М. М., 1975, с. 242]. Таким образом, ученый делает акцент на событийной стороне авантурного сюжета, которая, по его вполне обоснованному мнению, определяет логику развития действия и специфику конфликта, который имеет особое значение для произведений на социально-историческую тематику. Идейный и проблемный уровни подобного сюжета формируют «... задачи, продиктованные его (героя – Л.А.) вечной человеческой природой – самосохранением, жаждой победы и торжества, жаждой обладания, чувственной любовью» [Бахтин М. М., 2000, с. 76]. Современный исследователь Е. Козьмина, развивая тезис М. Бахтина, отмечает, что «... авантурно-историческая линия связана с “авантурным хронотопом”, выделенным М. М. Бахтиным, что позволяет говорить об испытании героя и мира» [<https://cyberleninka.ru/article>]. В данном тезисе важными для нашего исследования являются характеристики авантурного хронотопа, позволяющего через динамику событий раскрыть идею испытания героя и мира, так как меняется в первую очередь окружающий человека социум, что неизбежно отражается на его личности. Хронотоп произведения связывает категории времени и пространства, имеющие основополагающее значение для художественного воспроизведения и осмысления социально-исторической тематики.

Проведенный нами на основе данных научных утверждений анализ текстов К. Ибрагимова позволяет предположить, что авантурность в романах чеченского писателя реализуется через «коллизии судьбы

“частного человека”, вовлеченного в историческую ситуацию; “человека, который проходит испытание на тождество себе самому как человеку, равность себе в любых исторических обстоятельствах и кризисах”» [Бахтин М.М., 2000, с. 77]. Авантюризм проявляется прежде всего в необычных ситуациях и поведении героев. В этом плане развиваются почти все сюжетные линии исследуемых произведений на уровне базового сюжета и связанных с ними микротем.

Сюжетное действие романов К. Ибрагимова концентрируется на проблеме изменения идеологической позиции героя. Как отмечает Е. Козьмина, это «те фрагменты, в которых эпоха перестает восприниматься героем “теоретически”, отстраненно; он вживается в нее, разделяет образ жизни других людей, приобретает внутреннюю точку зрения и меняет оценку окружающего» [URL: <https://cyberleninka.ru/article>]. Определение «внутренняя точка зрения» имеет глубокое семантическое наполнение, отражая психологию персонажа, его духовно-нравственные ценности, убеждения и жизненные приоритеты. Внутренняя точка зрения проявляется не всегда отчетливо, так как герои до кризисных ситуаций живут обычной жизнью. Но именно внешний конфликт, который характерен для романов К. Ибрагимова, дает возможность героям раскрыться и проявить свои личностные качества.

Можно вполне утверждать, что основной идеей романа «Прошедшие войны» является испытание героя, который через череду частных испытаний проходит проверку на человечность. Существенным фактором, типичным для социально-психологического романа, является то, что эти частные испытания связаны с жизнью других людей, которые живут в этом историческом пространстве и, следовательно, подвергаются таким же внешним воздействиям. Таким образом отдельная судьба становится частью всеобщей истории. Идея писателя, идущая сквозным мотивом через скрытые уровни произведения, имеет глубокое гуманистическое

наполнение: Цанка – типичный представитель своего народа, и его судьба типична для многих чеченцев, прошедших через потрясения XX века. Следовательно, в этом романе испытание на прочность и человечность проходит весь чеченский этнос. Чеченский критик Абу Исмаилов отмечает: «Канта Ибрагимов своим блестящим стилем, выверенным и емким словом сумел показать боль и страдания человеческой души, оказавшейся в жерновах безжалостных исторических событий».

Из многоликой серой массы уничтоженных, покалеченных тем военным молохом судеб он выделил две яркие судьбы, которые стали олицетворением и воплощением нашей многострадальной Матери-Чечни, нашего нестигаемого народа» [URL: <https://checheninfo.ru/12200>].

Все поступки Цанки Арачаева раскрывают его духовно-нравственный мир как представителя своего этноса, живущего по законам народной морали и нравственности. Финал в идейном плане открыт – будущее Чечни неизвестно, главный герой и его потомки трагически погибают. В случае победы людей, предавших свой народ, Чечня утратит свою историю и свое будущее. Но возможен и другой исход, когда у обеих сторон победит здравый смысл, и войны прекратятся. Н. Д. Тамарченко писал по этому поводу: «... испытание на тождество в данном случае выявляет устойчивые начала, обеспечивающие сохранение основных человеческих ценностей в кризисные моменты истории» [Тамарченко Н. Д., 1999, с.129]. Приведенный тезис подтверждает глубинный смысл произведения и можно полагать, что, показывая национальные ценности своего этноса, писатель имманентно проводит идею о том, что его народ пройдя сквозь кризис, вернется к мирной созидательной жизни.

Мы отмечали, что в структурном плане роман «Прошедшие войны» является многоуровневым текстом с разветвленной сюжетной организацией, и основной идейно-тематический мотив испытания героя и народа является лишь частью сюжета испытания, реализуемого в

произведении. Другая, не менее важная, проблема более глобального характера нацелена на осмысление последствий насильственного и разрушительного вмешательства в ход истории для всего чеченского этноса. Писатель для раскрытия данной проблемы, имеющей важное концептуальное значение и реализуемой на мировоззренческом уровне, избирает форму диалога, одним из примеров которого является разговор Цанки со старым андийцем Анди-Хаджи. Молодой человек задает мудрому старцу вопросы, волнующие не только его, но и весь народ, которому грозит почти полное уничтожение. Цели, преследуемые людьми, развязавшими войну, вполне понятны – это война за власть, богатые недрами территории, и инициирована она представителями власти, которыми владеет жажда наживы. А простые люди хотят мирно жить, пахать землю, выращивать скот, говорить на своем родном языке и растить детей. Цанка не понимает, почему правители не заботятся о народе, почему они совершают антигуманистические акции, а старик с высоты прожитых лет и накопленного опыта отвечает ему, что в этом мире так было и будет всегда. Но Цанка еще молод и не может принять этот факт, потому его дальнейшая жизнь представляет постоянную борьбу со злом, материализовавшемся в образах людей, предавших свой народ и продавших свою Родину.

Идеологический план романа «Детский мир» раскрывается через главную мысль произведения, которую пытается донести до читателей Ибрагимов. В значительной степени авторская идея раскрывается через содержание диалога между Гутой Туаевым, возглавляющим восстановление Грозного после первой чеченской войны, и чиновником, отвечающим за финансы. Разговор был подслушан бывшей женой Гуты Розой, которую он держал в подвале:

Гута, пощади. Ведь такое и на бумаге вывести нелегко, миллиарды за полгода освоить. Кто нам поверит? Как мы это спишем?

– Война все спишет.

- ... я в такие игры не играю, на крови деньги делать не буду.
- ...Ты, наверное, забыл..., что и ты, и я ... уже немало заработали, или точнее, наворовали. Конечно, это копейки по сравнению с тем, что отхватили москвичи...
- Эти деньги оплачены десятками тысяч безвинных жизней.
- Вот именно. – Металлически жесткий голос Гуты. – И, если мы начнем с тобой рыпаться, – до утра не доживем... Нужна снова война, чтобы под шумок чужой драмы продолжить разграбление России.
- Как мы несчастны.
- Да, народ наш несчастен ... и сам повинен в том, что поддался провокаторам. А, впрочем, народ здесь бессилен, – это тщательно проработанная глобальная операция, а мы, чеченцы, в силу исторического и географического менталитета, попали в эпицентр коловорты событий [Ибрагимов К., 2010, с. 332].

В диалоге двух предателей своего народа, которые наживаются на крови, прослеживается авторская точка зрения на исторические события – простые люди попали в коловорот исторических событий, и от их воли ничего не зависит, но они делают, все, что в их силах. К. Ибрагимов пытается быть предельно объективным, он показывает, что и среди чеченцев были предатели, воры, люди, движимые только жадой наживы. Одержимые ею, они уничтожали всех, кто стоял у них на пути. Роза попала в этот круг «естественных человеческих потерь», и только случай помог ей спастись.

При анализе системы персонажей было выявлено, что принципы их эволюции, характерны для классической литературы, но в исследуемых романах он не является основным. Несмотря на то, что Цанка Арчаев «проживает» в романе «Прошедшие войны» всю жизнь, начиная с возраста семнадцатилетнего юноши до глубокой старости, его характер не меняется, не происходит каких-то глубинных изменений в его внутренней точке

зрения – системе ценностей, взглядах на жизнь, в отношении к людям. Он проходит через все жизненные испытания, не меняясь как личность. Следовательно, автора интересует не личность отдельного героя, а собирательность черт национального характера и исторический процесс. Герой становится своеобразным проводником, через перипетии судьбы которого показывается движение исторического процесса и национальная трагедия. Таким образом, определенная статичность характеров положительных героев имеет свой смысл: автор пытается показать, что в период кризиса важнейшей опорой для сохранения этноса становятся национальные черты личности, сформированные традициями и остающиеся неизменными, несмотря на жизненные испытания.

Например, личностные черты мальчика Канта из романа «Детский мир» остаются неизменными на протяжении всего сюжетного действия. Описывается пять лет его жизни, и за этот период он из ребенка, еще не выговаривающего отдельные звуки, превращается в подростка. В психологическом плане – это очень сложный период перестройки сознания, особенно для ребенка, пережившего трагедию. Но писатель не показывает никаких изменений в мировоззрении героя, в его восприятии окружающей действительности. Образ Канта статичен, он высказывает одни и те же суждения, можно даже сказать, что мальчик не взрослеет в личностном плане. Следовательно, роль образа Канта в романе символична – она заключается в продвижении идеи о вечности музыки, искусства и показе трагизма и жестокости реального мира. Таким образом, Кант интересен не как индивидуальная личность, так как черты его характера крайне обобщены, а его образ становится своеобразным символом. Остальные персонажи романа (бабушка Учитал) – (Анастасия Афанасьева, медсестра Роза, боевик Бага, Гута Туаев, отец и сын Столетовы и другие) также статичны: в романе не акцентируется внимание на эволюции их характеров – основные черты всех героев и морально-нравственные ценности

сохраняются на протяжении всего действия. Такое решение приводит к выстраиванию оппозиции персонажей: в романе мы видим четкое разделение на положительных и отрицательных героев, следовательно, по мысли писателя, люди не меняются, сохраняя заложенные в них от рождения качества. Например, Гута Туаев, еще не став чиновником, был подлецом и вором. По всей вероятности, он вырос в семье людей, не имеющих духовно-нравственной опоры, что в полной мере ощутила на себе Роза в период ее недолгого и несчастливого замужества.

Другим, не менее важным типологическим признаком авантюрного исторического романа является историческое время, так называемый «момент» – «кризисная эпоха как время действия романа (кризис может быть политический, культурный, нравственный)» [Бахтин М. М., 1975, с.328]. В случае с объектом нашего исследования центром показа и авторского осмысления в романах является общественный политический и духовно-нравственный кризис, обусловленный первой чеченской войной. Этот кризис отразился на всех сторонах общественно-политической жизни, но, по мнению автора, если его можно преодолеть, то изменения духовно-нравственной сути членов общества могут закрепиться в национальном сознании. Эти потери намного губительнее для этноса, и потому автор показывает в своих произведениях, что у людей есть внутренние ресурсы для противостояния внешним разрушительным воздействиям – это народные ценности, выработанные длительной национальной историей.

Современный политический кризис, вызванный первой чеченской войной, раскрывается в ретроспекции, и начался он, по мнению автора, намного раньше – во время исторических событий коллективизации, Великой Отечественной войны и депортации чеченского народа. Масштабность охвата исторических событий позволяет автору прийти к глубоким обобщениям, к показу трагедии чеченского народа в контексте общероссийских исторических событий, отразившихся и на судьбе людей

других национальностей. Автор не обособляет свой народ, он показывает, что в горниле геополитических конфликтов разрушаются судьбы всех простых мирных людей, независимо от их национальности. В этом подходе обнаруживается гуманистическая направленность творчества К.Ибрагимова.

Показ глобальных исторических событий в романах чеченского писателя идет через «соединение тем (мотивов, сюжетных ситуаций) “войны и любви”, т.е. общественной и частной жизни» [Бахтин М. М., 1975, с.280]. Несмотря на постоянные потери, герой романа «Прошедшие войны» Цанка Арачаев продолжает жить, любить, работать. Его личность, характер не меняются, под давлением внешних обстоятельств он не становится вором и предателем и стремится помочь тем, кто нуждается в его поддержке. На всю жизнь Цанка сохраняет единственное настоящее чувство – любовь к Кесирт. Анастасия Афанасьева (бабушка Учитал для Канта) из романа «Детский мир», пройдя через предательство Столетова и ужас войны, также сохраняет человеческое достоинство и внутренние духовные ресурсы, чтобы спасти Мальчика, учить его музыке, помогать Розе, Баге, противостоять бандитам и «федералам».

В системе персонажей романов К. Ибрагимова наблюдается достаточно постоянное распределение образов. Основные герои его произведений – частные люди, вовлеченные помимо воли в социально-политические конфликты. В структурном плане в исследуемых текстах обнаруживается несколько «пар» персонажей, так или иначе сопоставленных друг с другом для того, чтобы подчеркнуть положительные и отрицательные человеческие качества, которые проявляются наиболее зримо в кризисных ситуациях. Подобная концепция близка романтической, в которой образы персонажей были носителями в основном одной идеи – либо положительные, либо отрицательные. К. Ибрагимов, конечно, создает более многогранные образы, показывая, что человеку свойственно

заблуждаться и ошибаться, но при этом базовая основа личности остается неизменной.

В романе «Детский мир» боевик Бага, казалось бы, асоциальный типаж, который должен быть показан как безжалостный и бесчеловечный убийца, спасает Мальчика и учительницу Анастасию Афанасьевну. А Гута Туаев, занимающий важный пост, напротив, предстает перед читателями всецело безнравственной личностью – предателем, жестоким убийцей и вором. Оппозиция типов личности очевидна, причем автор постоянно противопоставляет героев, которые сражаются за идею спасения своего народа и родины, чиновникам высокого положения, среди которых не оказывается порядочных людей.

В результате анализа системы персонажей можно заключить, что писатель еще недостаточно овладел приемами психологизма, что приводит к некоторому схематизму и статичности образов в его романе. Очевидно, что подобная творческая тактика обусловлена типом авантюрного сюжета, в котором основной акцент делается на событийной стороне. Следует также обратить внимание на тенденции натуралистического показа отдельных проявлений отрицательных персонажей – автор нередко акцентирует внимание на доминировании физиологических инстинктов и крайней жестокости, что не свойственно национальным литературам. В данном плане, по всей вероятности, реализуется авторское стремление к объективному показу общественной жизни и сущности личности без идеализации и сокрытия негативных и иррациональных проявлений человеческой природы. Эту тенденцию можно трактовать как определенную эволюцию и движение к стандартам реалистической мировой литературы.

1.3. Проблема художественного метода Канты Ибрагимова: синтез приемов различных художественных направлений

В творческой манере, в художественном методе Канты Ибрагимова при доминировании реалистической манеры обнаруживаются тенденции, присущие различным художественным направлениям, в частности, натурализму и символизму. Подобный синкретизм художественных методов типичен для современной литературы эпохи постмодерна, расширившей жанровые и видовые границы, органично вбирающей в пространство одного текста художественные приемы различных стилей и направлений.

На основании жанровых и структурно-стилевых особенностей можно утверждать, что базовым художественным методом писателя является реализм в его классическом варианте, без идеологической окраски. В его произведениях отмечается ряд таких типологических черт, свойственных реализму, как опора на историзм, интерес к духовно-нравственной и актуальной социальной проблематике, социальный детерминизм, центральный конфликт – «человек и общество», психологизм в создании концепции личности, критический показ социальной несправедливости, стремление к обобщению и типизации и другие.

В классическом определении Ф. Энгельса реализм – это «художественный метод в литературе и искусстве, следуя которому писатель изображает жизнь в соответствии с объективной реальностью; правдивое воспроизведение «типических» характеров в типических обстоятельствах» [цит. по: Руднев В. П., 2001, с.].

Приведенное определение основывается на наблюдении, что в центре внимания писателей реалистического направления «находятся не просто факты, события, люди и вещи, а те закономерности, которые действуют в жизни, взаимоотношения человека и среды, героя и времени, в котором он

живет. ... Отбор явлений жизни, их оценка, умение представить их как важные, характерные, типические — все это связано с точкой зрения художника на жизнь, а это его умение уловить движение эпохи» [Словарь литературоведческих терминов, 1974, с. 205].

С. Петров считает, что «в качестве *principus divisionis* реализма, как и всякого иного художественного метода, должен быть взят способ изображения человека и среды, внутреннего мира человека и окружающего его внешнего мира, составляющих две взаимосвязанных стороны единого предмета художественного познания. ... Отсюда вытекает особый аспект предмета познания художественной литературы – самый процесс жизни, история с присущими ей объективными закономерностями» [URL: <https://voplit.ru/article>].

Именно выявление причинно-следственных связей всех явлений окружающей реальности, отражающихся тем или иным образом на жизни человека, позволяет говорить о реалистической тенденции в творчестве К. Ибрагимова. Не менее важным обоснованием данного утверждения служит опора писателя на методы объективного историзма, получившего в современном литературоведении название «новый историзм».

К. Ибрагимов с целью глобального охвата исторического времени и последующего художественного воплощения его закономерностей выработал особую структуру текста, в котором важную роль играет фигура повествователя, непосредственного свидетеля описываемых событий. И повествование развивается по законам человеческой памяти, в которой перемежаются события прошлого и настоящего в их глубинной взаимосвязи и взаимообусловленности. Если учесть, что после Великой Отечественной войны были высланы на поселение не только представители чеченского народа, но и многих других кавказских этносов, то становится очевидным, что актуализированная Ибрагимовым тема становится масштабной и имеет большое социальное значение для восстановления исторической правды.

В целом идея К. Ибрагимова, стремящегося посредством применения жанрового инструментария социально-психологического романа показать жесткое противостояние народа и власти, актуальна для всех времен и народов.

Например, фрагмент текста К. Ибрагимова, представляющийся показательным для реалистической литературы: *Последний оплот империи на Северном Кавказе, высокогорная крепость Ведено, была брошена на произвол судьбы еще в начале 1917 года. Губернатор округа под покровом ночи, не сказав ни слова гарнизону, в окружении преданных чеченцев вместе с семьей бежал во Владикавказ. Через два дня местные горцы окружили крепость и разнесли ее по кирпичику. Несколько офицеров, пытавшихся оказать сопротивление, расстреляли, а в основном всех с миром проводили до равнинного села Шали – центра Чечни* [Ибрагимов К., 2010, с.17].

В приведенном фрагменте называются и описываются реальные события, зафиксированные в хрониках того времени: дата их происшествия, настоящие названия топонимических объектов – крепость Ведено, Владикавказ, село Шали, что подчеркивает достоверность материала.

Приведем второй пример, в котором автор точно, в мельчайших деталях воссоздает неповторимую атмосферу горского базара: *В то время в Макхеты шла бойкая торговля. Расположился базар прямо под селом в просторном ущелье реки Басс. Кого только не было на этом базаре. Горцы свозили сюда сыр и масло, птицу и мясо, с равнин чеченцы и казаки везли муку, рис, ячмень. Из Грозного поставляли соль, сахар, который был гораздо дороже меда, керосин. Из Дагестана даргинцы привозили изумительные ковры, металлическую посуду, кинжалы. Цыгане продавали скобяные изделия. Армяне и горные евреи предлагали золото и серебро. Как и во все времена в Чечне был оружейный рынок. А самыми роскошными считались тканевые ряды* [Ибрагимов К., 2010, с.101].

Описание горского базара представляет красочную реалистичную картину, и в его существовании в прошлом никто не усомнится благодаря достоверным деталям. Автор называет реальное название места, где проходила торговля, откуда везли товар, чем торговали люди разных национальностей, из чего следует, что он изучал архивные материалы и воспоминания путешественников. Картина вполне реалистична и красочна, в ней воссоздается аутентичный мир многонационального Кавказа, то время, когда дружно сосуществовали представители разных этносов. Последующая междоусобица, в том числе на национальной почве, противоречит древним устоям, следовательно произошла не по воле мирных граждан. В этом заключается авторская идея, которую он продвигает на протяжении всего произведения с разных сторон, воссоздавая реалистичную картину прошлого, трактуемого как идеальный мир.

В данном случае наш тезис согласуется с теорией исследователя реализма С.М. Петрова, обратившего внимание на способность писателя-реалиста отображать жизнь разными способами, но с целью всестороннего воспроизведения социальной действительности.

Тенденции натурализма и символизма, обнаруженные нами в исследуемых текстах, трактуются нами в качестве дополняющих реалистические приемы, то есть вторичных. Следует отметить, что обращение к ним происходит у К. Ибрагимова не равномерно, по мере необходимости, обусловленной недостаточной эффективностью реалистической методологии для показа отдельных сцен или состояния персонажа. Например, в романе «Прошедшие войны» нами выявлен синтез реалистических и натуралистических приемов. Это не случайно, так как в реализме и натурализме наблюдается ряд теоретических схождений. Это относится прежде всего к основной установке обеих художественных систем на воспроизведение жизни общества и его членов без искажений, с полным правдоподобием. Но реализм, в основе которого заложен принцип

типизации, декларирует отбор фактов в отличие от натурализма, ставящего своей основной целью показать жизнь человека и общества «без купюр», что приводит к излишнему интересу к физиологической стороне его жизни.

«Литературный натурализм опирается на преимущественно биологическое восприятие человека, социума, мира, творчества, красоты. Главная сфера художественных интересов натурализма – земной, смертный человек, ... рассмотренный «объективно», в контексте своих биологических (плоть, кровь, наследственность, эротика, особенности нервной системы и восприятия, работа сознания и бессознательного), социально-биологических (раса, нация, общество, город как организм, возможности приспособления индивида к среде) связей» [Толмачев В. М., 2017. URL: <https://cyberleninka>].

В романах К. Ибрагимова натуралистические приемы оказываются вполне органичными и эффективными при демонстрации случаев аффективного поведения персонажа, теряющего человеческие качества и превращающегося в животное либо под физическим воздействием, либо когда им овладевает похоть и другие инстинкты. Писатель в таких фрагментах обращается также к ненормативным дискурсивным практикам, вводя в речь персонажей вульгарную и оскорбительную лексику. В высказываниях героев теряется логика, и они начинают выражать свои мысли и чувства крайне экспрессивно и бессвязно. Необходимо отметить, что подобная речевая манера персонажей была не свойственна советской литературе в целом, а в национальных литературах запрет на сниженную и ненормативную лексику был еще жестче, что объясняется ментальностью горских народов. В этом, конечно, Ибрагимов не придерживается традиционных норм национальных литератур.

Например:

Был совсем скандальный случай. Когда после траура Кесирт везли домой, все село вышло на улицу. Все выражали молчаливое сочувствие, и только супруга муллы вся сияла.

- О, Бог! Как ты справедлив! - кричала она. Посмотрите, посмотрите, люди! Ха-ха-ха, как дочь князя увозили, а теперь как положено привозят...

- Замолчи бессовестная, - прикрикнула на нее одна из соседок, - как тебе не стыдно!

- А что мне стыдиться, что я сделала? Что я, кого ограбила, или с кем нагуляла, как некоторые...

Тут подскочил Косум, замахнулся. Бить не стал жену старшего брата, но со злостью развернул дородную женичину и силой впихнул во двор, обзывая свиньей и дрянью... [Ибрагимов К., 2010, с. 100].

В приведенном фрагменте выделены лексемы и выражения, не позволенные для национальной художественной литературы, но появление их в тексте объясняется авторской целью и, возможно, что этот прием усиливает образы персонажей, проявляя их истинную человеческую суть через язык. Подобная стратегия вызывает интерес у современных лингвистов, например, А. Борунов отмечает тенденцию «максимального приближения письменного текста к разговорной речи» [URL: <https://cyberleninka.ru>]. В данном случае исследователь говорит о разговорной лексике, которая была и есть приемлема в литературном творчестве как средство реалистичного показа персонажа или его индивидуализации через речь. А Ю. А. Панов, в свою очередь, отмечает, что «интенсивное распространение сниженных слов и выражений в разговорной и (потенциально) литературной речи является в течение последнего десятилетия наиболее заметным языковым процессом в России. ... происходит деформация литературного словоупотребления – языковая

практика заставляет людей невольно ориентироваться на жаргонные формы и значения» [<http://litset.ru/stuff/33-1-0-518>].

В целом рассматриваемая нами стилистическая особенность текстов К. Ибрагимова представляется особым индивидуальным авторским приемом, с помощью которого реализуется стремление писателя к предельному объективизму и натурализму, то есть, к полной достоверности при раскрытии исторической тематики.

Другой целью является индивидуализация персонажей и показ их внутренней сущности или эмоционального состояния через речь. Например, в процитированном выше фрагменте оскорбительные слова, которые употребляет Хадижат по отношению к Кесирт, характеризуют ее как низкого злобного человека, и поэтому ответные оскорбления Косума в адрес Хадижат уже не вызывают недоумения. Очевидно, что автор, не оценивая поведение героини прямо, дает эту возможность читателю. Ю. А. Панов выдвигает предположение о том, что активное внедрение нелитературной лексики в художественные тексты объясняется тем, что «...на определенном историческом этапе развития языка ощущается некая неадекватность номинативных средств реальности, что требует заполнения и компенсации» [<http://litset.ru/stuff/33-1-0-518>].

Другим объяснением стилистических особенностей произведений К. Ибрагимова является факт, что писатель обладает билингвальным сознанием, он двуязычный. Следовательно, в его языковом сознании в процессе внутреннего перевода текста на русский язык с родного языка мышления образуются так называемые лингвистические лакуны. Лингвистической лакуной в лингвистике называется «явление, которое имеет место всякий раз, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке» [Vinay & Darbelnet, 1958, с. 10].

В следующем примере показывается, как автор отражает эмоциональное состояние героя через вульгарную лексику и непристойные выражения:

Мгновенно кровь хлынула в голову Цанке. Теперь от ярости задрожал он.

– Стой, стой, подлюка, - закричал он, бросаясь к обидчику, на ходу выхватывая револьвер. – Это я тебя сейчас буду иметь, и тебя, и твою мать, и весь твой паршивый род! [Ибрагимов К., 2010, с. 120].

Цанка находится в состоянии ярости, он не контролирует ни свои действия, ни слова. Автор описывает состояние героя как аффективное, и непристойные угрозы, самые оскорбительные среди чеченцев – по отношению к матери и к роду обидчика, а также порыв убить его – подчеркивают доминирование бессознательных инстинктов над его рациональной человеческой сущностью. Именно эти приемы и показ физиологических сцен в романах К. Ибрагимова, достаточно часто появляющиеся в его романах, вызывают резкую критику и неприятие со стороны ряда читателей и литературных критиков.

Или, например, применение автором натуралистических приемов в романе «Прошедшие войны», в котором во всей жизненной правде показывается власть физиологических потребностей над разумом низменных в духовно-нравственном плане личностей:

Он смотрел на низкое, в поздних сумерках, туманное небо, холод сырой земли постепенно проник в его жирное тело. И только тогда осознал он, что натворил. Вскочил, посмотрел на голое тело. Теперь даже дотрагиваться побрезговал, не посмел.

Потом куском платя Кесирт долго стирал с обвислого тела обильную сохнувшую кровь, слизь. Сбросив наземь голую перевязанную женщину, достал из-под нее свой полушубок, боясь на нее смотреть, отворачивался. Спешно оделся, отвязал коня, тронулся прочь. Метров

через десять остановился, решительно вернулся, склонился, пальцами перехватил тонкое длинное горло, сжал ... но до конца убить не хватило духа. Вскочил, шел задом, с ужасом глядя в лицо Кесирт, пока не споткнулся. Потом быстро поднялся и убежал со страшной поляны [Ибрагимов К., 2010, с. 254].

В сцене надругательства над Кесирт ее односельчанином Хароном К.Ибрагимов показывает до какой низости может дойти человек, поддавшийся низменным плотским инстинктам. Поступок Харона, нарушающий не только законы чеченской общины, но и общечеловеческие, привел к страшным последствиям – Кесирт покончила собой, мать Цанки Табарк выстрелила прямо в лицо насильнику, и суд оправдал ее:

Через день вечером ехал на бричке домой Харон Тутушев, сзади сидели попутчики. Выскочила Табарк из лесу, ткнула в жирное лицо насильника ружье.

– Ты что, свинья, думаешь, что Арачаевы своих женщин трогать дадут?

Хотел Харон что-то сказать, предпринять, но не успел. Выстрелила Табарк дуплетом прямо в лицо, безголовый труп понес конь домой. На ходу соскакивали испуганные попутчики [Ибрагимов К., 2010, с. 255].

Вполне возможно, что подобные происшествия случались в чеченских поселениях, но об этом никто не писал в художественных произведениях, тем более с таким натурализмом. До настоящего времени в чеченской литературе умалчивались ситуации, снижавшие стереотипный образ горца как человека с высокими морально-нравственными принципами. Отрицательные персонажи были в основном представлены типажам предателей и трусов, но не насильников. К. Ибрагимов решил в показе жизни чеченского села обнажить все скрытые до настоящего времени реалии – и хорошее, и плохое, что, собственно, присуще каждому этносу.

Выявленные нами натуралистические тенденции в произведениях К. Ибрагимова представляются вполне обоснованными, но при этом они не доминируют, а применяются в случаях, когда методология реализма оказывается несостоятельной или недостаточно адекватной описываемому состоянию персонажа или ситуации.

В романах К. Ибрагимова наряду с реалистическими и натуралистическими приемами, проанализированными нами выше, мы выявили ряд концептуальных положений символизма, проявившихся в качестве отдельных тенденций.

Наиболее показательной в этом плане нами представляется художественная реализация в романе «Детский мир» базовой символистской концепции двоемирия. Писатель противопоставляет миру идиллического прошлого абсурдное противоестественное время войны. Антигуманная сущность настоящего передается через резкий контраст между ностальгическими воспоминаниями Канта о счастливой семейной жизни и его настоящей сиротской жизнью в подвале.

К. Ибрагимов пытается отойти от однозначных или политических трактовок чеченских войн и показать их разрушительную силу изнутри, через человеческие судьбы. По его мысли, никакие цели, кроме защиты Родины от внешнего врага не стоят уничтоженной человеческой жизни. В романе противопоставляются силы разрушения и созидания через материальные объекты, духовно-нравственные ценности и образы. Первое противопоставление идет через показ здания «Детского мира» до войны и во время боевых действий (красивое монументальное здание и руины). Второе реализуется через противостояние ценностей и духовного мира положительных и отрицательных персонажей. Третий уровень двоемирия отражен в личных судьбах и поступках персонажей.

Мир музыки, которой живет мальчик Кант, символизирует вечную красоту и гармонию мироздания и усиливается космической символикой.

Мальчик страдает лунатизмом и по ночам все время выходит на балкон, вглядываясь в звездное небо: *Он не ответил, любовался иным миром. Весенняя ночь над Грозным была прохладной, слегка унылой, зачаровывающей. На темно-синем бесконечном небе множество манящих звезд; на востоке уже всплыла спелая, сочная луна; на юге ... игристая стайка серебряных облаков ... И казалось, в природе наступил покой, полная гармония и понимание, если бы не те рыжие языки пламени с блок-поста, что теперь режут взгляд Мальчика, вроде хотят сжечь идиллию жизни* [Ибрагимов К., 2010, с. 183]. В приведенном фрагменте отчетливо выявляется идея двоемирия, реализуемая через резкий диссонанс между вечной красотой мироздания (идиллия жизни) и разрушительной силой войны (рыжие языки пламени с блокпостов).

Символистские тенденции не столь часто и так ярко проявляются в прозе К. Ибрагимова, как натуралистические. Причины этого кроются в самой проблематике, которая не предполагает обращения к идеалистическим концепциям. В данном случае, в романе «Детский мир» автор идет на смелый шаг, привлекая художественную методологию символизма, не свойственную произведениям о войне. Очевидно, что он не оставляет надежду на спасение духовно-нравственной основы чеченского народа и веру в его внутреннюю силу, вводя в текст символы вечной красоты и добра.

Синтез реализма с натуралистическими и символистскими тенденциями позволил автору максимально достоверно воссоздать картину жестокой военной действительности, создать психологически и социально обусловленные типажи эпохи, обратиться к проблемным вопросам человеческого сознания и национального менталитета.

Выводы к главе I

Структурно-содержательным ядром романов К. Ибрагимова является исторический конфликт. Концентрический сюжет, через который он раскрывается, дает возможность автору показать и раскрыть причинно-следственные связи явлений в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Движущей силой сюжетов всех произведений писателя, сконцентрированных на проблеме «судьба человека и война», является проблема нравственного выбора, стойкости и мужества народа и отдельной личности перед лицом смертельной опасности.

В контексте нашего исследования мы уточняем и разграничиваем определения «роман на историческую тематику» (на тему исторического прошлого) и «исторический роман» и определяем тексты К. Ибрагимова как произведения на историческую тематику. При том что автор четко следует хронологии важных исторических событий, герои его произведений – простые люди, в большей части вымышленные персонажи, несомненно, представляющие собой собирательные типичные образы. Также в случаях с первой и второй чеченскими войнами темой произведений становится близкое историческое прошлое (менее истории трех поколений).

Другим обоснованием подобной жанровой идентификации является тенденция обращения автора к эстетике символизма в плане создания символических образов, что не свойственно исторической прозе.

В своих художественно-документальных произведениях на тему исторического прошлого автор стремится к предельной объективности и реалистичности. Принцип образности остается ведущим для произведений с художественной доминантой, и в исследуемых романах при воссоздании реального исторического контекста мы выявляем сочетание элементов исторической правды и вымысла, который обнаруживается в концепции

личности, характерах персонажей, обрисовке межличностных отношений и других компонентов художественного мира произведения.

Историзм является одним из ведущих методов в романах об историческом прошлом. При этом, несмотря на опору на принципы объективизма и историзма, в исследуемых произведениях проявляется и субъективная историческая концепция К. Ибрагимова, его личностный взгляд на развитие исторического процесса и суть важных для этноса событий. Таким образом, феномен художественного текста позволяет автору соединить в одном произведении объективные научные подходы (историзм, объективизм и др.) и субъективное авторское видение.

Романы Канты Ибрагимова в структурно-содержательном плане синкретичны, в его текстах можно обнаружить типологические признаки жанровых инвариантов *fiction* (художественной литературы) и *non-fiction* (литературы без вымысла).

Роман «Прошедшие войны» в видовом плане можно отнести к жанру семейной социально-исторической саги, имеющей в чеченской литературе предпосылки в качестве традиций фольклорных семейных преданий – *тептаров*, в которых повествовалось об истории отдельного рода, иногда – на фоне социально-исторической обстановки.

О наличии тенденций историко-биографического жанра в романах К.Ибрагимова можно говорить по причине присутствия в тексте личности автора, который через авторские отступления, воспоминания и комментарии выражает свои оценки и отношение к происходящему и к героям своих произведений.

Романы К. Ибрагимова имеют признаки социально-психологической прозы по ряду типологических признаков: они созданы в переломные кризисные моменты чеченской истории и посвящены этим событиям, в произведениях представлена новая концепция личности – герои неоднозначны, они действуют и принимают решения в зависимости от

обстоятельств и нередко преступают моральный кодекс кавказских народов, трактовка характеров героев и их поступков чаще ситуативно обусловлена, но в целом автор делает попытку психологического анализа внутреннего мира персонажей.

В своих произведениях К. Ибрагимов создает, по выражению М. Бахтина, картину антагонистического общества, которое противостоит человеческой природе. Например, описывая в романе «Прошедшие войны» период депортации, писатель показывает советское государство как общество-антагонист, изгнавшее целые этносы с родной земли, не разбираясь в их вине, осудив всех – и женщин, и стариков, и детей.

Выявив авантюренность (по М. Бахтину) в построении сюжетов романов К. Ибрагимова, мы отметили, что данный сюжетный инвариант реализуется через нестандартные перипетии судьбы «частного человека», вовлеченного в историческую ситуацию. Для стиля таких произведений характерна повышенная событийность в ущерб психологизму и описательности.

Внутренний план сюжета у К. Ибрагимова концентрируется «на проблеме изменения точки зрения героя (прежде всего «идеологической», по Б. А. Успенскому)» [Малкина В. Я., 2002]. Вполне можно утверждать, что сюжет романа «Прошедшие войны» в целом «представляет собой одну общую ситуацию испытания героя на тождество себе как человеку. Основная идея – это испытание философской (моральной) идеи вмешательства в историю. Поэтому существенную роль в романе играет такая композиционно-речевая форма, как идеологическая дискуссия персонажей» [Малкина В. Я., 2002, с. 54].

Можно утверждать, что в исследуемых романах нет выраженной эволюции персонажей и очевидно, что автор не ставит такой творческой задачи. Несмотря на то, что главный герой – Цанка Арачаев «проживает» в романе «Прошедшие войны» всю жизнь, он проходит через все жизненные испытания, не меняясь кардинально как личность: он не меняет своих

убеждений и морально-нравственных ценностей. Следовательно, автора интересует не личность отдельного героя, а собирательность черт национального характера и исторический процесс. Герой становится своеобразным проводником, через жизненные коллизии которого показывается движение исторического процесса и национальная катастрофа.

Масштабность охвата исторических событий позволяет автору прийти к глубоким обобщениям, к показу трагедии чеченского народа в контексте общероссийских исторических событий, отразившихся и на судьбе людей других национальностей. Современный политический кризис раскрывается через предыдущие, как бы подготовительные этапы – события коллективизации, Великой Отечественной войны, периода депортации этноса и первой, и второй чеченских войн. Автор не выделяет свой народ в качестве наиболее пострадавшего, он показывает, что в горниле геополитических конфликтов разрушаются судьбы всех простых мирных людей, независимо от их национальности. В этом подходе обнаруживается гуманистическая направленность творчества К. Ибрагимова.

Система персонажей романов К. Ибрагимова имеет достаточно повторяющуюся структуру. Все главные герои – простые люди, кроме Гуты Туаева, вовлеченные помимо воли в социально-политические конфликты. В произведениях обнаруживается несколько пар персонажей, так или иначе сопоставленных друг с другом для того, чтобы подчеркнуть положительные и отрицательные человеческие качества, которые проявляются наиболее зримо в кризисных ситуациях.

В творческой манере, в методе Канты Ибрагимова обнаруживаются три основных тенденции, присущих различным художественным направлениям, – реализму, натурализму, символизму.

Реализм, который, несомненно, доминирует, проявляется через приемы типизации, социального детерминизма, объективизма и историзма,

через особую концепцию личности, представляющую собой тип эпохи, базовый конфликт «человек и общество» и другие маркеры реалистического метода.

Натуралистические сцены оказываются продуктивными и наиболее эффективными при воспроизведении моментов пробуждения в человеке бессознательного, инстинктивного животного начала либо под внешним воздействием, либо в силу внутренней нравственной деформации.

Символистские тенденции наиболее показательны в романе «Детский мир» и обусловлены идеей противопоставления идиллического прошлого и абсурдного античеловеческого настоящего.

Трагический финал романа – гибель Канта, на первый взгляд, не оставляет надежды на спасение, но, с другой стороны, многострадальная Роза обретает семейное счастье и детей, следовательно, по мысли автора, жизнь продолжается и в человечестве пробудится здравый смысл.

**Глава 2. История и художественная реализация проблемы
«судьба частного человека и война» в романе Канты Ибрагимова
«Прошедшие войны»**

**2.1. Роль исторического контекста и его художественное
отображение в романе**

История и литература всегда были неразрывно связаны, писатели и поэты первыми откликались на исторические события, опережая науку. «Исследователи литературного процесса XX-XXI вв. нередко говорят об “историческом ренессансе”, о “давлении” и даже “диктате истории” в литературе. Этому есть свое объяснение. Наше время можно определить, как “одномоментную” (по Шпенглеру) с рубежом XIX и XX вв. эпоху. Очевидно их типологическое созвучие. Резкий исторический разрыв, распад великой страны, слом многих судеб, длительный идеологический, аксиологический и социальный кризис, сложные поиски выхода... Выдвинув в ходе бурных дискуссий начала прошлого века ряд философских и социальных концепций, Россия в своей практике испытала часть из них – и на новом историческом витке вновь вернулась к «проклятым вопросам» русской и мировой мысли. Сама история – из числа таких вопросов» [Трубина Л. А., 1918, URL: <https://cyberleninka.ru/article>].

Чеченская литература не стала исключением, и на рубеже веков тема исторического прошлого зазвучала вновь, но уже на основе новых методологических подходов при ее осмыслении, с «новым историзмом» и достоверностью, насколько это возможно в художественно-документальных текстах. Термин историзм мы конкретизировали определением «новый», так как в конце 1990-х годов «... было осмыслено в научном плане и вошло в категориальный аппарат литературоведения понятие “историческое сознание”... Важнейшим инструментом литературоведческого исследования вплоть до 1990-х гг. была категория

«историзм», однако начиная с 1990-х гг. на протяжении почти четверти века в работах ученых это понятие употреблялось крайне редко. Тому есть ряд причин – как собственно филологических, так и внелитературных» [Трубина Л. А., 1918, URL: <https://cyberleninka.ru/article>].

Начиная со второй половины 1980-х годов «... гуманитарное знание вступило в затяжной методологический кризис, который, по утверждению ряда исследователей, не преодолен и в настоящее время» [Чураков Д.О., 2016, с. 86]. «Попытки найти новые основания для описания взаимоотношений исторической науки и литературы с действительностью привели к формированию теории “нового историзма” (*new historicism*). Ее последователи исходят из принципиальной невозможности постигнуть объективные закономерности исторического развития. Развивая взгляд на культуру как “миметическую практику”, они рассматривают историю как текст, утверждают равноправие истории и литературы в качестве своеобразных дискурсов» [Западное литературоведение, 2014, с. 292-294].

Трактовка такого метода, как историзм, основного и типиформирующего для художественных произведений на историческую тематику и в целом для реализма, имеет множество вариантов, обусловленных идеологической доминантой периода создания текста. Наиболее объективным и обоснованным, на наш взгляд, является следующее определение: «Историзм художественный отличается от историзма в науке. Его специфика в преимущественном интересе писателя к человеческим судьбам. Общее, типическое, объективные закономерности исторического развития “просвечивают” в частном, индивидуальном, неповторимом. Историзм в искусстве, художественное освоение конкретно-исторического содержания эпохи, ее облика и колорита, отраженных в сознании и поведении людей, – категория эстетическая» [Трубина Л.А., 1918, URL: <https://cyberleninka.ru/article>].

Анализ содержания романов К. Ибрагимова показывает, что писатель применяет метод историзма в его современном понимании, без идеологической окраски. В его произведениях «общее» (социально-историческое движение) просвечивает сквозь призму показа «частного» (судьбы отдельного человека или рода). Художественное освоение конкретно-исторического содержания эпохи происходит с опорой на установки различных художественных методов, отбираемых автором для реализации поставленной конкретной задачи (реализма, натурализма, символизма). Но также в произведениях К. Ибрагимова присутствует документальное начало – воспоминания реальных людей, конкретные даты и топонимические объекты. Таким образом, синтезируя приемы художественного отображения исторических событий с документами эпохи, автор создает многомерную картину, воспроизводящую жизнь людей в определенный период, важный для истории этноса.

По литературной традиции в методологическом плане реализм кроме историзма предусматривает социальный детерминизм – обусловленность характеров и поступков персонажей общественной средой в широком понимании (тип государственности с присущей ему идеологией). Социальный детерминизм – это междисциплинарный подход, согласно которому индивидуальное поведение определяют в первую очередь социальные взаимодействия (в отличие от биологических или объективных факторов). В данном плане трактовка личности у Ибрагимова больше раскрывается в натуралистической парадигме. По эстетике натурализма, характеры оказываются детерминированы в большей степени биологическими факторами и средой-окружением, можно сказать, близким кругом – семьей, друзьями, односельчанами. Анализ концепций личности в исследуемых романах показал, что подобная трактовка обусловленности характера ближе К. Ибрагимову, чем социально детерминированная, и при создании концепции личности писатель больше опирается на теории

натурализма, особенно в части акцента на значении родовой (наследственной) принадлежности.

В целом, на наш взгляд, в романах К. Ибрагимова нет выраженной концепции личности, так как его герои не представляют всесторонне сформированные типы эпохи, как и не наблюдаются глобальные мировоззренческие обобщения. Писатель выступает больше как летописец, воспроизводя ход исторических событий и высказывая свою оценку происходившему. В романах не действуют известные исторические деятели, что приводит к своеобразному построению его текстов на историческую тематику. Мир в произведениях Ибрагимова как бы расколот на два пространства: простые чеченцы живут в одном – реальном мире, верхушка власти, инициировавшая войну, находится в другом, не конкретизированном. В романах действуют отдельные представители народа, военные федеральных войск и высшие эшелоны власти, представленные вымышленными образами Аркадия Столетова и Гуты Туаева. В целом писатель не доходит до широких обобщений, глубинного анализа описываемых событий, центр его интереса – судьба человека. Данный подход опять же ближе к концепции натурализма, и он проявляется не только в этом, но и, как ранее уже отмечалось, в трактовке личности, повышенном интересе к физиологии, к иррациональному поведению человека, попавшего в экстремальные обстоятельства.

Например: *В семье Борзаевых случился скандал. После этого дочь уехала в Грозный, работала где-то в кафе, говорили, что вышла неудачно замуж, развелась. Одним словом, когда в Грозном после переворота 1991 года началась чехарда, развал и разгул, повзрослевшая Музилпат вернулась в родной дом* [Ибрагимов К., 2010, с. 11].

Мы привели фрагмент из начала романа, в котором по правилам жанра автор должен познакомить читателя с исторической ситуацией, о которой будет идти речь в произведении. Названный подход характерен для

исторических текстов, в которых на первом плане раскрывается ход истории и происходит погружение в обстановку. Но К. Ибрагимов лишь вскользь упоминает о событиях 1991 года, когда началась первая чеченская война, охарактеризовав общие настроения - *чехарда, развал и разгул*, не давая никаких комментариев по поводу сути происходящего, политических расстановок, целей обеих сторон военного конфликта. Это еще раз показывает, что писателя больше интересуют судьбы людей, а история рассматривается в качестве внешней силы, на них воздействующей и меняющей их жизнь и ценности. Также он ставит целью активизировать сознание читателей, чтобы затем по ходу развития событий они сами пришли к оценке происходящего. При этом нельзя сказать, что автор отстраняется от текста, так как на протяжении всего повествования с помощью различных средств Ибрагимов направляет читателя на однозначное восприятие исторического события – его безоговорочное неприятие и осуждение.

Напавшая сторона характеризуется чаще с позиций оценки разными героями произведения, но основная мысль звучит в самом начале романа: *Самое страшное на земле – когда объединяются люди, которым нечего терять, даже совесть и честь* [Ибрагимов К., 2010, с. 22], – говорит старик Баки-Хаджи, вернувшись из тюрьмы, куда он попал по доносу своих же соплеменников. Здесь также показаны страшные реалии того времени – тотальные «чистки» периода коллективизации, но опять же автор показывает только то, как эти меры отразились на сельчанах, но не делает никаких социальных обобщений.

Для стиля К. Ибрагимова характерна фрагментарность показа исторических событий, по этой причине мы определили специфику построения сюжета как концентрический тип, а не линейный. Данное структурное решение позволяет автору выявить причинно-следственные связи общественно-исторических явлений и их взаимовлияние. В

некоторых фрагментах текста наблюдается слишком резкий переход от настоящего к прошлому, причем не всегда логически обусловленный, особенно в тех моментах, когда от настоящей истории отдельного персонажа автор переходит к сюжетной линии, раскрывающей прошлое другого персонажа. Этот прием приводит к семантической незавершенности и неопределенности, так как многие события не успевают получить оценку и осмысление, сменившись другими.

Высказанный тезис подтверждает наше определение жанровой специфики романов К. Ибрагимова. Писатель не стремится создать исторический роман, которому присущ линейный хронотоп, повествование развивается достаточно свободно во времени и пространстве, что позволяет писателю реализовать главную цель произведения – поставить в центр сюжета не историческое событие, а судьбу отдельного человека, попавшего в эпицентр исторических катаклизмов. Не меньшее значение для определения структурно-стилевых особенностей романов чеченского писателя имеет доминирующее художественное начало, усиливаемое документами эпохи. Вымышленные персонажи и ситуации приобретают достоверный реалистический характер посредством указания на реальные топонимические объекты, в которых происходит действие, точное датирование военных событий, включение отдельных документов. Названные тенденции достаточно отчетливо проявляются в исследуемых романах, что позволяет говорить о сознательной авторской стратегии и устойчивости системы художественных приемов К. Ибрагимова.

Существенным фактором для анализа произведений национальных литератур является то, что новое качество художественного историзма на современном этапе проявляется, с одной стороны, в усиленном интересе к национальным истокам произведения (традиции, нравы, бытовой уклад, события национальной истории), к эволюции характера

(ценности/переоценка ценностей, менталитет), а с другой – к общечеловеческим духовным ценностям.

В текстах К. Ибрагимова выявляется синтез национальных и общечеловеческих ценностей, нередко он акцентирует внимание на конкретных морально-нравственных устоях чеченцев, но в целом интерес для писателя представляют такие общегуманитарные понятия, как человечность, честь и достоинство, умение сохранить свои жизненные ценности в любых обстоятельствах. Современные литературоведы, в частности, Н. Н. Воробьева отмечают: Трансформируясь вместе с развитием реализма, историзм открывает новые пути и возможности изображения человека в обстоятельствах эпохи, становится важнейшим эстетическим принципом организации, «построения» характера, принципом реалистической типизации» [Воробьева Н. Н., 1976, с. 252- 253].

На основании проведенного анализа можно констатировать, что в романе «Прошедшие войны» со всей очевидностью выявляются типологические признаки жанровой формы романа на тему недалекого исторического прошлого.

В романе художественная реализация проблемы «судьба частного человека и война» происходит через многолинейный сюжет концентрического типа, раскрывающий жизнь чеченского поселения с начала XX века в ретроспективе, но основной конфликт завязывается в период первой чеченской войны. «Концентрический тип сюжетов предполагает наличие событийного центра (или центров), без которых весь остальной событийный ряд теряет смысл» [Николаев А. И., 2011, с.164].

Автор поставил перед собой глобальную задачу – через судьбу одного человека показать события чеченской истории, одни из самых трагических после Кавказской войны, многие из которых были частью общероссийской истории, а такие, как первая и вторая чеченские войны, стали частью жизни именно этого этноса. О таких событиях нужно писать максимально

достоверно, потому что многие читатели были их очевидцами. И главный герой Цанка Арчаев, проживающий со своим народом в самые судьбоносные этапы национальной истории, имеет реального прототипа, воплощая личностные черты и коллизии судьбы деда писателя К.Ибрагимова.

Как мы отмечали, в видовом плане роман «Прошедшие войны» можно отнести по типу главного героя к роману-испытанию. М. Бахтин отмечает: «Сюжет в романе испытания всегда строится на отступлениях от нормального хода жизни героев, на таких исключительных событиях и положениях, каких нет в типической, нормальной, обычной биографии человека» [URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/bahtin>].

Доминирующая событийность (причем, подчеркнем, что автор отбирает события неординарные, касающиеся и исторической ситуации, и личной жизни героев) позволяет говорить в структурном плане о традициях авантюрного исторического романа. Центром сюжета, связующим звеном всех событий является фигура главного героя, и осмысление исторических событий происходит через его сознание, его трактовки и оценки. Исходя из этого, можно сказать, что герой в романе служит проводником авторских мыслей об истории чеченского народа. Как и в каждом историческом тексте, для автора судьба героя и история неразрывны, их роль в романе равнозначна, потому что все трагические коллизии жизни Цанки Арчаева обусловлены историческим движением. Коллективизация разрушает его семью, гибнут все его братья; Великая Отечественная война, на которой чеченцы воевали наравне со всеми, привела к депортации, гибели его жены, дочери и сына и к потере третьего ребенка; чеченские войны уничтожили родное село и внуков героя. Автор раскрывает сущность исторических катаклизмов, когда человек не в состоянии изменить ход событий, и он, по выражению А. Шопенгауэра, становится песчинкой в руках судьбы-истории. Многие судьбы оказываются фатально предопределенными:

Цанка все-таки добился Кесирт – его первая и единственная любовь, но злой рок в лице опустившегося односельчанина, которым овладела похоть, ее убил. Он воевал, защищая общую родину, потерял в боях своего брата, получил награды за свой героизм, но был сослан, как и многие его соплеменники. В ссылке погибла почти вся его семья. Затем жизнь Цанки, казалось бы, наладилась – новая семья, достойная работа, но начались войны. Состарившийся Цанка вернулся в родное село, чтобы увидеть самое страшное – гибель внуков.

Таким образом, герой проходит через многочисленные испытания, не теряя своего человеческого достоинства, но судьба-история оказывается неумолимой, и жизнь его рушится и заканчивается самым трагическим образом. Здесь наблюдается фатализм, идущий от античной трагедии и характерный для концепции западноевропейского натурализма. В финале романа один из внуков – Кухмистеров, служащий на стороне федералов, по незнанию убивает своего двоюродного брата Ваху, которого воспитал Цанка. Артур Арачаев, только узнавший, что это его дед и брат, убивает Кухмистерова, но тот успевает выстрелить в него.

Это тип трагической ошибки, разработанной в древнегреческой трагедии. Но, если в античной трагедии, герои, узнав об ошибке, пытались искупить ее, то Кухмистеров несколько не пожалел о содеянном.

После страшной абсурдной смерти трех внуков, которые сошлись в одной точке – в родовом селе Дуц-Хоте, несчастный Цанка помрачился рассудком: *Мои внуки вернулись, – с блаженной улыбкой вымолвил он, поправив очки. – Я мечтал об этом, молился. Вот и сбылись мои мечты, возвратились все к очагу родному. Здесь покой нашли... В борьбе жили, в смерти нашли единение. – После этой фразы его лицо стало серьезным, даже испуганным. – Видимо, правда, что из одного истока мы вышли и, враждуя, к одному истоку придем. Как бы и этот исток не высох от взаимной ненависти* [Ибрагимов К., 2010, с. 703].

Сюжет романа «Прошедшие войны» по насыщенности трагическими событиями можно отнести по современной терминологии и к типу катастрофических сюжетов, для которых характерны насыщенность экстремальными ситуациями и трагический финал.

Роман имеет сложную структуру, этот факт позволяет говорить о новаторстве художественного метода писателя, о тенденциях, которые обозначились именно в литературе новейшего времени, когда, по мнению Л.М. Крупчатова, «... усложнились не только сюжетные принципы, невероятно усложнился в XX в. сам способ повествования. В романах и повестях Г. Гессе, Х. Борхеса, Г. Маркеса основой повествования становятся сложные ассоциативные воспоминания и размышления, смещение разных, далеко отстоящих по времени эпизодов, многократные интерпретации одних и тех же ситуаций» [Крупчатов Л. М., 2015, с. 287].

Современный роман усложнил свои способы отражения действительности, в первую очередь еще более углубив концепцию личности. Метод К. Ибрагимова сконцентрировал в себе и традиционные, и инновационные подходы к ее созданию, в частности, типология героев близка к реалистической методологии, а ситуации, в которых персонажи проявляют свою личность, в типологическом плане вписываются в парадигму авантюрного романа. Как уже было отмечено, структура сюжета дает автору возможность максимально раскрыть внутреннюю суть своих персонажей, которые, оказавшись в экстремальных ситуациях, проходят проверку на цельность натуры и проявляют все скрытые до определенного момента личностные качества. Через подобный прием писатель расставляет персонажей по принципу – положительные/отрицательные. Особое значение придается психологическому обоснованию поступков, что опять же присуще творческому методу Ибрагимова, акцентирующему внимание на событийной стороне повествования. Но рефлексии героев и их точка зрения не менее важны, поэтому в дискурсивных практиках героев

К.Ибрагимова все же преобладает диалог, дающий наибольшие возможности для постановки вопросов, для полемики.

Хронологические рамки романа составляют семьдесят лет непростой трагической истории чеченского народа – с 1924 по 1995 годы. Основная идея романа, идущая сквозной линией через весь текст, раскрывает тему стойкости человека, обладающего высокими морально-нравственными качествами.

Достоверность художественного воспроизведения исторических событий достигается посредством синтеза реалистических и натуралистических приемов. Идейные точки опоры текста сконцентрированы автором в личности главного героя, в его национальном сознании. К. Ибрагимов осмысливает наиболее сложные периоды истории Чечни с начала строительства социализма до его краха, совпавшего с чеченскими войнами, через трагическую судьбу отдельного человека, которая стала типичной для его соплеменников. Новизна метода К.Ибрагимова просматривается в дискурсивных практиках, не традиционных для национального романа, в предельной обнаженности скрытых до настоящего времени сторон жизни этноса, в неприкрытом физиологизме и натурализме отдельных сцен.

Т.Б. Джамбекова отмечает, что «...в конце 80-90-х годов XX века чеченские писатели глубоко осмысливали и разрабатывали на материале современности тему исторической правды, воссоздавая и бережно сохраняя национальную культуру, традиции, обычаи и обряды, отраженные в народных песнях, преданиях, легендах, составляющих важнейшую и неотъемлемую часть идейно-художественного пространства произведений и определяющих их национальную специфику» [Джамбекова Т. Б., 2010, с. 18]. Эта мысль достаточно показательно иллюстрируется произведениями К. Ибрагимова, в которых он попытался в художественной форме отразить

исторические потрясения, отголоски которых ощущаются в чеченском обществе и в настоящее время.

В наших исследованиях мы неоднократно подчеркивали, что произведения К. Ибрагимова выходят за традиционные рамки северокавказской романистики. Это касается, в первую очередь, типов персонажей, не свойственных чеченской прозе – грубых, низменных личностей с предательской сущностью. Не менее существенным фактором обновления художественной парадигмы нам представляется речь ряда героев, максимально приближенная к реальным языковым практикам. В данном случае речь персонажей становится способом их индивидуализации, что не является новой тенденцией для отечественной литературы, но не типично для чеченской.

Нельзя не остановить внимание на натуралистических приемах, в частности, откровенном физиологизме ряда сцен. Именно эти фрагменты вызвали неприятие и критику со стороны читателей. Здесь на основе анализа идейного уровня текстов К. Ибрагимова мы считаем возможным сказать, что натуралистические приемы адекватны теме текстов, и писатель стремится воспроизвести исторический контекст предельно объективно, без идеализации и умолчания.

Можно заключить, что взаимодействие художественных приемов различных литературных направлений реализуется в произведениях К.Ибрагимова вполне органично, не разрушая целостного единства текста. Тенденции натурализма и символизма, дополняющие реалистическую методологию, позволяют автору воссоздать картину общественной и частной жизни чеченского народа в период Первой чеченской войны эмоционально и достоверно.

2.2. Усиление проблемности и обновление концепции личности

Социально-психологическая проза в центр своего художественного осмысления всегда ставит внутренний мир личности, и эта черта является ее типологическим признаком. Особенность показа характера заключается в широких социальных обобщениях и обусловленности духовно-нравственного мира героя социальными обстоятельствами. Для реализации названных задач писатели обращаются к методам психологизма, социального детерминизма, используя различные способы индивидуализации.

Проблематика социально-психологических романов концентрируется на вопросах, связанных с существенными общественными явлениями, отражающимися на психологии и системе ценностей личности. Исходя из этого, и в современной прозе сохраняется принцип типизации, так как художественная литература всегда воспроизводила наиболее яркие типы современности. Как уже было отмечено, в творческой манере К. Ибрагимова доминируют реалистические методы и приемы, и его герои по своей сути продукты времени, но, что характерно, писатель расширяет методологию реализма и показывает своих персонажей как амбивалентных личностей, которые под влиянием обстоятельств могут совершать непредсказуемые, противоречащие логике и рациональному пониманию поступки. В этом видится углубление психологизма и привлечение приемов натурализма.

Оригинальность отдельных персонажей исследуемых произведений К. Ибрагимова логично подводит к осмыслению мотиваций поступков его героев, которых автор в свойственной ему манере помещает в экстремальные условия. Герои, выведенные из зоны комфорта, скорее и очевиднее обнаруживают свои глубинные качества.

Для анализа системы персонажей исследуемых романов наиболее адекватна методология современной науки, в частности,

психоаналитического литературоведения, объектом исследования которого является психологический склад личности и мотивация ее поступков. Данное направление имеет междисциплинарный характер, совмещая методы литературоведения и психологии. Е.Ю. Коржова на основе теорий психоаналитического литературоведения выделяет несколько типов личностей, наиболее часто встречающихся в художественной литературе: «потребитель (жизненное приспособление и низкая ответственность), пользователь (жизненное приспособление и высокая ответственность), гармонизатор (жизненное творчество и низкая ответственность), преобразователь (жизненное творчество и высокая ответственность)» [Коржова Е. Ю., 2009, URL: <https://cyberleninka.ru>].

Опираясь на приведенную типологию, на основе анализа характерологических черт главного героя романа «Прошедшие войны», который позволил выявить в нем жизненное творчество и высокую ответственность, мы отнесли его тип личности к типу преобразователя. Жизненное творчество проявляется в стремлении Цанки к нормальной жизни, в его семейных ценностях и в постоянном движении. Герой также обладает высоким чувством ответственности и сопричастности ко всему происходящему вокруг.

Подход Ибрагимова к обрисовке характеров достаточно оригинален: он не акцентирует внимание на роли общественных институтов в процессе воспитания и формирования личности, что, как мы уже отмечали, демонстрирует авторскую идею о том, что духовно-нравственный мир личности формируется его родовой принадлежностью, этническими традициями и устоями семьи.

Проблемный уровень произведений К. Ибрагимова реализуется через типичный для него сюжет – автор помещает в центр личность, которая даже в самых жестоких условиях и трагических ситуациях не изменяет своим морально-нравственным принципам.

Цанка Арачаев представляет типичный образ чеченца описываемого времени и среды. Его судьба обусловлена значимыми для национальной истории событиями. Родившийся в 1905 году, Цанка дожил до конца века и закончил свою жизнь во время первой чеченской войны.

Особая значимость этого персонажа, через судьбу которого автор показал чеченскую историю XX столетия, обусловила нашу исследовательскую методологию. При анализе текста мы выделили структурные компоненты текста исходя из степени присутствия в них личности главного героя и его роли в развитии сюжета. Отметим, что структурно-стилистический и содержательный анализ романа «Прошедшие войны» опирается на специфику его хронотопа: роман, построенный по принципу кольцевой композиции, начинается и завершается событиями последних дней жизни Цанки. Между этими структурными частями рассказывается обо всей его долгой жизни, но не последовательно, а через смену временных планов. Таким образом, через особую структуру автор показывает связь времен, транслируя то, что ничто в истории не проходит бесследно, все события в той или иной степени взаимосвязаны, и прошлое, несомненно, оказывает влияние на будущее.

Концепция личности Цанки Арачаева рассматривается в нашей работе в ее становлении – в той последовательности, как она раскрывается в сюжете. Образ молодого Цанки типичен и ничем особенным не примечателен, юноша мало чем отличается от своих сверстников, разве что более любознателен и умен. Юность Цанки была наполнена такими же событиями и стремлениями, как у любого молодого человека, выросшего в маленьком горном селе.

Растил его дядя Баки-Хаджи. Рано осиротевший Цанка чувствовал заботу и любовь родственников, выучился грамоте, работал вместе со всеми и испытал настоящую любовь к Кесирт, которую сохранил на всю жизнь. В некоторых сценах, напоминающих романтические или идиллические

истории, автор использует юмор: например, когда влюбленный Цанка ночью из-за кустов подглядывал за купающейся Кесирт, а она, обнаружив это, сбросила его с обрыва в реку; как его искусали комары, и он оцарапал все локти о колючие кустарники. Здесь нет пошлого подтекста: юноша влюблен, он стесняется открыться первой красавице села, но ноги сами несут его в те места, где может находиться Кесирт: *В то утро в нем было столько любви, нежности, отваги и даже ревности! Он был страшно возбужден. Он не знал, что его ждет впереди. Как отреагирует Кесирт? И найдет ли он ее? И Бог знает, чем она там занимается – одинокая женщина, жеро – в чужом краю* [Ибрагимов К., 2010, с. 99].

В этом эпизоде показываются искренние чувства, эмоции, желания, сомнения юноши, у которого вся жизнь впереди. Но этот безмятежный и счастливый период жизни Арачаева прервался коллективизацией 1924 года, которая кардинально изменила жизнь маленького села Дуц-Хотэ. Можно сказать, что эти события стали завязкой основного сюжетного действия, предваряемого обширной экспозицией.

Духовный перелом в сознании Цанки произошел в 1928 году, когда он переболел холерой и чудом остался жив. Когда ослабевший Цанка вышел впервые после болезни во двор, он ощутил всю красоту этого мира и понял, что у человека должны быть другие цели, кроме мелких дрызг и погони за несбыточной мечтой: *Стоял во дворе Цанка, любовался миром, все было по-новому – свежим, красивым, чистым. ... Оказывается, сколько в мире лишнего, низкого, недостойного. Только побывав на грани жизни и смерти начинаешь понимать окружающую действительность в реальном соизмерении, в натуральном виде, без неосознанного азарта, самообмана, самомнения и чужого внушения* [Ибрагимов К., 2010, с. 219-220].

Автор точно передает внутреннее психологическое состояние Цанки, который повзрослел и начал стремиться к другим горизонтам, усиливая его

природными образами (свежесть и чистота воздуха, зелень лугов, течение реки).

Образы реки, воды, родника, как уже было отмечено, имеют в поэтике К.Ибрагимова глубокое символическое значение: в первую очередь, это символ жизни, которая в зависимости от обстоятельств может быть и мутной, и чистой. У воды есть и другое символическое значение – быстротечность жизни и то, «что в одну реку два раза не войдешь». Кроме устойчивой символики через образ воды транслируется и авторская идея – нельзя растрачивать жизнь попусту, надо ценить ее и быть достойным человеком, отбросив все мелкие и низкие помыслы.

Внутренний перелом сделал Цанку сильнее и независимее, он понял, что самое главное для него, смысл его жизни – это быть вместе с Кесирт. Невзирая на то, что она была дважды замужем и в селе о ней ходила недобрая молва, Цанка привел в дом Кесирт второй женой: *Цанка возмужал. Как раньше по пустыкам не вскипал, во всем с Кесирт советовался, делился впечатлениями* [Ибрагимов К., 2010, с. 235].

Казалось бы, жизнь наконец сложилась так, как мечтал Цанка. Но судьба опять сделала резкий виток, и это никак не зависело от воли героя: *В это время в Шалинском ГПУ появилась новая карточка: Арачаев Цанка – уроженец с. Дуц-Хотэ, 1905 г.р., отец – Арачаев Алдум – бывший староста Дуц-Хотэ, арестован в 1924 г., в 1925 году расстрелян в Грозном за антисоветскую агитацию и саботаж. Дядя – Арачаев Баки-Хаджи – кулак, духовный лидер, незаконно занимается религиозным обучением детей...*

Арачаев Ц.А. – религиозен, малограмотен, неоднократно публично высказывался против Советской власти.

Имеет две жены [Ибрагимов К., 2010, с. 235].

Сухой документ, который решил дальнейшую судьбу ничего не подозревающего Цанки, вступает в резкий контраст с описанием его спокойной размеренной жизни, которая очень быстро закончилась. В 1929

году в селе начались массовые репрессии кулацко-религиозных элементов. Трое Арчаевых – Косум, Баснак и Цанка попали в их число. Их и еще восемь односельчан вывезли на машине за село к реке, чтобы расстрелять. Кто-то из осужденных на смерть начал просить пощады, а Арчаевы попытались бежать. Косум и Цанка спаслись, бросившись в бурную реку, а Байнак был застрелен красноармейцами. Цанка и его дядя уже были в безопасности, когда до них дошла весть о гибели родственника. Но по горским обычаям они не могли не проводить его в последний путь и, невзирая на опасность, вернулись в село на похороны. Здесь их арестовали и отвезли в тюрьму в Грозный.

В этом эпизоде показывается нравственная сущность Цанки, его ценности, преданность традициям своего народа. Отчетливо осознавая, что он будет арестован и, возможно, даже расстрелян, герой не преступил законы предков и дальше, на протяжении своей длинной, насыщенной, на первый взгляд, непреодолимыми препятствиями жизни, сохранил свою духовно-нравственную личность, этнические ценности и жизненные принципы горца.

Первая часть романа завершается трагической гибелью Кесирт, загнанной в угол своими же односельчанами. Цанка возвращается домой лишь через три с половиной года после ее самоубийства, находит останки возлюбленной и хоронит ее. Герой приходит к пониманию, что, если бы люди были добрее и милосерднее, его возлюбленная не сбросилась бы со скалы. В данном фрагменте автор включает в текст повествования тоскливый народный плач, который своим аутентичным мотивом подчеркивает всю его боль и тоску.

Лирический дискурс отражает все чувства героя, которые он не может никому высказать. Мрачная осенняя природа, холод, замолкшее пение птиц, сникшие верхушки деревьев – все это происходит в душе героя, который из-за человеческой низости и злобы теряет любовь всей своей жизни. Этот

момент становится вторым переломом в душе Цанки. Теперь он начинает понимать суть человеческой природы, жестокость окружающего мира, в котором нередко побеждают звериные законы. Это понимание не ожесточает Цанку, но делает его сильнее и пронизательнее.

Вернувшийся из тюрьмы Цанка начинает понимать суть революционных перемен: *К лету 1935 года уже никто не хотел быть ни председателем, ни даже простым работником колхоза. Работать бесплатно люди не желали. Летом удушающая вонь гниющей скотины и навоза со скотного двора поползла по всему горному склону. Жизнь кругом будто остановилась.*

Густая зловонная жижа со скотного двора медленно стекала к роднику. Прежде по утрам хрустальная горная форель, перепрыгивая маленькие валуны, переливаясь в утренних лучах солнца, летела вверх, к истоку. Теперь жизни в роднике не было. Замерла жизнь и в доме Цанки [Ибрагимов К., 2010, с. 267].

Приведенный фрагмент состоит из двух частей, которые резко контрастируют. В первой части описывается современная жизнь на хуторе. Для усиления эмоционального воздействия и показа губительности социальных перемен для всего живого, их разрушительной бесчеловечной сути автор создает отвратительные картины разложения в духе натуралистической стилистики.

Во второй части показывается природная счастливая жизнь, которая осталась в прошлом.

Нет прямой социальной критики, но контраст между картинами гниения, роящихся навозных мух, невыносимого запаха разложения и образом сверкающей на солнце золотистой форели, стремящейся вверх, позволяет автору через подтекст показать разрушительную силу коллективизации.

Когда верхом на породистой лошади раскулаченного Магомеда во дворе Цанки появляется Умар – бывший бедняк, а теперь сотрудник НКВД, он не может удержаться и внешне смиренно произносит: *...Советская власть – добро, это очевидно. Просто я думал, что с приходом Советской власти мы все будем жить как Магомед, а оказывается, Магомед стал жить, как мы* [Ибрагимов К., 2010, с. 269].

В этих словах выражается полное разочарование героя в происходящем, более того – в самом строе. Цанке не страшно за свою жизнь, но он научился сдерживать эмоции и не выражать прямо свои мысли, так как стал главой семейства и несет за него ответственность. Это этап внутреннего становления личности, когда разрушаются иллюзии и наступает полное неприятие окружающей реальности. В таком психологическом состоянии у человека остается только один островок надежды – семья и близкие. Таким образом, автор в очередной раз противопоставляет патриархальные семейные ценности социальным, отдавая приоритет первым.

Дальнейшее действие романа развивается стремительно – Цанку назначают председателем разоренного хозяйства, он делает, что может, но после поджога конюшни Умаром и несколькими красноармейцами его по ложному обвинению отправляют в лагерь. Цанка понимает, что за колючей проволокой царят другие законы – не человеческие, а звериные, и для того, чтобы выжить, надо показать силу. Он убивает главаря лагеря, который забирает еду у заключенных, и этим поступком завоевывает на зоне авторитет: *Цанка молниеносно вскочил и длинными жилистыми руками обхватил мощную грудь главаря. Он со всей силой, со всей злостью сжимал руки, при этом свирепо кричал, глаза его были закрыты, лицо исказила мучительная гримаса* [Ибрагимов К., 2010, с. 276].

Когда началась Великая Отечественная война, Цанка с младшим братом Басилом были призваны в армию. Арачаев-старший считал своим

долгом опекать брата – еще молодого, неопытного, горячего. В его наставлении перед боем звучит мудрость народа, он внушает брату ценности, которыми дорожат настоящие мужчины-горцы, и подчеркивает, что они представляют в этой страшной войне весь чеченский народ, поэтому нужно прежде всего сохранить свою честь: *Смотри, Басил, не опозорь нас перед всеми другими нациями. Под пули голову не подставляй, но трусом себя тоже не показывай. По нашему поведению будут судить о нашем народе. Честь превыше всего. Но дурная смерть тоже глупость. Короче – с позором жить нельзя, а жить надо, нас дома ждут. Погибнем здесь, как собак похоронят в общей яме, а может и этого не будет. Это война* [Ибрагимов К., 2010, с. 498].

Важным аргументом в этом напутствии является, что их *могут похоронить, как собак, в общей яме* [Ибрагимов К., 2010, с. 498]. Для кавказских народов очень важен обряд погребения, вспомним фрагмент, когда Цанка с дядей, невзирая на опасность, вернулись в село, чтобы похоронить родственника. Они знали, что были приговорены к смерти и что их, по всей вероятности, ждут, чтобы арестовать, но не смогли преступить законы своего народа.

Во время затишья младший брат спросил у Цанки, по какой причине развязываются войны. В ответе старшего брата, который, отвечая, перешел к глубоким философским размышлениям о сути человеческой жизни и изменности большинства побуждений, отразилось его миропонимание:

- *А от чего войны, брат?*

- *От того, что кому-то хочется больше, чем у него есть. Хочется больше и больше, и он уже не знает количества своего богатства, а он все лезет и лезет, жиреет и жиреет. Это болезнь. Это отчуждение от Бога, от реального бытия.*

- *А разве плохо быть богатым? Самым богатым! Это же счастье!*

- Какое это счастье, Басил? ... Чтобы лезть наверх и не потерять жизненные ориентиры и человеческие ценности, надо на равнине иметь твердые корни, которые тянули бы тебя вниз, которые вечно тебя питали и поддерживали. Эти корни – семья, дети, родственники, ответственность за будущее рода и Родины [Ибрагимов К., 2010, с. 509-510].

Басил погиб героем, подорвав танк противника. Цанка прошел все горнила войны до 1944 года, командовал отрядом, разведротой. За Сталинградскую битву, взятие Киева и Днепра он был награжден двумя орденами Славы и медалями, получил звание капитана. В середине марта после освобождения Ковеля Цанка получил письмо от сына, в котором сообщалось, что их семью, как и весь чеченский народ, выселили, и сейчас они находятся на пересылке под Астраханью. Сын думал, что отец как герой-фронтовик сможет им помочь. Воины чеченцы и ингуши, до которых дошли такие же вести от сосланных родных, не понимали, что происходит, ведь они проливают кровь за Родину, проявляя героизм и самопожертвование. Было организовано комсомольское собрание, на котором все говорили, что недоразумение скоро разъяснится. Цанка один понимал, что все произошедшее правда, и это вполне осознанное решение партии и правительства. Поэтому он отказался выступать, в то время как остальные с энтузиазмом брали обязательства перед Родиной и Сталиным.

Когда объявили о демобилизации чеченцев и ингушей, Цанка все понял и на просьбу командира остаться в составе войска, ответил:

– Нет, товарищ полковник, я не останусь. Я не хочу служить чуждой Родине.

– Ты обо всем жалеешь?

– Ни о чем не жалею. Только потерянного под Москвой брата жалко [Ибрагимов К., 2010, с. 539].

Последняя фраза выражает всю горечь человека, который потерял близкого, родного человека, подвиг которого оказался обесцененным, так как весь его народ был объявлен предателем Родины.

Для Цанки настал момент истины. Он осознал всю меру несправедливости по отношению к кавказским нациям, которые наравне со всем советским народом защищали Родину от общего врага и проявили чудеса героизма и преданности. Он не хотел больше служить этой власти и Сталину. Главной задачей стало – вернуть семью. Но этого он не смог сделать, так как его вместе с соплеменниками отправили в лагеря как представителей народа – изменника Родины.

Как уже было отмечено, в романе наслаивается несколько стилистических пластов. При описании нормальной жизни автор прибегает к реалистической стилистике, но дискурс меняется, когда действие переходит в область катастрофических событий, к которым, безусловно, можно отнести период лагерного заключения. В лагере у Цанки, как и у других заключенных, единственной целью стало выжить любой ценой. На этой территории не работали законы человеческого общества, и человек становился зверем и подчинялся не разуму, а животным и низменным инстинктам.

Лагерная жизнь не сломила характер Цанки, он бежал с колымских рудников вместе с сокамерником Андреем Моисеевичем Бушманом. Их план побега был почти неосуществим, но Цанка готов был скорее погибнуть, чем оставаться в неволе. Почти достигнув цели, беглецы попали под поток лавины. Бушман был физически намного слабее Цанки, но тот не оставил его и пытался спасти до последнего, рискуя собственной жизнью: *Цанка кубарем скатился вниз, с головой рухнул в воду. Борясь с течением, схватил Бушмана и, крича, рывком выбросил из воды на берег. ... В это время гроыхающий рев прокатился над ними, и мощная волна резко*

рванула тело физика. Рука Цанки дернулась вниз, потащила его в бездну [Ибрагимов К., 2010, с. 396].

Цанка не смог спасти Бушмана, но он сделал все, что было в человеческих силах. Автор показывает, что, находясь в экстремальных условиях, герой не потерял себя как личность, он сохранил способность помочь другому, пытаясь спасти попавшего в беду человека даже ценой собственной жизни.

Вернувшись к мирной жизни, на поселении Цанка какое-то время работал на достойной должности завхоза крупного колхоза, выезжал с лекциями, рассказывал о своем боевом прошлом. Он даже вписался в номенклатуру и жил спокойной и размеренной жизнью. Но его родные были не устроены, сын Дакани попал в детскую колонию, затем его перевели во взрослую, и там он в первый же день устроил поножовщину. Сын мог стать настоящим уголовником, и Цанкой овладела одна мысль – любимыми способами вытащить его из заключения и бежать из этой страны. Для этого нужны были документы и деньги. Цанка вспомнил старую семейную легенду о родовом золоте, зарытом у них в огороде, которое искали все поколения, но не нашли. В 1948 году, пока Цанка строил план побега из ссылки, Дакани написал, что ему предложили заменить тюремный срок на пятилетнюю службу в армии, и он согласился. Сначала все было хорошо, но затем перестали приходить письма, и в 1949 году Цанке сообщили, что его сын погиб, выполняя поручение Советского правительства. Случилось это в Южной Корее. Еще один Арачаев погиб за Советскую власть, но это никак не отразилось на судьбе остальных чеченцев, никто не был реабилитирован, более того, сосланным даже не сделали каких-либо послаблений.

Стремление бежать из страны и спасти оставшихся родных все более овладевало сознанием Цанки. В апреле 1950 года ... *ему в голову пришла бредовая идея – поехать на родину, на Кавказ, в родное Дуц-Хоте. Он решил, что перед смертью должен выполнить завещание матери –*

поставить могильные памятники на родном кладбище Газавата ей и всем остальным покинувшим этот свет Арачаевым ... А после этого – все... Жизнь опостылела... [Ибрагимов К., 2010, с. 591].

Теперь все мысли Цанки были сосредоточены на среднем сыне – Гелани, который пропал еще на грозненском вокзале во время пересылки. Цанка в своем стремлении спасти хоть одного из своих детей дошел даже до плана ограбления сберкассы и обдумывал его до мелочей несколько месяцев. Неизвестно, как дальше сложилась бы жизнь героя, решившегося от отчаяния на преступление, если бы ему не приснился вещий сон: *Стоит его мать, вся в белом, юная, красивая, родная и недовольно качает головой, ничего не говорит. За ее спиной много мужчин, тоже в белом, стоят в ряд – молятся, а на шаг перед ними в роли старшего Баки-Хаджи, прямо за его спиной со строгими, осуждающими лицами отец Цанки – великан Алдум, Ески, Басил, Косум... [Ибрагимов К., 2010, с. 598].*

Образы родственников, их осуждающие лица вернули Цанку к прежнему состоянию человека чести, который никогда не опозорит свое имя и свой род: *Нет, так нельзя, если операция провалится, то мой сын так и будет долго ждать меня, а, может, и не дожидется... А что мои родители, дети? Что, их сын и отец действительно бандит, убийца, вор? ... Нет, до сих пор им не был, а сейчас и подавно не буду. Просто среди тварей живу - и сам чуть тварью не стал... [Ибрагимов К., 2010, с. 598].* Следует отметить, что роль сновидения особенно разработана в символистской поэтике, и автор в данном фрагменте явно отходит от реалистической манеры.

Цанка смог попасть ненадолго на родину, выполнил свой долг, поставил памятники и вернулся назад в Алма-Ату. Там он женился на простой скромной женщине Густан, у них родилось двое детей, и через четыре года после амнистии в 1959 году семья Арачаевых вернулась в родное село.

К старости Цанка стал смотрителем кладбища Газавата, ни одно общественное мероприятие не проходило без его участия, он пользовался среди односельчан непререкаемым авторитетом и уважением» [Ибрагимов К., 2010, с. 498].

Жизнь шла своим чередом, в многочисленной семье Цанки Арачаева происходили разные события, но все они были естественными и не выходили за рамки обычных жизненных тревог и радостей. Но исторические катаклизмы в очередной раз нарушили мирный ход жизни.

В 1991 году началась первая чеченская война, которая привела к разрушению села и трагической гибели внуков Цанки. Самого Арачаева унес горный поток, заполнивший пересохшее русло. Жизнь продолжалась, а Цанка Арачаев, наконец, нашел успокоение.

На основании текстологического анализа мы считаем возможным подтвердить наш тезис о том, что концепция личности Цанки Арачаева основана на национальных чертах характера, сформированных традициями и воспитанием. Все тяготы жизни, постоянная проблема выбора между жизнью и смертью, честью и предательством не сломили главного героя, который смог сохранить свою человеческую суть. Подобная неизменность личности и преданность ценностям и традициям своего народа подчеркивает главную мысль произведения о том, что человек может остаться человеком, невзирая на исторические катаклизмы и коллизии судьбы, если в нем изначально заложены высокие морально-нравственные ценности.

2.3. Структурно-стилевые поиски писателя при художественном осмыслении вопросов глобальной национальной истории

Историческая тематика произведений К. Ибрагимова диктует междисциплинарную методологию их анализа. Полноценный анализ произведений на историческую тематику возможен при опоре на концепции исторического знания, психологии, социологии и культурологии. Особенное значение для интерпретации мотивов и внутренних духовно-нравственных ресурсов персонажей имеет обращение к национальной ментальности, традициям, мифопоэтическим основам мышления этноса. При том, что, как мы отметили, писатель отходит от традиций чеченской прозы, мир его произведений глубоко национален и главной темой является национальная история. Писатель подчеркивает в прологе и эпилоге, что он обращается к самым сложным периодам жизни чеченского народа.

В композиции романа «Прошедшие войны» отчетливо выделяются три структурные части, в которых повествуется о наиболее важных периодах судьбы Цанки Арачаева. Сюжет построен на воспоминаниях, пространство настоящего – это первая чеченская война, с этого периода роман, имеющий кольцевую композицию, начинается и им же заканчивается. Между началом и финалом романа через воспоминания Цанки прослеживаются 70 лет полной потрясений национальной истории.

Читатель знакомится с 90-летним Цанкой, оставшимся в родовом селении Дуц-Хоте с юродивым Гойсумом Дациевым. События относятся к марту 1995 года. Село разгромлено федеральными войсками, все жители уехали, но Цанка, назначенный старейшинами смотрителем родового кладбища, остается.

Картина, предстающая перед читателем, рисует разоренное село, которое когда-то было полно жизни и радости. Святой родник, символ всего живого и священное место жителей села, традиционный для Ибрагимова, пересох. Цанку все это удручает, но больше всего он озабочен

необходимостью похоронить старую женщину, труп которой он находит брошенным в разрушенной сакле. Здесь действие возвращается в прошлое, которое резко контрастирует с настоящим. Герой вспоминает свою юность, тот жизненный период, с которого он осознал себя как самостоятельного мужчину.

Молодость Арачаева прошла под эгидой строительства социализма, периода весьма неоднозначного. С одной стороны, горцы получили самоопределение, но это было только формальным фактом, так как дальше началась коллективизация. Бесконфликтный период, когда после революции село жило своей жизнью, был не очень долгим: сельчане пахали землю, сеяли зерно, растили скот, женились, сам Цанка испытал всепоглощающую любовь к Кесирт, которую пронес через всю свою долгую и трудную жизнь. Коллективизация показала, что чеченскую общину ждут большие перемены.

Но ветер перемен был не за горами. Шло новое покорение Кавказа. На сей раз все было гораздо продуманнее, изощреннее, коварнее. Большевики шли другим путем. В воздухе витали сладкие лозунги «О мире», «О земле». Мира хотели все, ну а землю те, у кого ее никогда не было [Ибрагимов К., 2010, с. 310].

Основная проблема заключалась в том, что власть попала в руки людей, недостойных править народом. Начались аресты, доносы. Опытный и мудрый старец мулла Баки-Хаджи сразу почувствовал опасность, исходящую от них. Он предупредил свой народ о предстоящих бедах:

О люди! Горе нам! Пришли снова русские и захватили власть на равнине. Там творится ужас! Скоро они и сюда придут. Те русские хоть сытые были, благородные, чистые, и Бог у них был. А эти грязные, голодные, вишивые. И лица у них не человеческие, и нет у них Бога! А кто верит в Бога, тот для них первый враг [Ибрагимов К., 2010, с. 312].

Приведенное эмоциональное высказывание Баки-Хаджи усиливается писателем документальным фрагментом, который своими сухими фактами придает происходящему полную достоверность:

В период с 25 августа по 11 сентября 1925 года впервые была применена крупномасштабная операция по усмирению Чечни. ... были осуществлены воздушные бомбардировки шестнадцати населенных пунктов, более ста подвергнуты артиллерийскому обстрелу, сожжено 119 домов «бандитских» элементов, конфисковано 426 домов «кулаков» и духовенства [Ибрагимов К., 2010, с. 228].

В марте 1928 года красноармейцы вошли в село Цанки: за неуплаченные налоги забирали последнее, не щадя никого, снесли минарет и еще больше повысили налоги. Несмотря на происходящее, жизнь Цанки продолжалась: он трудился, безнадежно любил Кесирт и, потеряв надежду, даже женился на нелюбимой девушке, которую ему сосватала родня. Но судьбой ему были предначертаны недолгие, но счастливые годы совместной жизни с любимой женщиной. Когда, овдовев, Кесирт вернулась домой, Цанка привел ее в дом второй женой. И жизнь его как будто возродилась, она обрела смысл жизни и стал верить в будущее. Герой пахал землю, разрывался между двумя женами, не желая никого обижать, радовался рождению детей, а в это время в ГПУ на него уже была заведена карточка как на неблагонадежного элемента. Далее события развиваются стремительно и трагически: Цанку посадили в тюрьму на три года, за это время Кесирт потеряла ребенка и покончила жизнь самоубийством после жестокого изнасилования.

Во второй главе автор использует типичный для него прием, возвращая действие из зоны прошлого к событиям 1995 года. Родовое село Цанки подвергается артобстрелу с воздуха. Вертолетчики развлекаются, гоня по полю немощного старика. Испуг Цанки и инстинктивное желание

выжить, присущее каждому живому существу, сменяется гневом. Старик встает посреди открытого поля и кричит, грозя кулаками в небо:

Не паду я перед вами на колени! Нет! Не ждите, гады! Ну, что вы? Стреляйте, стреляйте, подонки! [Ибрагимов К., 2010, с.261].

События обретают трагический характер, умирают последние, оставшиеся в живых сельчане. Старый Цанка хоронит Гайсума, мечтавшего построить дом, жениться и обзавестись детьми, в могиле, которую Гайсум выкопал для него самого.

После экспозиции, в финале которой Цанка остается один, сюжет перемещается в прошлое, в 1935 год, который принес много несчастий – и не только чеченцам, но и всему советскому народу. Это был период коллективизации: *... много людей погибло, пропало без вести, было выселено в Сибирь, на Северный Урал. Идеология большевиков, опирающаяся на самых бедных, имела успех. Стало обязательным доноительство и стукачество. Религия запрещена. Широкое распространение получили алкоголь и табакокурение* [Ибрагимов К., 2010, с. 266].

Цанка, проявивший себя как тип деятельного человека, стал председателем колхоза и не покладая рук трудился на благо общества. Но в очередной раз произошел случай, который кардинально изменил его жизнь. Злоумышленники подожгли конюшню, в которой сгорели 29 колхозных лошадей. Правда оказалась невероятной для человеческого понимания, лошадей сожгли активисты – русские и чеченцы, так как они занимались подлогом и по бумагам в табуне значилось 159 лошадей. По сфальсифицированным фактам за это преступление посадили Цанку Арчаева на пять лет с обвинением в халатном отношении к работе и саботаже. Этот эпизод становится началом трагедийной линии жизни главного героя, которого отправили на Колыму.

Цанка прошел все круги ада – унижение, холод, голод, издевательства, но сохранил свою личность и даже в кругу уголовников сумел сохранить достоинство, не стал доносчиком, не отбирал еду у слабых, помогал всем нуждающимся. Бесчеловечные условия каторжанской жизни Арачаева К.Ибрагимов воссоздает посредством методологии натурализма, которая максимально адекватна для всестороннего раскрытия данной тематики. Звериные условия и законы, по которым жили каторжане, невозможно описать приемами реалистической литературы, которая при всей достоверности показа все же ориентирована на отбор фактов, на определенную эстетизацию. Приведем некоторые показательные для данного тезиса факты из романа «Прошедшие войны». Заключенных, которые не выполнили норму по добыче, оставляли за воротами лагеря в шестидесятиградусный мороз, утром их тела разбивали на куски и бросали в открытом месте, предназначенном для трупов. Каторжане из чего-то варили еду, никто не спрашивал, из какого мяса, все хотели выжить, но один раз стало понятно, что из человеческого.

Очевидно, что не в характере Цанки было находиться в таких условиях, и после длительной подготовки он вместе с другими политзаключенным – физиком Андреем Моисеевичем Бушманом – совершил почти невозможное: они бежали из лагеря, находящегося в центре ледяной пустыни. Беглецы чудом выжили, но затем попали в водную лавину. Несмотря на все усилия Цанки, Бушман утонул, а его вынесло потоком на берег. Там Цанку нашли спасатели и когда выяснилось, что весь лагерь затопило лавиной и никто не выжил, его отпустили на поселение. Судьба в очередной раз сохранила герою жизнь, но, как оказалось, для дальнейших испытаний. Авторское внимание к внутренней силе человека реализуется в тексте через структурное решение, когда раз за разом Цанка чудом выживает для того, чтобы увидеть самое страшное. Постепенное

нагнетание катастрофических событий в жизни главного героя достигает апогея в третьей главе, которая возвращает сюжет к событиям чеченской войны. Похоронив Гайсума, Цанка возвращается в село, где находит иностранных журналистов, освещающих события в Чечне. Они разрешают ему сделать звонок внуку Вахе, обучающемуся в университете в Турции, и Цанка с ужасом узнает, что внук выехал в Россию для того, чтобы спасти своего деда.

Экспозиция третьей части намного короче. Она предваряет события предыдущих лет, достаточно благоприятных для героя. Цанка возвращается домой, постепенно жизнь налаживается. Он работает завхозом в школе, затем по воле случая его отправляют на политучебу в Ростов-на-Дону. По возвращении Цанка получает повышение, его переводят в город, дают квартиру. В этот период Цанка играл роль преданного члена партии, выступал с речами на различных собраниях, пропагандируя советские идеи, и в целом чувствовал себя комфортно. Но начинается война, и Цанка с младшим братом Бекиром уходят на фронт. Брат героически погибает, уничтожив танк противника. Цанка в самый тяжелый момент берет командование на себя, его, как и многих соотечественников, награждают за битву под Москвой, за взятие Киева орденами Славы, присваивают звание капитана.

Но затем, в 1944 году после перелома хода войны начинается гонение на чеченцев и ингушей, которых объявляют предателями, создав легенду о том, что никто из представителей этих этносов не воевал, и они были приспешниками фашистов. Мирное население массово выселяется, фронтовиков постигает та же участь. Писатель крайне эмоционально повествует об этих событиях, особенно трогательные чувства вызывает письмо сына Цанки, в котором ребенок в трех строках сообщает о том, что их выслали в Сибирь, и просит у отца помощи.

8 июня 1944 года всю бригаду военных чеченцев и ингушей в составе 49 человек подняли рано и хотели незаметно депортировать, но этого не получилось. Все солдаты вышли попрощаться со своими боевыми товарищами: *Когда демобилизованные стали сдавать оружие, многие заплакали, долго обнимались... Сержант Мамакаев вышел в круг и сказал: «Друзья! Наш народ выгнали с родных мест – это одна рана. Мы выпали из армии – вторая рана. Мы стали хуже врага – третья рана. Мы не хотим расставаться. Теперь мы знаем, что наш народ не вернут домой. Нас под конвоем, как предателей, поведут в Сибирь* [Ибрагимов К., 2010, с. 539].

Цанка попал в Киргизию. На поселении судьба опять была к нему благосклонна, он стал чиновником, женился, обзавелся детьми и после знаменательного XX съезда КПСС вернулся в родное село. Казалось, жизнь начала восстанавливаться. Цанка нашел в России своего потерянного сына Гелани, судьба которого не сложилась, но отец был рад возможности помочь ему.

Возможно, герой, как и все люди, пусть и испытывая различные семейные проблемы, прожил бы отпущенный ему срок и умер спокойно, окруженный семьей. Но началась чеченская война, события которой идут сквозной линией через общую ткань повествования, становясь экспозицией к каждой из трех глав. Финал романа потрясает своей жестокостью и бесчеловечностью. Внук Ваха, добравшийся до села из Турции, чтобы спасти деда, был жестоко убит русским офицером, который оказался внуком Цанки и учительницы Кухмистеровой, которую тот когда-то спас. Здесь же оказался и другой его внук Артур Арачаев – от найденного в России сына, который, увидев своего деда, понял, что убивают его брата, и убил Кухмистерова. Ситуация напоминает сюжет «Тихого Дона» М. Шолохова, когда брат пошел против брата. Авторская мысль очевидна – эта война такая же братоубийственная, как и любая гражданская война. Война нарушает все

человеческие законы и обнажает в людях самые плохие качества, независимо от их национальности и вероисповедания. В этом заключается основная идея романа.

В финале романа Цанка Арачаев озабочен только одной мыслью: *Я должен похоронить внука: Я должен это сделать, Я похороню его в своей могиле. Оказывается, я для него ее копал* [Ибрагимов К., 2010, с. 713]. Цанка все время разговаривает с внуком, безжизненное тело которого пытается дотащить до родового кладбища: *Честно говоря, Ваха, ты счастливый человек. Вовремя ты покинул эту грязь. Я тебя достойно похороню, и улетит твоя душа к самой красивой звезде. Ведь ты погиб, защищая Газават... Да благословит тебя Бог!* [Ибрагимов К., 2010, с. 715].

Но старик не сможет похоронить своего внука Ваху по горским обычаям, потому что прорвавшийся поток унесет его тело и самого Цанку.

В этом фрагменте при помощи символизации автор проводит глубокую мировоззренческую идею. Поток, заполнивший пересохшее во время военного нападения русло родника, из которого брали воду все жители Дуц-Хоте, символизирует возобновление жизни. Цанка, увидев воду, обрадовался: *Родник! Родник ожил! Ваха, вставай! Родник наш проснулся! Здесь снова будет жизнь! Ж-и-и-знь!!!* [Ибрагимов К., 2010, с. 715], но она унесла его.

Надежда, проснувшись в воспаленном сознании старца, вызвала видения из детства: *Шум родника, как колыбельная песня матери, ласкал душу Цанки. Беззубое лицо старика озарила блаженная улыбка. Он неожиданно увидел на берегу свою мать – молодую, румяную, красивую. ... Но родной родник был неумолим. Его силы все прибывали и прибывали, и вот он полностью завладел всем руслом... Сквозь борьбу и страх Цанка снова четко услышал знакомую мелодию. Он открыл глаза и снова увидел свою мать, а рядом много-много людей. Все родственники, знакомые, односельчане. В белой черкеске, высокий, стройный, стоял чуть поодаль от*

матери отец. Они все улыбались и что-то весело кричали. Он услышал: Отпусти его, сынок. Отпусти. Его благословил Бог! [Ибрагимов К., 2010, с. 715].

В приведенном фрагменте стилистика повествования меняется – от четкой динамичной манеры автор переходит к описательной и психологической. Его целью становится показать внутренние рефлексии персонажа, его мысли перед осознаваемой смертью. Видения не свойственны реалистической литературе, и здесь очевидна символистская стилистика. Символизм проявляется еще в том, что надежда на будущее связывается не с идеей осознания своего преступления людьми – инициаторами войны, а с обновлением природы, появлением воды, без которой жизнь невозможна. Здесь автор подключает и пантеистические концепции, по которым все, происходящее в мире, обусловлено природными законами. Отход от реализма в самом финале романа имеет, на наш взгляд, вполне логичное обоснование: войны не закончены, автор пока не видит перспективы завершения конфликта, но он надеется, что этому преступному безрассудству придет конец. На данном этапе К. Ибрагимов надеется на законы природные и божеские, по которым все «возвращается на круги своя», но не на историческую справедливость.

Стиль повествования у К. Ибрагимова меняется прежде всего через дискурс. Для каждого смыслового отрезка текста писатель выбирает особые индивидуальные дискурсивные практики. Фрагменты, в которых описываются военные действия или низкие проявления человеческой сути, описываются динамичным языком с включением разговорной и сниженной лексики. Другие части текста, где показываются счастливые моменты жизни героев, раскрываются мысли персонажей, реализуется глубокий идейно-мировоззренческий уровень, отличаются литературным языком, образностью, нередко метафоричностью. Также автор прибегает к символизации и некоторой романтизации. Эта практика смены дискурса

демонстрирует возможности К. Ибрагимова как стилиста, который адаптирует язык описания к материалу.

По поводу полемики о языке текстов К. Ибрагимова следует отметить, что, на наш взгляд, при обсуждении этого вопроса необходимо отталкиваться от стратегической цели писателя. История мировой литературы показывает, что «неровность» дискурсивных практик не всегда является погрешностью стиля. Язык в первую очередь отражает процесс кризиса ценностей. Говоря о современности, американский критик И. Хассан, отметил, что ценности, некогда существовавшие в мире, переживают «кризис веры»: «Большинство из нас с горечью признают, что такие понятия, как Бог, Царь, Человек, Разум, История и Государство, некогда появившись, затем канули в лету как принципы несокрушимого авторитета; и даже Язык – самое младшее божество нашей интеллектуальной элиты – находится под угрозой полной немощи, – еще один бог, не оправдавший надежд» [Hassan I., 1987, с. 104].

По мнению К. Ибрагимова, кризис ценностей начался у чеченского народа после установления Советской власти и продолжается до сих пор, и в романе показано, что не все могут их сохранить и не потерять своего человеческого достоинства.

В большинстве национальных литератур язык художественного текста не отражал индивидуальности персонажа, все говорили на литературном языке, не употребляя сниженной, тем более, вульгарной или обценной лексики, допускалась только разговорная речь. В современной литературе язык раскрепощается, становится более реалистичным. Эти тенденции отмечают многие исследователи. «Литературный язык ... сегодня, видимо, уже не отвечает “техническим” требованиям разговорной речи, и она втягивает в себя удобные для использования лексические и грамматические формы из просторечных и жаргонных систем, где закон

экономии речевых усилий и закон аналогии не имеют нормативных преград» [Панов Ю. А., 2001, с. 6].

«Художественное произведение – это своеобразное выражение творческих возможностей автора, причём, по мнению исследователей, наиболее полную реализацию в художественной литературе находит эмоциональная функция языка, а не коммуникативная. Другими словами, более важным для читателя будет являться не только то, что сказал автор, а и то, для чего он это сказал, что он имел при этом в виду, и как он свои мысли оформил» [URL: <https://studfile.net>]. В связи с этим тезисом мы полагаем, что исследовать язык текстов К. Ибрагимова следует с позиций речемыслительных, то есть выявлять, почему автор применяет определенный дискурс, как он раскрывает личность персонажа в целом или его состояние на момент высказывания.

К. Ибрагимов пытается передать речь ребенка, который не выговаривает некоторые согласные звуки, речь персонажей, находящихся в состоянии аффекта или крайне эмоционального состояния, речь людей низких, способных на самые неблагоприятные поступки. И каждый раз дискурс повествования меняется в зависимости от описываемой ситуации, состояния и внутреннего содержания героя. При этом в части повествовательной сохраняется литературный язык.

Например, приведем пример речи неперсонифицированного повествователя, которая отличается нормативностью и художественной образностью: *Ранняя весна в горах Северного Кавказа была как обычно переменчивой, туманной, грязливой. Зубастая, по-горному лютая и короткая зима не полностью уползла в северные равнины. Она из последних сил, под покровом укорачивающейся ночи еще сковывала хрупкой коркой льда почву и лужи* [Ибрагимов К., 2010, с. 14]. Данный текстовый фрагмент отражает дискурсивную практику К. Ибрагимова при описании природы. Самым распространенным художественным приемом, который использует

писатель, является олицетворение, и эта тенденция идет из народной поэтики и традиций классической литературы.

Но дискурс меняется, когда автор переходит к описанию эмоционального состояния героев: *На совещании в штабе полка начальник особого отдела обратился к нему (Цанке – Л.А.) с неожиданным вопросом:*

- А почему старший лейтенант Арачаев во время атаки никогда не кричит: «За Родину, за Сталина»?

Цанка вовсе не ожидал этого вопроса, весь съежился, побагровел от наглого вопроса, несколько минут молчал, не находя в гневе слов, смотрел исподлобья на холеное лицо, хотел вскочить и разорвать на куски мерзавца, тыловую крысу:

– А откуда Вы знаете, что я кричу? – встал он резко из-за деревянного стола. – Вы что, участвовали в атаке? [Ибрагимов К., 2010, с. 529].

Подчеркнутые нами слова, характеризующие офицера-особиста, вполне приемлемы в данной ситуации. Словом *мерзавец*, которое относится к бранной разговорной лексике, называли подлого, безнравственного человека, негодяя, каким, по мнению боевого офицера Арачаева, является *тыловая крыса* (человек, не принимавший непосредственного участия в военных действиях во время войны и находившийся в тылу). Выражение *тыловая крыса* относится к группе военных жаргонизмов, и его употребление вполне адекватно описываемой ситуации.

Нередко сниженная лексика служит способом реалистичного показа жизни простых людей, которые говорят на обычном языке, употребляя диалектные и просторечные слова: *Хадижат глубоко вздохнула...*

- Когда этот старый дурень домой вернется, или он решил там навсегда остаться?

Косум ничего не ответил, а только весело рассмеялся...

- Что ты смеешься? Все вы на одно лицо – Арачаевы. Вот, посмотри, все хозяйство погубло. Смотреть за всем не могу, уже сил нет, а он, негодяй, как всегда там в гостях отлеживается. Всю жизнь он так издевается. Весь мир исколесил, уже старый стал, а все никак не угомонится. Чтоб он там схоронился. Кому он нужен, старый пень, - разошлась Хадижат

- Ты так не говори, - смеялся Косум. – Слышал я, что он женился на молодой вдовушке – жеро... [Ибрагимов К., 2010, с. 145].

Приведенный пример обычного бытового разговора простых людей вполне реалистичен, именно так может разговаривать простая необразованная женщина Хадижат, которая переживает за своего мужа, но не может показать своих истинных чувств деверю Косуму и потому избирает пренебрежительную лексику.

Как замечают исследователи, «... литературно-языковая норма сейчас становится менее определенной и обязательной; литературный стандарт становится менее «стандартным». Одной из причин этого состояния языка является интенсивное проникновение в литературный язык слов и выражений, традиционно считавшихся сленговыми» [Мизюрина Т. В., 2013, с. 106]. Под понятием «сленг» «понимаются и просторечные слова, и диалектизмы, и неологизмы, и жаргонизмы, и шуточные словообразования, и многое другое» [Борунов А. Б., 2011, URL: <https://cyberleninka.ru/article>]. Сленг также определяется как «... особый, исторически сложившийся и, в большей или меньшей степени, общий всем социальным слоям говорящих вариант (преимущественно лексических) норм, бытующих в основном в сфере устной речи и функционально отличный от жаргонных и профессиональных элементов языка» [Борунов А. Б., 2011, URL: <https://cyberleninka.ru/article>].

Директор института на общем собрании выступает крайне эмоционально, активно используя идеологический дискурс и пафосно-революционную риторику:

Товарищи, мы должны оправдать доверие партии и правительства. Вот в сегодняшней газете первый секретарь нашего обкома партии в открытом письме товарищу Сталину заверил, что все жители нашего края как один встанут на защиту родного Отечества. Так ли это?

... – Кто согласен записаться добровольцем?

Зал яростно и одобрительно загудел.

– Иначе и быть не могло! – кричал парторг с серьезным, устремленным вдаль одухотворенным лицом.

– Вот это коммунист!

– Вот идеал!

– Это истинный тип советского человека-патриота, говорили студенты в зале, яростно аплодируя, со слезами на глазах глядя друг на друга, обнимаясь [Ибрагимов К., 2010, с. 484-485].

Обратим внимание на выбор лексических средств, подчеркивающих революционно-патриотический пафос мероприятия: *яростно и одобрительно, вот идеал, истинный тип советского человека-патриота, яростно аплодируя, со слезами на глазах глядя друг на друга.*

После собрания, на котором царила приподнятая патриотическая атмосфера, поддерживаемая стремлением студентов идти на войну во имя справедливого дела защиты своей Родины, повествовательный дискурс меняется на сухой, констатирующий, наглядно демонстрирующий, насколько разительно действительность отличалась от красочных картин боевых действий и собственных подвигов, нарисованных юношеским воображением:

Через день погрузили всех в грязные вагоны, повезли в Воронеж. Сутки эшелон стоял в степи. Было холодно, не кормили. Недлинный путь до Воронежа ехали двое суток. Всего два раза дали сухой паек.

На вокзале в Воронеже никто не ждал. Сутки слонялись по городу. Через день стали собирать, недосчитались четырнадцать человек. Потом шли двадцать километров пешком до воинской части. Там была полная неразбериха: еще три дня жили, ели, спали как попало. Только на четвертый день переодели в военную форму, распределили по ротам [Ибрагимов К., 2010, с. 485].

В данном фрагменте писатель применяет стилистическую фигуру *бессоюзие*, все перечисления действий как будто производит робот, идет сухая констатация происходящего, за которой не видно душевного психологического состояния новобранцев, которые были явно разочарованы и напуганы.

Таким образом, К. Ибрагимов, используя особые стилистические и языковые средства создает глубоко эмоциональные картины. Названные средства служат для отражения психологического состояния персонажей, их человеческой сути, картины мира, ценностной системы и многих других компонентов художественного образа.

Выводы к главе II

В чеченской литературе на рубеже веков XX – XXI веков тема исторического прошлого зазвучала вновь, но стала раскрываться уже на основе новых методологических подходов, с «новым историзмом» и достоверностью, насколько это возможно в художественно-документальных текстах.

Новое качество художественного историзма на современном этапе проявилось, с одной стороны, в усиленном интересе к национальным истокам произведения (традиции, нравы, бытовой уклад, события

национальной истории), к эволюции характера (ценности/переоценка ценностей, менталитет), а с другой – к общечеловеческим духовным ценностям.

Анализ содержания романов К. Ибрагимова показывает, что писатель применяет историзм в его современном понимании. В его произведениях «общее» (социально-историческое движение) просвечивает сквозь призму показа «частного» (судьбы отдельного человека или рода). Художественное освоение конкретно-исторического содержания эпохи происходит с опорой на установки различных художественных методов (реализма, натурализма, символизма). Но также в произведениях К. Ибрагимова выявлено документальное начало – воспоминания реальных людей, конкретные даты и топонимические объекты. Таким образом, синтезируя приемы художественного отображения исторических событий с документами эпохи, автор создает многомерную картину, воспроизводящую жизнь людей в определенный период, важный для истории этноса.

Доминирующая событийность (подчеркнем, что автор отбирает события неординарные, касающиеся и исторической ситуации, и личной жизни героев) позволяет говорить в структурном плане о традициях авантюрного исторического романа. Центром сюжета, связующим звеном всех событий является фигура главного героя, и осмысление исторических событий происходит через его сознание, его трактовки и оценки. Исходя из этого, можно сказать, что герой в романе служит проводником авторских размышлений об истории чеченского народа.

В творческом методе К. Ибрагимова проявляется синтез национальных и общенациональных ценностей, нередко он акцентирует внимание на конкретных морально-нравственных устоях чеченцев, но в целом интерес для писателя представляют такие понятия, как человечность, честь и достоинство, умение сохранить свои жизненные ценности в любых обстоятельствах.

Главный герой романа «Прошедшие войны» Цанка Арачаев проходит через многочисленные испытания и не теряет своего человеческого достоинства, но судьба-история оказывается неумолимой, и жизнь его рушится и заканчивается самым трагическим образом. В финале романа один из внуков – Кухмистеров, служащий на стороне федералов, по незнанию убивает своего двоюродного брата Ваху, которого воспитал Цанка. Артур Арачаев, только узнавший, что это его дед и брат, убивает Кухмистерова, но тот успевает выстрелить в него. Это тип ошибки, разработанной в античной трагедии. В целом сюжет романа по насыщенности трагическими событиями можно отнести по современной терминологии и к типу катастрофических сюжетов, для которых характерен такой финал.

Роман имеет сложную структуру, этот факт позволяет говорить о новаторстве художественного метода писателя, о тенденциях, которые обозначились именно в литературе новейшего времени.

Писатель часто прибегает к объемным монологам – внешним и внутренним – с целью дать возможность своим персонажам высказать, что происходит в их душе, какие мотивы движут ими, заставляя совершать те или иные поступки. При этом в дискурсивных практиках героев К.Ибрагимова все же преобладает диалог, дающий наибольшие возможности для постановки вопросов, для полемики.

Стиль повествования у К. Ибрагимова меняется, прежде всего, через дискурс. Для каждого содержательного отрезка текста писатель выбирает особые индивидуальные дискурсивные практики. Фрагменты, в которых описываются военные действия или низкие проявления человеческой сути, воссоздаются динамичным языком с включением разговорной и сниженной лексики. Другие части текста, где показываются счастливые моменты жизни героев, раскрываются мысли персонажей, реализуется глубокий идейно-мировоззренческий уровень, отличаются литературным языком,

образностью, нередко метафоричностью. Также автор прибегает к символизации и некоторой романтизации. Эта практика смены дискурса демонстрирует возможности К. Ибрагимова как стилиста, который адаптирует язык описания к материалу.

Следует отметить, что на наш взгляд, при обсуждении языка текстов писателя необходимо отталкиваться от его стратегической цели. История мировой литературы показывает, что «неровность» дискурсивных практик не всегда является погрешностью стиля. Язык в первую очередь отражает процесс кризиса ценностей, и Ибрагимов в своих романах показывает, что начался он после установления Советской власти и продолжается по настоящее время.

В большинстве национальных литератур язык художественного текста не отражал индивидуальности персонажа, все говорили на литературном языке, не употребляя сниженной, тем более, вульгарной или обценной лексики, допускалась только разговорная речь. В современной литературе язык раскрепощается, становится более реалистичным.

В связи с этим тезисом полагаем, что исследовать язык текстов К. Ибрагимова следует с позиций речемыслительных, то есть выявлять, почему автор применяет определенный дискурс, каким образом через речь он раскрывает личность персонажа в целом или его состояние на момент высказывания.

К. Ибрагимов пытается передать речь ребенка, которые не выговаривает некоторые согласные звуки, речь персонажей, находящихся в состоянии аффекта или крайне эмоционального состояния, речь людей низких, способных на самые неблагоприятные поступки. И каждый раз дискурс повествования меняется в зависимости от описываемой ситуации, состояния и внутреннего содержания героя. При этом в части повествовательной сохраняется литературный язык.

Таким образом, К. Ибрагимов, используя особые стилистические и языковые средства создает глубоко эмоциональные картины. Названные средства служат для отражения психологического состояния персонажей, их человеческой сути, картины мира, ценностной системы и многих других компонентов художественного образа.

На основании психоаналитической типологии на наш взгляд, можно охарактеризовать тип личности Цанки Арачаева как тип преобразователя, выявив в нем жизненное творчество и высокую ответственность.

Глава 3. Особенности художественного отражения исторической тематики в романе «Детский мир»

3.1. Структурно-стилевые и жанровые особенности романа

Чеченская проза XXI века обратилась к осмыслению событий недавнего прошлого с позиций художественной методологии нового историзма и объективизма, основные положения которой были разработаны в отечественной литературе. При этом национальные писатели, обратившись в первую очередь к одной из важнейших для национальной истории теме первой и второй чеченских войн, воплотили ее в литературе на основе особенностей национального сознания и ценностной картины мира. Эта тема до настоящего времени не получила однозначного осмысления и оценки ни в истории, ни в литературе. Остается много проблемных вопросов, которые рассматриваются под разными углами зрения. Методология историка и литератора не одинакова: историки опираются только на факты, а писатели имеют возможность высказать свое видение, свое субъективное мнение, домыслить определенные ситуации с помощью вымысла и художественной образности. Особое значение в произведениях о недавнем историческом прошлом имеют человеческие документы – воспоминания очевидцев, к которым относится сам писатель Канта Ибрагимов.

Нами ранее уже было отмечено, что доминирующим художественным методом Ибрагимова является реализм. Этот тезис подтверждается воспроизведением точной хронологии событий первой чеченской войны, ставших историческим фоном для исследуемых романов. Обратим внимание на то, что история трактуется нами как фон, потому что основой исследуемых текстов стали судьбы людей, живших в период национальной трагедии.

Художественные произведения на эту тему вызывают интерес у читателя, но в то же время к ним следует относиться особенно внимательно, потому что события еще свежи в памяти, и аудитория, и критика не могут воспринимать их отстраненно, в качестве вымысла. Поэтому произведения, написанные со всей правдивостью, очевидцев, пусть и не лишённые субъективного фактора, вызывают оживлённые дискуссии, в которых критический дискурс варьируется от самых высоких оценок до полного неприятия и разгрома.

К. Ибрагимов – один из наиболее плодовитых современных чеченских писателей не избежал этой участи. Оценка его произведений неоднозначна, в целом критики и читатели положительно отзываются о его произведениях, но есть и резкие негативные рецензии, вызванные неприятием излишнего натурализма и сниженной лексики, что трактуется их авторами как разрушение стереотипов национального менталитета.

Например, П. Абубакарова: «Перечитала книгу «Детский мир» Канты Ибрагимова – известного чеченского писателя, автора многих романов, повествующих о последних исторических событиях, сотрясавших не только малую Родину Чечню, но и всю Россию.

Хотя это одна из самых читаемых и почитаемых книг писателя, смею отметить, что не все идеально в романе: есть вещи, не приемлемые в менталитете народа и несовместимые с культурой чеченского народа» [Абубакарова П., 2019, URL: <https://proza.ru/2019/10/02/948>]. Неприятие противоречащих традиционным представлениям чеченцев фрагментов имеет свои объяснения, достаточно логично представленные в современной науке. Зарубежные исследователи Н. Гудмен и С.И. Шмидт обоснованно заявляют: «Реализм относителен; то, что в каждом конкретном случае выступает реалистичным, суть система репрезентации, которая в определенный момент времени является нормой для данной культуры либо для данной личности... Реализм вовсе не некое константное и абсолютное

соотношение между образом и его объектом, но отношение между примененной при построении образа системой репрезентации, с одной стороны и, с другой стороны, той системой, которая в данный момент выступает в качестве нормы...» [Goodman N. Sprachen der Kunst, 1997, с. 47]. Данный тезис обосновывает тот факт, что чеченская культура не готова принять в качестве нормы откровенные натуралистические сцены, которые тем не менее наблюдаются в реальной жизни.

Герман Садулаев в литературно-критической публикации «Детский лепет», отметив слабые, на его взгляд, стороны романа «Детский мир» (сюжетная линия, связанная с личностью Анастасии Тихоновны), попытался более вдумчиво рассмотреть это произведение. Критик пишет: «И если пройдёшь барьер снобизма, продолжишь, страницу за страницей, то вдруг чувствуешь, как этот детский лепет тебя очаровывает. Чтобы себя оправдать, думаешь: о! наив! аутентичность! А потом забываешь про дефиниции, просто читаешь и начинаешь жить там, в разбитом на куски и осколки детском мире мальчика-канта» [URL: <http://glfr.ru/svobodnaia>].

Е. А. Чурилова придерживается иного мнения по поводу раскрытия образа Анастасии Тихоновны, высоко оценив именно эту часть романа: «... данная глава не просто описывает судьбу русской женщины, она отражает жизнь всего русского народа и его отношения с властью на определенном историческом этапе, что имеет важное композиционное и семантическое значение. Афанасьева оказывается заложницей тоталитарной системы, но чудом сохраняет свою культуру, духовность, и не знает большей радости под конец жизни, чем обучать музыке талантливого чеченского ребенка» [Чурилова Е. А., 2011, с. 35].

Приведенные разнополярные литературоведческие трактовки свидетельствуют о том, что тексты К. Ибрагимова не типичны для чеченской литературы и что писатель создает художественное пространство, к оценке которого критика еще не готова. Наше утверждение

не снимает вполне правомерных вопросов исследователей, но подтверждает, что для анализа достаточно нового явления в чеченской литературе необходима современная научная литературоведческая методология.

Роман «Детский мир» был опубликован в 2005 году, через десять лет после событий, которые стали его социально-исторической основой.

Для понимания авторской позиции особое значение имеет Пролог, в котором К. Ибрагимов посчитал нужным объяснить причины написания текста и основную идею, которая стала сквозным мотивом романа: «... война в Чечне – это война в Чечне; где-то далеко, в глуши, в горах, так там войны испокон веков – привыкли. А компаниям война нужна, ведь это шумовой фон, громоотвод, красочная декорация, за ширмой которой идет не менее жестокая война за разворовывание госсобственности, за новый передел мира сильными мира сего» [Ибрагимов К., 2010, с.5].

В структурном плане автор придерживается типичного для него способа организации текстового пространства. Действие развивается не линейно, сцены, происходящие в настоящем времени, резко сменяются воспоминаниями или возвращением в прошлое. Можно сказать, что для структуры романа характерна фрагментарность, но такой прием соответствует авторскому замыслу, который пытается раскрыть судьбы персонажей через микроистории, повествующие о них лично, где они становятся главными героями. Воссозданная по отдельности, затем каждая судьба вплетается в общий сюжет, связанный с судьбой Канта.

Частные сюжетные линии – это история Мальчика (Канта), учительницы музыки Анастасии Тихоновны, медсестры Розы. Микросюжеты в тексте пересекаются, когда связующих их звеном становится личность главного героя Канта, но есть фрагменты, которые раскрывают только судьбу Розы и Анастасии Тихоновны. Современные

события подаются на фоне первой чеченской войны, которая становится катализатором для проявления человеческой сути героев.

Наиболее объемным выглядит микросюжет, раскрывающий жизнь Анастасии Тихоновны, он получает художественное воплощение на фоне глобальной истории России и Чечни на протяжении семидесяти лет, начиная с довоенного времени и заканчивая событиями 1995 года.

Мир героев романа «Детский мир» чрезвычайно насыщен типичными персонажами, большинство из которых воплощают определенный идейный образ, являясь своеобразными проводниками заданной автором идеи. Также к особенности структурного решения произведения можно отнести прием биполярности. Персонажи достаточно отчетливо делятся на положительных и отрицательных. Следовательно, говорить о глубокой, на внутреннем духовно-нравственном уровне эволюции личности неправомерно.

Разделение системы образов на два полюса соответствует общему структурному решению – противопоставлению мира и войны. Каждому из исторических этапов сопутствуют глубоко индивидуализированные, во многом символические образы: мир – идиллическое детство, счастливая семья, музыка, скрипка, воздушный шарик, небо, звезды; война – кровь, смерть, разгромленный город, разрушенный «Детский мир».

Особую роль в структурном решении романа играет личность автора, которая проявляется в отдельных вставных компонентах текста. Несколько раз автор становится рассказчиком, в частности, в достаточно обширной экспозиции, которую он обозначает как Пролог. Ибрагимов возвращается из Москвы в любимый, но неузнаваемый после бомбежек Грозный, оказывается задержанным на блокпосте, и там происходит его знакомство с главными героями романа – бабушкой Учитал и мальчиком Кантом, которые появляются только на тринадцатой странице. Этот структурный прием позволяет предположить, что автору важно воссоздать атмосферу Грозного, погрузить читателя в абсурдный мир войны.

Необходимо отметить, что некоторые критики сравнивают стилистику К. Ибрагимова с манерой немецкого писателя Ф. Кафки. На наш взгляд, основное сходство заключается в показе мира абсурда, ведь война, которая обрушивается на мирных граждан, не различая, кого уничтожает, чьи судьбы ломает, – это абсурд, который невозможно понять рационально.

У писателей много общего в выборе пространства, в котором происходит действие. Халимат Текеева отмечает: «... действие своих романов Кафка зачастую помещал в закрытых помещениях: комнатах, норах, чердаках, кабинетах. Там, где мало воздуха, потолок низкий и «давящий» на персонажей, где узкие коридоры «сплющивают» их мир. Свободы, простора нет, вам негде вздохнуть полной грудью: даже если действие хотя бы частично происходит на улице ..., то, вероятней всего, во враждебную непогоду» [URL: <https://eksmo.ru/articles/iz-chego>].

У Ибрагимова также встречаются, более того, доминируют враждебные пространства. В первой главе романа, когда отца Канта – милиционера – забрали неизвестные люди, а мать пошла на его поиски и тоже исчезла, мальчик остался один в закрытой квартире, где чудом выжил. Описание условий, в которых находился Кант, происходит в духе Кафки, у которого один из наиболее эффектных приемов – создать атмосферу, которая уничтожает человека, заставляет его задыхаться: *За весь долгий солнечный день квартира, где на окнах сплошь клеенчатые рамы, раскалилась, духота будто в парнике. А под одеялами пот течет ручьем, ... на утро мальчик проснулся взъерошенный, весь мокрый от пота, от слез, от мочи. Одеяла на полу, к ним с края толстая крыса принохивается, падаль ждет, а на столе, на остатках еды пара мышей забавляется* [Ибрагимов К., 2010, с. 56].

После того, как умирающего мальчика нашли и отправили в детский приют, его на время забрала сестра-хозяйка Любовь Ивановна. Но обстоятельства сложились таким образом, что он снова попал в детский дом,

откуда был взят Анастасией Тихоновной – русской учительницей музыки, которая и привела его к двоюродной тете – медсестре Розе, обосновавшейся в квартире семьи Канта. Это конечная остановка на недолгом пути Канта, в финале мальчик, не вынеся тягот земного мира, из балконного проема родного дома шагнет в вечность в надежде встретиться с родителями. Таким образом, пространство, в котором развивается сюжетная линия, связанная с судьбой Канта, крайне ограничено – это его дом и разрушенный «Детский мир», который в мирное время был сказочной страной для Канта, а затем в какой-то момент спас его, закрыл от ужаса и абсурда войны.

В следующей главе рассказывается о судьбе Розы, которая испытала много унижений от своего мужа Гуты Туаева. Гута выгнал Розу, и она ушла из села, где сейчас процветал ее неграмотный, невежественный муж, которого раньше хотели посадить за растрату, но он не только выкрутился, но и смог попасть в номенклатурную обойму. Гута стал начальником, потому что умел угождать вышестоящим чинам, давать взятки нужным людям и говорить идеологически выдержанные речи на всех собраниях, восхваляя руководство страны и поддерживая его политический курс.

В четвертой главе развивается сюжетная линия, связанная с судьбой Анастасии Тихоновны. В отличие от других персонажей, автор рассказывает ее историю во всех подробностях, начиная с 1925 года, когда она родилась в Петрограде. На наш взгляд, это обусловлено стремлением Ибрагимова показать через судьбу Афанасьевой мир российского этноса – как жили люди в параллельном Чечне мире до того, как их свели исторические катаклизмы (Великая Отечественная и чеченская войны).

Анастасия Тихоновна имела дворянское происхождение, была хорошо образована и увлекалась игрой на скрипке. Закончив школу экстерном в пятнадцать лет, она не пошла учиться в консерваторию, потому что ее отчим очень тихо, с глубоким сожалением сказал, что музыка в этой стране никому не нужна. Наверное, все остальные занятия были

безразличны молодой девушке, поэтому она поступила на астрофизическое отделение университета. Интересно, что писатель не уточняет, в какой именно университет поступила девушка, опускает период ее учебы, общение со сверстниками, акцентировав внимание только на ее отношениях со Столетовым, потому что писателю интересен этот типаж, истинная сущность которого была сокрыта до момента, когда ему представилась возможность обогатиться за счет бедствий всего народа. Но предпосылки для подобной трансформации уже были, когда Столетов, пользуясь своим положением, пытался совратить молодую студентку.

Следующим этапом жизненного пути Анастасии Афанасьевой становится война, куда она попадает после ухода с астрофизического факультета по наводке в военкомат Столетова, который был заинтересован в том, чтобы всецело подчинить себе своевольную студентку.

Четвертая глава заканчивается достаточно абсурдным эпизодом: Анастасию Тихоновну, которая служила в спецотделе оценки ценностей, в 1946 году вызвали на допрос и посадили за подлог документов на пять лет, хотя ценности присваивала не она, а Столетов и его банда расхитителей. Она отбывала срок на Северной Двине, на лесоповале, в Москву вернулась через четыре года с подорванным здоровьем и психологической травмой – всегда бесстрашная и уверенная в себе, талантливая и красивая Афанасьева превратилась в человека, боящегося даже своей тени. После долгих мытарств, в 1953 году, находясь под угрозой быть объявленной вражеским элементом, Афанасьева выехала с помощью Столетова в Грозный, где он занимал пост директора института. С этого года начинается чеченский период жизни Афанасьевой, которая вполне стабильно устроила свою жизнь: занялась наукой, вышла замуж и осталась вдовой, состарилась и стала давать уроки музыки, пока не началась первая чеченская война, которая свела ее с мальчиком Кантом.

В пятой главе действие опять возвращается к событиям в Чечне. Жизнь Анастасии Тихоновны идет по кругу, от неустроенности, отсутствия собственного жилья она опять сходится со Столетовым, потом возвращается в Москву, выходит замуж за Филатова, возвращается с ним и матерью в Грозный. Описывая все эти события, Ибрагимов не анализирует психологическое состояние своей героини, мотивы ее поисков замыкаются на желании обустроенности, какой-нибудь стабильности. Но как личность она живет по инерции и в этот период ни разу не обращается к музыке, которая всегда была для нее отдушиной, духовной сферой, в которой она чувствовала себя особой, не такой, как все. Обыденный, в какой-то степени мещанский быт Афанасьевой в этот период вступает в контраст с ее прошлой жизнью, мечтами, устремлениями.

Казалось бы, парадоксально и мало объяснимо решение автора вернуть Анастасию Тихоновну к ее прежней духовно-нравственной сущности именно во время первой чеченской войны, когда она, постаревшая и немощная обрела смысл жизни, заботясь о Канте.

Циклическая фрагментарная структура романа подчеркивает абсурдность бытия, отсутствие логики в событиях, нередко случайный характер важнейших событий. Анастасии Тихоновне посвящена большая часть романа при том, что главным героем является мальчик Кант. Он – идейный центр произведения, образ, воплощающий истинную чистоту, природную натуру, которой не коснулась грязь земного бытия. В духе романтической концепции идеальный герой вступает в конфликт с окружающей средой и либо бежит, либо умирает. Кант умирает. Автор сохраняет этот символический образ неприкосновенным, он не дает возможности герою вступить в противоборство с этим миром, который так или иначе сломает или изменит его, как остальных персонажей.

Судьба Анастасии Тихоновны – это пример жизни обычного земного человека. Всю жизнь она подстраивалась под обстоятельства, плыла по

течению, теряла свое достоинство. Она просто хотела выжить. Протест назревает в героине только в конце жизни, и в этом плане можно говорить об эволюции личности. Несмотря на то, что Анастасия Тихоновна – образованный интеллектуальный человек, она напоминает героиню романа М. Горького «Мать», которая только в конце жизни, потеряв сына, прозрела и поняла истинную суть общественных перемен. Только в соцреалистическом романе Горького произошел идеологический рост сознания, а в романе «Детский мир» героиня, всегда понимавшая истинную суть вещей, наконец, выражает протест и озвучивает все свои мысли. Но это происходит с бабушкой Учитал, когда ей становится нечего терять, и жизнь ее подходит к финалу.

Разнообразные подходы К. Ибрагимова к созданию художественного мира актуализируют проблему творческого метода. В этом направлении появились отдельные литературоведческие изыскания, которые не представляют формат научного исследования, а носят тезисный характер. В частности, Петимат Абубакарова считает, что в методе писателя преобладает реализм, «смешанный с символизмом» [URL: <https://proza.ru>]. Е.А. Чурилова выявляет, что «... помимо предельного натурализма, в романе много мистического, знакового, что позволяет говорить о нем как о романе-метафоре, а художественный метод писателя определить “мистическим реализмом”» [URL: <https://cyberleninka.ru>].

В целом относительно специфики творческой манеры К. Ибрагимова нами предложена гипотеза о синтезе реализма, натурализма и символизма, которая получила подтверждение на базе текстологического анализа. Также подчеркнуто, что «базовым методом является реализм, а натурализм и символизм проявляются в форме отдельных тенденций. Предположение о мистическом реализме, на наш взгляд, не имеет веских обоснований» [Ахмадова Л. К., 2021, с.96].

К. Ибрагимов стремится к объективному реализму, отходя от традиции идеализации представителей своего этноса. Натуралистические приемы показа отдельных сцен, связанных или с военными действиями, или с проявлениями физиологизма и жестокости у отрицательных персонажей, на наш взгляд, вполне оправданы самой тематикой и авторской идеей. Также это можно трактовать как авторское стремление к документальности, когда он опирается на свидетельства очевидцев, о чем сообщает в авторских отступлениях. Таким образом, в романах К. Ибрагимова органично сочетаются художественное и документальное начало, реализуемое приемами нескольких художественных систем.

Следует отдельно сказать о специфике авторского присутствия, которое, на наш взгляд, вполне оправданно. К. Ибрагимов пишет Пролог и Эпилог от собственного лица, четко маркируя свое присутствие в тексте в качестве реальной личности. Здесь он пытается быть максимально откровенным и честным, вводя в повествование эпизоды, связанные с его биографией, когда он проявил себя недостаточно мужественно и честно: встреча с Гуттой Туаевым. Это вымышленный персонаж, но у него явно есть реальный прототип, с которым автор знаком лично. Канта знал, какими низкими делами занимается высокопоставленный чиновник, научившийся говорить правильные речи о том, что приложит все свои силы для «восстановления Чечни», но он не посмел сказать ему правду в лицо и принял его объятия. Также и в прологе писатель описал минуты своей слабости, страха, всепоглощающего желания выжить любым способом. Эти моменты, как и многие другие, на первый взгляд, нелюбимые поступки его персонажей, подчеркивают мысль автора о том, что люди всего лишь люди, нет героев и предателей в чистом виде, но есть нравственный порог, который каждый человек определяет для себя.

Наши наблюдения подводят к необходимости обобщения результатов анализа текстов К. Ибрагимова с целью выявления специфики его художественного метода.

В первую очередь, мы выявили доминирование реалистического метода, которое проявляется в обращении к социально значимой тематике, в выявлении типических явлений и типических характеров эпохи, в интересе к внутреннему миру личности, постановке гуманистических проблем. Названные направления писательского интереса реализуются на основе методов историзма, объективизма, типизации и обобщения.

В плане анализа натуралистических тенденций следует прежде всего отметить схождения с русской натуралистической моделью. Основанием для подобного предположения послужили отдельные устойчивые подходы автора к обрисовке характеров. Прежде всего, персонажам романов Ибрагимова не свойствен фатализм, они надеются только на себя и проявляют способность противостоять внешним угрозам. Эта тенденция прослеживается у Ф.М. Достоевского, который ставил на первое место в человеческой личности духовно-нравственное начало, не придавая столь важное, как в зарубежном натурализме, значение физиологическому и наследственному факторам. При этом герои Ибрагимова не однозначны, в экстремальных ситуациях в них появляются иррациональные и даже животные проявления. Также автор нередко заостряет внимание на отталкивающих бытовых деталях, откровенных физиологических сценах, проявлениях звериной жестокости и т.п. Здесь можно говорить о натуралистических тенденциях. Например, Кант страдает ночным недержанием, Анастасию Тихоновну насилуют, Розе муж выбивает зубы и жестоко ее избивает. Но при этом они не покоряются, как многие герои западноевропейского натурализма, а продолжают сражаться за свою жизнь и человеческое достоинство. Например, натуралистическая сцена избиения Розы:

– Да вмажьте ей! – не в первый раз скомандовал тот... От удара прикладом мир на мгновение померк, ее бросило в сторону кувырком. Чуть позже, стоя на карачках, еле приходя в себя, она, стоная, вместе со шматками крови выплюнула металлические фиксы с передних зубов, и сквозь эту блевоту сильным шепотом: – Будь ты проклят, продажный Гута! [Ибрагимов К., 2010, с. 228].

Кодекс чести кавказца не позволяет поднять руку на женщину и вполне объяснимо, что эта сцена, как и подобные ей, возмущает многих читателей. Но К. Ибрагимов показывает, что война, экстремальная ситуация пробуждают животное начало в тех людях, у которых оно дремало до определенного времени.

Наряду с выявленным нами синтезом реализма и натурализма, следует сказать о явно выраженных символистских тенденциях. Кант напоминает известный в мировой литературе образ Маленького Принца из одноименной сказки-притчи А. де Сент-Экзюпери. Следует отметить, что в романе постоянно говорится о жажде, о нехватке воды – намного чаще, чем о пище. Анализируя роман «Прошедшие войны», мы обратили внимание на идейную важность, глубокую символичность образа воды, источника, родника, реки. Вода – символ жизни, она «... утоляет жажду ... людей, она есть источник всего живого на земле, пища и плоть каждого, та субстанция, которая дает возможность возрождения» [Голикова Ю., 2014, URL: <https://litbook.ru>]. А. де Сент-Экзюпери в своей сказке «Маленький принц» наполнил этот символ глубоким философским содержанием: «Первооснова жизни – вода, одна из вечных истин, непоколебимая вещь, обладающая великой мудростью»; «Обезвоженная пустыня – это символ мира, опустошенного войной, хаосом, разрушением, человеческой черствостью, завистью и эгоизмом» [Трессидер Д., URL: <http://www.gumer.info/bibliotek>].

Душа Канта, как и Маленького Принца, абсолютно чиста и наполнена любовью к миру, к природе, состраданием, желанием спасти всех близких

от зла. Романтики считали, что «Только детская душа и душа Художника не подвержены меркантильным интересам и злу, проистекающему от них» [Голикова Ю., 2014, URL: <https://litbook.ru>]. Мальчик Кант – ребенок и музыкант. К. Ибрагимов показывает, что он абсолютно свободен от земных низменных пристрастий. Его мир – это красота мироздания, чудо музыки и добро. Здесь можно говорить об идее свободы личности, к которой стремится в той или иной мере каждый человек, но воплотить ее в жизнь не удается никому. Ибрагимов, возможно, придумал такой финал для своего персонажа, чтобы сохранить его свободу и чистоту, спасти от жестокости мира.

Чеченский мальчик, как и сказочный персонаж французского писателя, тоже хочет, чтобы мир был справедливым, добрым, светлым и прекрасным. У Маленького Принца была роза, у Канта – алый воздушный шарик. Здесь можно поразмышлять о том, почему два предмета, столь дорогие Маленькому Принцу и Канту – роза и шарик – красного цвета. Обратимся к символике красного цвета. Красный цвет в русской лингвокультуре является священным. Раньше в русском языке слово красный означало красивый, прекрасный. Также этот цвет в мировой культуре символизирует напряжение сил, концентрацию энергии — тяжелый труд, борьбу, войну, конфликты, трагедию, драму, гнев, жестокость, ярость, страсти. На основе символического значения красного цвета можно предположить, что в романе он означает и красоту мироздания и музыки, которой поклоняется Кант, и жестокость войны, кровь и смерть, которые уничтожают эту красоту. Очевидно, что выбор цвета не случаен.

Кант не принимает реальный мир во всей его жестокости. Даже, когда в детском доме его избивали, он грезил о счастливой жизни. Название романа «Детский мир» глубоко символично: детский мир – это счастливое прошлое, когда не было войны, а рядом – мама и папа; это здание, где продавались игрушки и сбывались мечты; сегодня этот дом, почти

превратившийся в руины, стал убежищем для многих обездоленных, и Канта в том числе. Для самого автора «Детский мир» – символ мирной жизни, возвышающийся над мутной Сунжой:

Да, у меня был детский мир – и вообще иной мир до поры зрелости. Да, мне очень повезло! А какое детство и юношество у нынешних детей Грозного? [Ибрагимов К., 2010, с. 5].

Ибрагимов, проводя сквозь весь роман мотив музыки, в очередной раз, вслед за великими мыслителями – Ф. Достоевским, Ф. Ницше, А. Шопенгауэром – провозглашает, что красота спасет мир, а музыка – высшее из искусств. Немецкий философ А. Шопенгауэр писал: «Невыразимая задушевность музыки, благодаря чему она проносится перед нами, как такой знакомый и все-таки вечно далекий рай, столь понятная и вместе с тем столь необъяснимая, основана на том, что она отражает все движения нашей глубочайшей сущности, но вне, всякой действительности и без ее мучений» [Schopenhauer A., 2006, с. 364]. Приведенная цитата во многом объясняет значение музыки для человека, особенно в тяжелые моменты его жизни: она отвлекает от тягот бытия и переносит в мир прекрасного. Мальчик жил музыкой, он верил в лучшее, возможно, в чудеса, об этом говорят его мечты о том, что его родители вернуться, когда построят новый Детский мир.

Таким образом, символизм проявляется в вере главных героев в красоту и добро, в показе возвышающей роли искусства в жизни человека, в предметных и абстрактных символах («Детский мир» / мир детства, скрипка, музыка). Насыщение текста символами придает ему двусоставную структуру, выражающую идею двоемирия – страшный мир войны и искусство, дающее надежду и вселяющее веру в спасение.

3.2. Специфика системы персонажей и типы героев в романе «Детский мир»: идейная нагрузка, способы типизации и индивидуализации

Идея автора, сконцентрированная не на показе военных событий, а на художественном воспроизведении человеческих судеб, искалеченных войной, идет сквозной линией через весь роман и раскрывается через сюжетные линии, связанные с основными персонажами – с чеченским мальчиком Кантом (Мальчиком) и русской женщиной Анастасией Тихоновной. Круг второстепенных героев не менее колоритен – это медсестра Роза, боевик Бага, чиновники отец и сын Столетовы, Гута Туаев. Эпизодические персонажи выполняют свойственные им функции – они образуют внешний круг общения, выражают массовые настроения, воздействуют на основных персонажей, которые, в свою очередь, реагируя на их поведение, еще ярче проявляют свою натуру.

Главный герой романа – мальчик Кант (чеч. – «мальчик»). Судьба этого одаренного ребенка показана фрагментарно. Он появляется в романе в прологе, в котором автор описывает свое знакомство с Кантом, бабушкой Учитал и Розой. Ребенок сразу привлекает внимание автора-повествователя необычным видением мира, неподдельной искренностью и добротой. Кант задает недетские вопросы, и автор испытывает желание больше узнать о судьбе этих таких разных, на первый взгляд, людей. Далее К. Ибрагимов посвящает главы каждому из героев, но судьбы их неизбежно сходятся в одной точке – в разрушенном Грозном.

Исторический контекст присутствует в каждом эпизоде, так как не менее важной целью автора романа является исследование чеченской войны 1995 года, ее истинных причин и последствий. Это реалистическая установка, и вектор актуализации писателем проблемы «человек и история» направлен от судьбы частного человека к широким социально-историческим обобщениям.

У мальчика было счастливое довоенное детство. Но ... в конце 1994 года в Чечне началась жесточайшая война. Многие предусмотрительно убежали из Грозного. А отец мальчика, даже не офицер, простой старшина, поддался уговорам убегающего руководства и с долгом стал исполнять обязанности начальника РОВД одного из районов столицы республики [Ибрагимов К., 2010, с. 44]. Отец мальчика позже понял, что «... российские войска явились в Чечню не для того, чтобы навести конституционный порядок, а чтобы воевать, как можно дольше воевать. И он осознал, что долг только один: спасти семью» [Ибрагимов К., 2010, с. 44].

Семье Канта на время обстрелов пришлось укрываться в подвале дома, где находился столь любимый ребенком «Детский мир»: Это была не жизнь, а сплошной кошмар. От непрекращающихся бомбежек старое дореволюционное здание все время трясло, и казалось, вот-вот оно рухнет, заживо погребя всех.

В одном отсеке подвала кое-как оборудовали печь – там спали попеременно, и только Мальчик оттуда не выходил, его оберегали все, он был лучом надежды и радости. И еды было мало, очень мало, и первая порция – Мальчику. А самое тяжелое было с водой. Каждую ночь отец мальчика и еще один старичок совершали рискованные рейды до Сунджи. И илистая вода уже пахла не только пороховой горечью, но и, как неотвязно чувствовалось, даже кровью, и ее пили, ее берегли, ею дорожили [Ибрагимов К., 2010, с. 44]. Как мы отмечали, для идиостиля К. Ибрагимова, который включает и натуралистические тенденции, характерен акцент на запахах. В приведенном фрагменте опять возникает образ воды – она источник всего живого, а сейчас вода пахнет порохом и кровью. Это символический образ, через который транслируется авторское предупреждение о смертельной опасности исчезновения всего живого, которую несет война.

Когда ситуация улучшилась, семья вернулась в свою квартиру – забили разбитые окна, создали какой-то уют, мальчика отдали учиться к Анастасии Тихоновне в музыкальную школу. Скоро отцу выплатили компенсацию за длительный период работы в милиции. Это были очень большие деньги, и когда родители вечером сели подумывать, как им обустроить жизнь, в дверь постучали. Отца мальчика забрали люди в военной форме, с матери сорвали сережки и цепочку. Последними словами отца были – *Ждите меня здесь! Здесь меня ждите* [Ибрагимов К., 2010, с. 53].

Для Ибрагимова характерен прием повтора, в художественном дискурсе повтор не расценивается как погрешность стиля, он имеет функцию усиления эмоционального воздействия, закрепления в сознании читателя или персонажа, к которому обращено высказывание, важной мысли. Инверсия во втором предложении, в свою очередь, выделяет слово *здесь*. Этим приемом автор показывает, что отец уверен, что вернется домой, так как – *здесь* – это дом, родной очаг.

Мать ушла в ночь в поисках отца и больше никогда не вернулась. Так Кант стал сиротой, он несколько дней провел один в квартире, без еды и воды, в страшной жаре, пока его не спас неизвестный боевик. Преследуемый боевик, который готов был держать оборону до самой смерти, понял, что ему надо сдаться, чтобы не вызвать огонь и не погубить ребенка: *Что я делаю, – разговаривал сам с собою боевик. – Ведь он будущее, а я что, не сегодня-завтра труп, в этом доме уже сутки, как в западне. Ну, уложу я еще двоих-троих, ну и что? Им счету нет... А вместе со мной и ребенка могут грохнуть* [Ибрагимов К., 2010, с. 62].

Сниженная лексика (*уложу я, могут грохнуть*) в устах боевика звучит вполне органично, создавая правдоподобный образ. Более того, его гуманный жертвенный поступок не выглядит в этом дискурсе противоестественным – это суть личности простого человека, который без

громких слов и долгих размышлений жертвует своей жизнью ради маленького незнакомого мальчика. Казалось бы, деклассированный элемент, жестокий убийца, какими изображали всех противников федерального вторжения, боевик проявил пример человеколюбия и самопожертвования. Ради неизвестного ребенка он сдался. В этом фрагменте со всей очевидностью проводится авторская мысль о том, что в большей степени стереотипные образы боевиков были созданы средствами массовой информации и идеологией российского государства, а на самом деле все не так однозначно – среди них были и нормальные люди, способные сострадать чужой беде.

Мальчик обладал какой-то незримой связью с потусторонним миром: автор показывает связь Канта с космосом, его мистическую интуицию. Даже почувствовав, что боевик на пороге смерти, мальчик не испугался: для него смерть не страшна, а, напротив, это возможность встретиться с родителями.

Бородач специально бросился бежать, чтобы не попасть в плен, и его расстреляли. Мальчик не помнит, что с ним было дальше, очнулся он только в детском доме. Был недолгий счастливый период жизни с медсестрой Любовью Ивановной, но и она оставила его в силу не зависящих от нее обстоятельств. Затем Канта нашла бабушка Анастасия Тихоновна.

Кант совершенно не приспособлен к жизни, материальное мало для него значит, он может часами смотреть на небо, думая о своих родителях. Представителям дипломатического корпуса на вопрос, где его родители, Кант ответил: *Они ждут, когда мы построим новый «Детский мир», ... а мы должны жить, здесь жить! Играть на скрипке и жить, и даже в сказке так!* [Ибрагимов К., 2010, с. 194].

В этой фразе Мальчик обозначил свой жизненный идеал: жить и играть на скрипке. И простые, далекие от классической музыки люди, которым он исполняет на скрипке волшебную музыку, в эти мгновения забывают о смерти и ужасе войны – лица их разглаживаются, на них

появляются улыбки, они мысленно возвращаются в мирное прошлое. Следует отдельно сказать о том, какую роль в романе играет музыка. Кант – талантливый ребенок, который живет музыкой, и только она спасает его от ужаса военной реальности. Весь мир мальчик воспринимает через звуки и краски, и эта особенность восприятия делает его образ отстраненным, в определенной степени романтическим.

В трактовке персонажей романа «Детский мир» также можно найти типологические связи с художественным методом Ф. Кафки. У Кафки судьбой человека управляют сверхъестественные обстоятельства, у Ибрагимова – катастрофические исторические события. И те, и другие воздействия неподвластны человеку и непостижимы рациональному пониманию. Здесь опять выявляется отход автора от реалистического показа действительности. Реалистическая концепция общественного развития, основанная на постижении окружающего мира и социально-исторического развития общества, отклоняется писателем, который акцентирует внимание на иррациональности и абсурдности происходящего вокруг человека. При таком подходе нивелируются причинно-следственные связи явлений, метод историзма в его реалистической трактовке оказывается несостоятельным. Но, как мы отмечали, в стиле писателя синтезируются различные подходы, и применяет он их в зависимости от ситуации и персонажа.

В романе нередко человек оказывается непостижимым и некоторые из его поступков выглядят необъяснимыми с позиций реалистического метода. Таким образом, концепция личности К. Ибрагимова оказывается в отдельных моментах близкой экзистенциальной эстетике Ф. Кафки: «Писатель, изображая душевный мир героев, которые являются для него всегда чем-то загадочным, до конца непостижимым, пытался сделать так, чтобы каждый шаг грозил неожиданными открытиями, за которыми грезилась бы еще более грандиозные пространства. В то же время

сверхъестественные обстоятельства застают персонажей произведений автора врасплох, в самые неожиданные для них моменты, в самых неудобных местах и в самое неудобное время, заставляя испытывать "страх и трепет" перед бытием, а порой и утрату смысла жизни» [URL: https://vuzlit.com/608545/frants_kafka].

Только на основе этой концепции можно объяснить трансформации личности Аркадия Столетова. При первой встрече с юной студенткой Анастасией Афанасьевой, отговаривая ее идти на фронт медсестрой, молодой декан ведет себя достойно, он увлеченно и восторженно говорит с ней о будущем астрофической науки:

Мы должны, мы обязаны смотреть вперед, вверх... Будущее за авиацией, за космонавтикой! Только мы, советские люди, можем первыми открыть путь к луне и к звездам... Афанасьева, у тебя большое будущее, вся наука в наших руках. Учись, и мы с тобой станем первооткрывателями Вселенной! Ты ведь видела звездное небо в телескоп?! Какое это чудо! Вот наш фронт, вот линия нашей атаки! И, несмотря на тяжелейшую войну, партия думает о будущем, и мы должны, мы обязаны этому следовать [Ибрагимов К., 2010, с. 120].

Аркадий Столетов был сам призван на фронт, и когда он вернулся в короткий отпуск, Анастасия его не узнала – бывший ученый стал нагловатым развязным военным, открыто выражающим свои плотские намерения. Афанасьева подала заявление об отчислении и решила поступить учиться музыке в консерваторию. Столетов прямо ей сказал, что в таком случае бронь с нее снимается. Девушка еще не догадывалась, до чего может дойти мужчина, самолюбие которого задето отказом, а вот ее отчим после встречи со Столетовым дал ему точную характеристику:

Не знаю, то ли он ученый, то ли военный, уж больно пакостный он тип с виду и глаза, как у крысы, плутоватые [Ибрагимов К., 2010, с. 129].

Отчим оказался прав, пакостный Аркадий Столетов организовал Анастасии повестку, пока она не успела сдать экзамены. Девушка попала на фронт под его командование в специальный взвод особого назначения, который занимался описью и оценкой конфискованных у врага ценностей.

Круг персонажей романа «Детский мир» весьма разнолик – здесь собраны люди разных национальностей, разного социального положения, и каждый из них представляет определенный типаж. Только два героя неординарны и глубоко индивидуализированы – главный герой мальчик Кант и бабушка Учитал – русская женщина, преподаватель музыки Анастасия Тихоновна Афанасьева, волей судьбы заброшенная в Чечню, где она оказалась в гуще военных событий и стала спасительницей и опекуном Мальчика вместе с чеченкой Розой. Таким образом миссия учительницы музыки обозначена четко – она, человек другой национальности, спасает духовный символ чеченского народа – чистого безгрешного, преданного идее красоты и духовности, Мальчика.

В романе нет ни одной счастливой судьбы, потому что все герои оказались в круговороте исторических катаклизмов. Речь персонажей Ибрагимова подчеркивает их индивидуальность, манеру мышления. Автор пытался передать особенность речи Мальчика, который до определенного возраста не выговаривал несколько букв (*У нас будет елка, зеленая, как в вашем телевизоре, и плидет дедушка, его зовут Молоз, и он ласкажет мне сказку...* [Ибрагимов К., 2010, с. 16]), косноязычие простых необразованных людей, плохо знавших русский язык, интеллектуализм и образованность Анастасии Тихоновны. Интересна авторская манера передачи эмоциональности высказываний персонажей через активное использование восклицательных, вопросительных знаков, многоточий, скобок, междометий, звукоподражаний.

Персонажи выстроены в традиционной оппозиции – положительные и отрицательные. При этом все образы не однозначны, многослойны:

хорошие люди тоже совершают ошибки, а даже отъявленные негодяи оказываются способными на человеческие поступки и душевные порывы. В этом реализм романа и его правдивость.

Наиболее спорным представляется образ Анастасии Тихоновны – учительницы музыки, которая прошла Великую Отечественную войну и попала в жернова чеченской бойни, сохранив способность к состраданию. Символика ее образа очевидна. Мальчик Кант называет ее бабушка Учитал: ребенок-сирота воспринимает Анастасию Тихоновну как самого близкого человека, она становится его бабушкой и отдает Канту всю свою неистраченную любовь, реализуя несбывшееся материнство. Учитал – искаженный вариант слова *учительница*. Анастасия Тихоновна учит ребенка не только музыке, она учит его жизни и понимает, как никто другой, насколько талантлив и необычен этот ребенок, совершенно не приспособленный к обыденному существованию, мыслящий только категориями добра. Поэтому бабушка Учитал все время боится за Канта, пытается защитить его, оберечь от всех невзгод тяжелого военного времени. Именно во взаимоотношениях учительницы и Канта просматриваются традиции романа воспитания. Здесь же проявляется эволюция личности Анастасии Тихоновны. Все время до встречи с Кантом она подстраивалась под обстоятельства: ее использовал Столетов, не понимала мать, она не смогла отдаться настоящему призванию – музыке, жила и работала не там, где хотела. И только на склоне лет, когда Анастасии Тихоновне казалось, что ее бессмысленная и тягостная жизнь подходит к концу, она встретила человека, которому была нужна, который любил ее искренне и преданно.

Период военного прошлого Анастасии Тихоновны далеко не героический: будучи привлекательной женщиной, она вызвала интерес у своего преподавателя, ставшего во время войны влиятельным офицером, и вынуждена была, чтобы выжить, стать его гражданской женой. В показе взаимоотношений Анастасии Тихоновны и Аркадия Столетова

присутствует некоторая противоречивость. Вначале, в период учебы в университете, умный молодой преподаватель привлекал Анастасию, но она отвергала его ухаживания, так как он был женат. Затем, когда девушка попала под командование Столетова, в ней сработал инстинкт самосохранения, и она стала его военной женой. Анастасия испытала много унижений, однажды она чудом осталась жива после очередной вечеринки высшего военного состава, затем была обвинена в подлоге, попала в заключение, где ее избивали и насиловали. По сути, ее все время использовали и унижали, вынуждая вести образ жизни, противный всему ее существу. Но она выжила, сохранив свои нравственные ценности и способность к состраданию и самопожертвованию. После войны Анастасия Тихоновна волей судьбы попала в Грозный, где была замужем, какое-то время занималась наукой, работала в институте, а, уйдя на пенсию, отдалась своему призванию – преподаванию музыки. Первая чеченская война разрушила, казалось бы, налаженную жизнь, но она же вернула разуверившейся в возможности личного счастья женщине смысл жизни – материнскую любовь к Канту.

Персонажи романа «Детский мир», как мы отмечали, в основном, носители одной идеи. Поэтому они в определенной степени статичны и односторонни. Так Гута Гуаев – воплощение чистого зла. В этом герое нет ни одной положительной черты, более того, в нем ни разу не проснется желание сделать что-нибудь хорошее. Финал романа, в котором автор встречается с Гутой, а затем с его бывшей женой Розой, неоднозначен. Гута процветает, его чествуют в Москве, и он полон планов по дальнейшему разграблению Чечни. Из этого эпизода можно заключить, что автор считает, что зло неискоренимо, оно вечно. С другой стороны, Роза получает вознаграждение за свою человечность и стойкость – она счастлива: выходит замуж и имеет двоих детей. Следовательно, по мнению автора, справедливость в земном мире все же существует. Подобный финал

соответствует концепциям реализма и материалистической философии, постулирующим, что зло и добро сосуществуют в этом мире, более того, зло – это объективная реальность, которая заставляет человека активизировать все свои жизненные и духовные ресурсы, делает его стойким и сильным. Те, кто сдаются, погибают, а те, которые отвечают на вызовы враждебных сил, идейных оппонентов, врагов, времени и общества, выживают и даже могут стать счастливыми. Философы всех времен размышляли над проблемами добра и зла. В подтверждение нашего тезиса приведем ряд влиятельных философских концепций:

«•... функцией зла является «проверка» духовных сил человека, которая осуществляется через страдания, ведущие к раскрытию истинной духовной сущности личности и человечества в целом (религиозная философия, Г. Гегель);

- зло необходимо для реализации человеком подлинной свободы (Я. Беме, Н. Бердяев);

- истоки зла коренятся в социальном несовершенстве, отсутствии условий для полноценной реализации личности. Преодоление несправедливости в обществе способствует развитию мира по пути добра (марксизм);

- стремление к деструктивности – изначальное свойство человеческой психики, которое заложено в сфере бессознательного. Но ассимилированные сознанием энергии бессознательного становятся источником творческих сил человека, его саморазвития (аналитическая психология)» [Вавилова Е. Ю., 2008].

Роза выходит за Гуту без любви, но в браке с ним девушка из бедной семьи сначала видит только плюсы: он обеспечен и обещает, что она будет учиться на медсестру. Гута был гулякой, любил выпить и не гнушался мелким мошенничеством. Свои обещания он не выполнил, и Роза стала домработницей, которую вся семья, включая мужа, не замечала и даже

презирала. Роза родила девочку, которая совсем не интересовала отца, отсутствовавшего дома по году и более. Роза поехала к нему в Калмыкию и узнала, что Гута завел новую семью, с которой обращался намного лучше, чем с ней. Оксана была дочерью большого начальника, и Гута занял должность главного заготовителя шерсти в районе. Это был 1993 год. Роза была далека от политики, но автор саркастически прокомментировал ситуацию в стране и ее восприятие большинством населения: *... огромная сильная страна СССР без единого выстрела, лишь росчерком пера трех собутыльников, перестала существовать. Горбачев – предатель, Ельцин молодец – всем свободу обещает. Не сегодня-завтра грядет смена власти в Грозном – свой генерал объявится, будет сплошная благодать ...* [Ибрагимов К., 2010, с. 90].

В начавшейся неразберихе на Гуту обратила внимание прокуратура, он спешно бежал, чтобы отсидеться в спокойном месте, пока все уляжется (а в этом опытный мошенник не сомневался). Ребенок сильно болел, у Розы не было средств на его лечение, и в итоге девочка умерла. Больше ничто не держало Розу в семье Туаевых, которым она так и не стала родной, и она уехала в поисках работы в Грозный.

Гута действительно скоро «выплыл на поверхность» – и уже в должности главного градостроителя, а Роза после окончания медицинского училища устроилась работать на скорую помощь, а затем, как и мечтала, медсестрой. По внутренней сути, по складу характера и моральным ценностям Гута и Роза – антиподы. Главная страсть натуры Гуты – обогащение и удовлетворение плотских желаний, причем для него все средства хороши, он лишен внутренней рефлексии – даже после самых низких поступков Гуту не мучают угрызения совести. И писатель показывает, что именно такие люди без нравственного стержня оказались во главе руководства Чечни: *И не видит Роза более своего бывшего мужа за рулем, у него персональный водитель и несколько охранников с*

автоматами. Туаевы вновь на коне, почти что полквартала выкупили, и если Грозный на глазах буквально хиреет, то на участках Туаевых действительно градостроительный бум. ... В общем, небольшая когорта, воспользовавшись переворотом, всякими способами дорвалась до власти, окружила себя многочисленной охраной и теперь жирует, чуть ли не замки строит в то время, как народ бедствует. Как утверждают лидеры, “все это ничего, революция требует жертв, надо терпеть, зато треть оставшихся в живых будет жить в настоящем раю” [Ибрагимов К., 2010, с. 94].

В приведенном фрагменте Ибрагимов в заостренно-критичной форме показывает разгул казнокрадства и беззакония, царивших в послевоенной Чечне. Эта ситуация «безвременья» обусловлена исторической действительностью, переделом власти. И как во все времена, небольшая группа чиновников и представителей правящих кругов наживается на войне, которая приносит бедствия и несчастья простым людям, таким, как Роза, Мальчик, Анастасия Тихоновна.

Противопоставление двух миров выражается прежде всего в оппозиционных парах персонажей: Гута – Роза, Анастасия Афанасьева – Столетов. Личность Канта стоит особняком, его не с кем сравнивать, он особый. Через образ Мальчика транслируется главная идея, что именно красота (природа, космос, искусство) – вечны.

Сколько живет человечество, столько его история сопровождается войнами за передел территорий, за власть и финансы. По мнению автора, именно эти мотивы порождают зло, которому противостоят красота и искусство, таким образом, материальные ценности находятся в вечном конфликте с духовными. К сфере духовных общечеловеческих ценностей философы относят «... ценности, которые наряду с добром отображаются в поиске и реализации модели, позволяющей обществу не только сохранять высокий уровень жизнестойкости, но и прогрессивно развиваться, – это

творчество, свобода, мир, справедливость, истина, красота» [URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektika-dobra-i-zla-sotsialno>].

На основании структурно-семантического анализа романа «Детский мир», который построен по принципу противопоставления персонажей, несущих определенные ценности, можно утверждать, что К. Ибрагимов актуализирует вечную проблему противостояния добра и зла. И у писателя нет однозначного ответа, вернее, он не выражает оптимизма по поводу возможности победы добра и справедливости.

Нами ранее отмечались некоторые линии схождения мировоззренческих установок К. Ибрагимова с теориями Ф. Достоевского и, на наш взгляд, они наиболее ярко выражены именно в показе человеческой природы: «Для Достоевского добро – источник жизненной силы, основа и главное проявление прогресса, без него невозможно было бы понять истину Бытия. Причем добро – это всегда результат собственных исканий человека, его внутренний идеал, который невозможно достигнуть с помощью принуждения. Добро и зло есть в самом человеке, а потому их нельзя разделять. ... Достоевский никогда не отодвигал зло в сторону, а, наоборот, хотел познать его тайну, потому что зло – такой же путь человека, как и добро. Познав его, человек способен преодолеть его изнутри, а не остаться бессильным против него» [URL: <https://web.snauka.ru/issues>].

Карьера Гуты Туаева неудержимо движется вверх, его ставят на одну из самых престижных должностей – руководить нефтяной отраслью. В своем выступлении на телевидении Гута на всю республику заявил, что *...с его назначением президент очень правильно поступил – он самый честный и надежный, и вообще он всегда на самых трудных местах, его надо ценить и охранять»* ” [Ибрагимов К., 2010, с. 96].

Возможно, что Гута сам верит в то, что он приносит пользу своей республике. Это человек с завышенной самооценкой, который позволил себе все, потому что считает, что по праву достоин стать выше всех

остальных. В данном случае можно также провести параллели с теориями Ф. Достоевского о вседозволенности, только герои русского классика, например, Р. Раскольников, размышляли над этой проблемой, желая принести пользу людям, спасти их, а Гута Туаев живет только ради наживы и безграничной власти, которой он упивается. Первой его жертвой, которую он пытался лишить человеческого достоинства и полностью подчинить своей воле, была Роза. Затем масштабы деятельности Туаева расширились, и полигоном для удовлетворения его низменных и меркантильных потребностей стал весь чеченский народ. Лицемерные речи Гуты Туаева никого не могли обмануть, люди знали, что он на самом деле занимается разграблением и так разоренной Чечни, и на него было совершено покушение. Наверное, в первый раз в жизни Гута по-настоящему испугался и понял, что ему не простят так называемую «деятельность во имя Чечни». Он обманывал не только государство, но и своих партнеров, которые были готовы на крайние меры. Гута развелся с женой, вернул обманом в дом Розу, чтобы она ухаживала за раненым братом и дряхлым отцом, а сам долгое время прятался в Москве и в Европе.

В 1995 году военные действия возобновились. Роза поняла, что в доме Туаевых ею опять пользуются, а своему мужу она не нужна, и вернулась в больницу. Как все простые люди, Роза хотела мира и отдавала все силы, чтобы помочь людям, пострадавшим в военных операциях, под бомбежками и обстрелами. Медицинские работники проявляли героизм без лишних слов и патриотических речей, они просто делали свою работу под пулями и почти без медикаментов. На общем собрании в больнице главный врач обратился к коллективу, который он не мог удерживать своей властью, так как медикам не платили зарплату, с самыми простыми, но честными словами:

– Братья и сестры, – тихо начал он, постепенно повышая голос. – Трудные настали времена. Я никого не держу, не имею морального права. У каждого есть семьи, есть право выбора. Но мы медработники, и мы

обязаны в столь тяжелую годину быть на службе, значит, быть вместе со своим многострадальным народом. Мы врачеватели, а не политики – наше дело лечить всех, подчеркиваю, всех одинаково. Благодарности, тем более вознаграждения, не ждите. Я рад и горд, что нас столько в этом зале [Ибрагимов К., 2010, с. 102].

Далее Роза съездила домой в село, затем с братом Туаева Яндаром – в Москву в надежде встретиться с мужем, немного с ним пожить, чтобы обзавестись желанным ребенком. Больше ей от Гуты не было ничего нужно. Но Гута в очередной раз женился и не хотел видеть свою законную жену, с которой вступал в брак по мусульманским обычаям два раза. Роза вернулась в Грозный, поселилась в опустевшем доме своей двоюродной сестры, которая была матерью Канта. Здесь судьбы Розы и Мальчика сошлись, и они больше не расставались.

Гута Туаев возвращается в Грозный, опять занимается восстановлением города, наживаясь все больше. Но даже высокий пост и огромные деньги не удовлетворяют его амбиций, и он совершает налет на бабушку, Розу и Канта и крадет бесценную скрипку, которую сохранила Анастасия Тихоновна и отдала Мальчику. Роза становится опасной, так как она узнала в налетчике бывшего мужа, и Гута идет на крайние меры. Группа вооруженных людей забирает среди ночи Розу и ее прячут в подвале загородного дома Гуты, где он временно находится и ведет переговоры о финансовых и политических махинациях. Роза чудом спасается, избежав неминуемой смерти, и возвращается к своим близким – бабушке и Канту.

Эти сюжетные перипетии напоминают приключенческий роман или, вернее, роман-боевик. Действие развивается крайне динамично, иногда в кинематографической манере. Описательность уступает место динамичному развитию. Отметим, что частая смена стилистически разнородных фрагментов характерна для манеры К. Ибрагимова. В данном

случае автор нередко применяет прием монтажа, стыкуя разнородные в дискурсивном и стилистическом плане фрагменты.

В целом система персонажей романа «Детский мир» выстроена, как мы отметили, по принципу оппозиции добро/зло. Каждый герой является носителем определенной идеи, духовных ценностей и морально-нравственных принципов. Автор ставит своих героев перед выбором, и каждый из них, принимая решение, проявляет себя как личность. «Общеизвестно, что создаваемая в художественных произведениях ситуация нравственного выбора обнаруживает общие характерные закономерности человеческого бытия во всей драматичности их личностного проявления. В реальной жизни и в реалистическом искусстве поступок обуславливается общественными, личностными, психологическими, биологическими воздействиями. Нравственная решимость слагается не только в сознательных пластах человеческого опыта, но и осуществляется подчас как инстинкт, привычка» [Жиндеева Е.А., 2012, URL: <https://cyberleninka.ru>].

Изображение нравственного выбора героев романа позволяет вникнуть в процесс изменения характеров. И, как нами было отмечено, герои К. Ибрагимова в основном не меняют своей личностной сути на протяжении всего развития сюжета, в них не происходит глобальных духовно-нравственных перерождений. По поступкам персонажей, совершенным иногда спонтанно, иногда вследствие долгих размышлений можно достаточно отчетливо разделить их на положительных и отрицательных. Эта градация несколько не обусловлена социально. Положительными героями романа являются именно простые люди, а группа отрицательных персонажей принадлежит к политической и финансовой верхушке. С крайне негативными коннотациями автор описывает суть происходящего, он не находит ни одного разумного или логичного объяснения чеченским войнам. Поэтому руководство обеих

противоборствующих сторон показывается предельно критически и негативно. По мнению автора, в бедствиях Чечни виновны и те, и другие, но в большей степени чеченские власти, которые предали свой народ. Поэтому в романе нет образов боевиков, хотя это было реалией чеченской войны, автор вводит в действие только Багу, который не вызывает неприязни, так как не совершает предательства по отношению к своему народу. Второй безымянный боевик, осознанно идет на смерть, спасая незнакомого мальчика Канта. Человечность деклассированных, преследуемых законом людей создает резкий контраст с предательством, алчностью, жестокостью и меркантильностью Аркадия Столетова, Гуты Туаева и других важных чиновников и деятелей.

Очевидно, что в некоторых случаях К. Ибрагимов прибегает к гиперболизации и схематизации образов, заостря отрицательные и положительные черты. Эта тенденция характерна для романтиков, которые согласно теории двоемирия противопоставляли добро и зло, мир реальный и идеальный, земную жизнь и высокое искусство и т.д. Особенно близок романтическим героям Кант, который очень далек от реальности и полностью погружен в мир музыки. Единственной реальностью для мальчика становится будущее, которое связано у него с неосуществимой мечтой встретиться с отцом и матерью. Здесь также очевиден разрыв между реальным миром и миром, в котором живет Кант. Мальчик осознает, что его родители умерли, но он верит в возможность встречи с ними в потустороннем мире. Возможно поэтому в сценах, связанных с Кантом, автор вводит космическую символику: мальчик все время всматривается в небо, любуется звездами, откуда, как кажется ребенку, смотрят на него родители и где находится прекрасный добрый мир.

3.3. Способы реализации авторской идеи через художественное воспроизведение социально-исторической обстановки

В процессе анализа художественного текста на историческую тематику следует отталкиваться от понимания, что творческий процесс есть процесс интерпретации. Художественный мир произведения конструируется автором посредством переработки реалий окружающего мира в художественные образы, которые обладают той или иной степенью достоверности. «Интерпретация – понятие многогранное. Современный понятийный аппарат содержит множество определений, концентрирующих различные составные явления интерпретации.

Однако следует отличать интерпретацию в исторических и художественно-исторических произведениях. Нередко автору художественного произведения предъявляются завышенные требования в детальном соблюдении историчности и хронологичности. Но насколько обоснованы эти требования для автора художественного произведения? Автор художественного произведения не создает научное знание, претендующее на абсолютную или относительную правдивость. Он конструирует художественное время-пространство, в котором исторические вкрапления имеют конкретное прикладное значение» [Шарифова С.Ш., 2011, с.205].

Тексты К. Ибрагимова следует рассматривать через призму приведенной теории. Время-пространство художественного действия в его романах вполне адекватно реальному, при этом события личной жизни, конфликты, поступки персонажей вымышлены. Также существенно, что в романе не присутствуют реальные исторические деятели, и это говорит о том, что автор не претендует на роль создателя документального полотна и оставляет за собой право на интерпретацию, которая дает пространство для авторских оценок.

Через личности и судьбы центральных героев романа К. Ибрагимов стремится показать и осмыслить суть происходящих в период первой чеченской войны событий. Эта тема актуальна в современной чеченской литературе. Национальные авторы с разных мировоззренческих позиций стремятся раскрыть и показать трагедию своего этноса, которая произошла не по вине народа, а была спровоцирована вышестоящими силами, преследующими геополитические, экономические и другие цели. Чеченские историки отмечают: «Историки, литераторы и кинематографисты до сих пор пытаются оценить масштаб ужасов чеченской войны. Никто не отрицает, что она нанесла огромный ущерб не только самой республике, но и всей России. Однако стоит учитывать, что по своему характеру две кампании довольно сильно различались.

В эпоху Ельцина, когда была развязана первая чеченская кампания 1994-1996 годов, российские войска не могли действовать достаточно слаженно и свободно. Руководство страны решало свои задачи, более того, по некоторым сведениям, на этой войне многие наживались – шли поставки вооружения на территорию республики из РФ, а боевики нередко зарабатывали тем, что требовали большие выкупы за заложников... Говоря про войну в Чечне, стоит учитывать, что виновато в ее развязывании, прежде всего, было безграмотное руководство – сначала СССР, а затем России. Именно ослабление внутренней политической ситуации в стране привело к расшатыванию окраин и усилению националистических элементов.

Что же касается сути чеченской войны, то здесь налицо конфликт интересов и неспособность руководить огромной территорией со стороны сначала Горбачева, а затем Ельцина. В дальнейшем развязывать этот запутанный узел пришлось людям, которые пришли к власти в самом конце XX века» [URL: <https://tanci-kavkaza.ru>].

Таким образом, история чеченских войн не оценивается однозначно, обе стороны конфликта были виновны в той или иной степени. Но главная трагедия заключается в том, что основные потери пришлось на мирное население, которое пострадало из-за столкновения российских геополитических интересов и националистических амбиций руководства Чечни того периода.

В произведении на историческую тематику обязателен показ глубинной взаимосвязи исторической эпохи (периода) и характера. Г. Лукач справедливо полагал, что для исторического текста необходимым требованием является «связь героев с жизнью народа, изображение частной и общественной жизни в ее взаимодействии» [Лукач Г., 2014, с. 46].

Посредством раскрытия личностей центральных героев романа К.Ибрагимов реалистично показывает социально-политические конфликты чеченского общества военного периода, в котором царят нищета, воровство, социальная несправедливость, обман. Вину за состояние общества писатель возлагает, прежде всего, на государство, а не на простых людей и показывает, что все эти негативные явления порождены развязанной российскими и чеченскими правителями войной.

В науке выработано несколько трактовок истории: «"совокупность произошедших событий", "повествование о прошедшем", т. е. по сути "нарративный текст", обладающий собственной эстетикой» [Лобин А. М., 2018, с. 12]. В целом следует говорить о концепции истории, «содержащей определенную художественную философию исторического процесса, события. Эта творческая категория формируется сознанием человека под влиянием культурно-исторических условий, разделяемых философских идей и др. Концепцию истории можно связать и с историческим сознанием, равно совмещающим в себе представления о родовом прошлом общества, его видовом настоящем и прозреваемом будущем» [см.: Барг М. А., 1987, с. 5]. В плане историографии историческое сознание определяет «... не только

способ фиксации исторической памяти, но и отбор, объем и содержание достопамятного...» [Барг М. А., 1987, с. 6].

К. Ибрагимов поставил социально значимую, масштабную задачу – во всей достоверности осветить события первой Чеченской войны и подошел к ее освещению средствами художественной литературы – через показ судеб своих героев. В одном из интервью Ибрагимов на вопрос журналиста: «Почему вы решили оглянуться назад?» ответил: «Во-первых, чтобы мы не забывали то страшное время, которое, к счастью, позади. Во-вторых, чтобы больше не повторять таких ужасных ошибок». Исходя из данного заявления, можно сказать, что это и роман-предупреждение.

В прологе романа писатель пишет: *«Пора бы мне угомониться и забыть все. Но не могу, не могу. Я должен, я обязан рассказать о своей вине, о нашей общей вине, о нашей трагедии...»* [Ибрагимов К., 2010, с. 3]. Стилистический прием повтора, используемый автором в приведенной цитате, усиливает эмоциональность высказывания, отражающего неисчезающую боль, которую по происшествии многих лет испытывают все чеченцы, прошедшие войну.

Каждое событие, происходящее в романе, оценивается через его последствия, всегда трагические и смертоносные. На основании подобной установки можно говорить о драматизме произведения. «Драматизм – состояние, связанное с напряженным переживанием каких-то противоречий, с взволнованностью и тревогой; острая борьба противоположных сил, напряженная интрига» [Словарь лит. терминов, 1974].

Драматическая идейно-эмоциональная настроенность романа «Детский мир» обуславливает и особенности конфликтов, и специфику дискурсивных практик. «Роман максимально драматизирует, заостряет проблему, отталкиваясь от ситуации крайнего обособления человека, от противоречия, конфликта между его индивидуальной свободой,

стремлением к счастью и социальными обстоятельствами, враждебными ему интересами» [Медведев П. Н., 1998, с. 259].

Также характерной чертой романа «Детский мир» является конфликтность героев и ситуаций. На протяжении всего романа его герои вступают в бесконечную череду социальных и бытовых конфликтов - конфликт Анастасии Афанасьевой с Аркадием Столетовым; Розы с Туаевым; конфликты между простым народом и чиновниками и военными; метафизический конфликт Канта с мировой несправедливостью и другие.

Военные действия в романе сменяются периодом восстановления разрушенного города, символом которого становится здание бывшего «Детского мира».

Важно, что в роман автор вводит концепт «дом», который несет в себе важнейшие составляющие национальной культуры. «Дом у всех народов воспринимается как символ порядка, космического ритма и равновесия, символизирует безопасность, постоянство, убежище, является эмблемой рода, династии» [Копалинский В., 2002, с.65].

Все события, описываемые в романе, становятся основой для постановки К. Ибрагимовым глубоких проблем и обличения войны, воровства и коррупции. При этом, защищая свой народ, он не может не быть объективным и нередко показывает, насколько наивны люди и как легко их обмануть, «кинув маленький кусок».

В этом плане показателен фрагмент, в котором описывается выступление Гуты Туаева, в очередной раз вернувшегося в Чечню с миссией «восстановления»: *... десятки камер уставились на холеного моложавого мужчину в белоснежной сорочке и галстуке. Это Гута Туаев на фоне строительных лесов дает оживленное интервью.*

... До сих пор Гута и говорить не мог, тем паче по-русски, только деньги считать – любые цифры умножит и сложит, а тут заливается, словно соловей:

- В целом по республике и в Грозном вновь построено и восстановлено сорок две школы, четыре интерната, восемь детских садов, пять профтехучилищ и двадцать больниц. Практически полностью восстановлены и заново построены сотни километров линий электропередач, газопровод, асфальтовые дороги и множество мостов. Уже сданы в эксплуатацию тысячи жилых домов, больше двадцати тысяч семей получили из Российского бюджета компенсации за утраченное имущество и жилье...

- Дрянь! – довольно громко прошептала Роза.

- Замолчи! – злобно выдала рядом стоявшая габаритная женщина. – Таких грамотных не любим [Ибрагимов К., 2010, с. 293].

Туаев – собирательный образ, в этот период на поверхность выплыло множество сомнительных личностей, которые, воспользовавшись неразберихой, стремились как можно быстрее отхватить свой кусок от бюджета на восстановление Чечни. Но пострадавшие люди хотели верить, что их братья-чеченцы приложат все силы для восстановления родной республики, что они не станут наживаться на горе своих соплеменников. Вся правда открылась позже, а в период, описываемый в романе «Детский мир», когда мало кто реально понимал, что происходит: вину винили москвичей, боевиков, иностранцев, кого угодно, только не своих, которые, как Гута Туаев, говорили правильные слова с высоких трибун.

Основной лейтмотив романа – мысль о том, что войны не нужны простым людям – транслируется в наиболее яркой, наглядной форме через сюжетную линию, связанную с мальчиком Кантом. Ребенок не понимает, что происходит, он просто хочет вернуться в прошлое, в свое счастливое детство, когда все были живы и можно было пойти в «Детский мир» за игрушками. Своими наивными вопросами, на которые нет ответа, он ставит в тупик взрослых. Вопросы одни и те же: Когда закончится война? Встретиться ли он с мамой и папой? Почему чеченцев все бьют и в них

стреляют? Вопросы, на первый взгляд, наивные, но в них заложен глубокий смысл, и взрослые, пытаясь ответить мальчику, теряются, находят какие-то слова, но они не кажутся ему убедительными. Кант верит только в то, что он видит. Возможно, понимание того, что жизнь не войдет в мирное русло и его родители никогда уже не вернуться, и подтолкнуло его к самоубийству.

В отличие от главных персонажей, которые в определенной степени индивидуализированы, в романе предстают собирательные, обобщенные образы представителей различных уровней власти. Чаще всего они не имеют имен, называются лишь их должности. Таким приемом автор создает схематичные фигуры, в которых концентрируются наиболее типичные черты, и перед читателем предстает не личность, а функциональная фигура.

Приведем фрагмент посещения бабушки Анастасии Афанасьевны следователем прокуратуры и военными в масках, которые разыскивали боевика Багу:

– А этого молодого человека, – она указала на фото, – пару раз видела. Так он не боевик ... а ополченец.

– Ух ты, какая терминология, – снова выступил толстый мужчина. – Прямо правозащитница.

– Да, и защитница, и труженица. Я...я, – голос у нее стал срываться, – я ветеран и инвалид войны, полвека трудовой стаж...Посмотрите мои документы.

– Вижу, – бесстрастный голос.

– Да что вы можете видеть?! – теряет бабушка контроль. – Перед старухой и ребенком маски напялили. Даже фашисты лиц не скрывали. А на вас нет лица, нет совести и чести...

– Дура! – процедил толстяк, и, уже уходя из квартиры, бросил здоровяку: Не марайся, сама скоро подойдет [Ибрагимов К., 2010, с. 347].

Автор не дает имен персонажам, называя их по каким-то портретным характеристикам или роду деятельности: ...здоровяк, толстяк,

следователь прокуратуры, который по-хозяйски сразу же сел, обдавая комнату зловонием перегара и слащавого дезодоранта [см.: Ибрагимов К., 2010, с. 348]. Все эти люди – типичные деятели того периода. Портреты, поведение и речь этих персонажей создают крайне негативные образы, таким образом автор показывает свое отношение к происходящему, к людям, которые были орудием в руках тех, кто творил чеченскую историю военного времени.

Исторический контекст вполне достоверен – в этот период шла охота на боевиков, но здесь бабушка уточнила, что существует огромная разница между боевиками и ополченцами, тем самым защитив Багу, который сражался не за деньги, сепаратистские и религиозные идеи, а пошел с оружием в руках против людей, которые напали на его родину.

По мнению С. Ш. Шарифовой, писатель при воссоздании исторической обстановки, имеет право:

- «”восполнять” исторические события собственными домыслами, переплетая в единое целое реальные и вымышленные факты;
- избирательно извлекать из всей палитры исторических событий те факты, которые необходимы для раскрытия авторского замысла;
- отображать в своем произведении авторскую (художественную) оценку исторических событий и фактов» [Шарифова С. Ш., 2011, с.203].

Последний пункт приведенного тезиса обосновывает манеру К.Ибрагимова, оценка которым происходящих в романе ситуаций и поступков героев всегда очевидна. В отличие от современной установки на остранение автора от текста, посредством чего должна создаваться иллюзия абсолютной объективности, автор «Детского мира» не только показывает свою оценку через портреты, описания, комментарии, но и «входит» в текст как свидетель ряда моментов, рассказывая о своем знакомстве с персонажами или о том, что он о них услышал от других. В частности, такие

структурные компоненты, как пролог и эпилог, полностью имитируют документальный текст, так как автор в них предстает как реальное лицо.

Историзм К. Ибрагимова основывается на концепциях исторической справедливости, то есть, писатель ставит целью отобразить по отношению к национальной истории сформировавшееся в гражданском социуме мнение, с которым он согласен. Не факт, что оно единственно правильное, но автор художественного текста имеет на это право в силу интерпретативности художественного дискурса. Данная позиция поддерживается рядом исследователей, в частности, С. Ш. Шарифовой, которая утверждает следующее: «Автор художественного произведения связан лишь требованиями исторической справедливости, которая, по сути, является ответвлением социальной справедливости. Но понятие справедливости является исторически и социально динамичным феноменом. То есть в зависимости от конкретной исторической эпохи и конкретной социальной группы (даже группы со специфической субкультурой) справедливость наделяется различным содержанием. Учитывая, что справедливость включает в себя требование соответствия деяния и воздаяния, принцип исторической справедливости при отображении художественного произведения предполагает адекватное отображение роли и значения тех или иных исторических событий и тенденций» [Шарифова С. Ш., 2011].

Содержание текстов К. Ибрагимова не вызывают сомнений в том, что писатель отдает себе отчет в том, насколько важные для общественного мнения вопросы он поднимает, следовательно, он осознает свою социальную ответственность и основывается на принципах социальной справедливости. Об этом говорит тот факт, что группа отрицательных персонажей состоит из представителей разных этносов – российских и чеченских граждан, так же, как и положительные герои, представлены и

чеченцами, и русскими. Например, разговор Гуты Туаева, состоявшийся в самом конце военной операции с одним из важных чиновников-чеченцев:

... И, кстати, надо и своим боевикам помочь (бежать – уточнение наше – Л.А.), все скидываются, кто как может.

– А если федералы узнают? Пособником боевиков назовут, расстреляют.

– Ныне не расстреляют. Этот негласный указ от них же и исходит.

– Что творится?

– Ничего нового. Как издревле говорится: «разделяй и властвуй», а народ – быдло, ему хлеба и зрелищ. А чеченская война – ну, где лучшее зрелище устроишь? [Ибрагимов К., 2010, с. 333].

Сниженный издевательский дискурс отражает сущность одного из самых важных чиновников Чечни Гуты Туаева, его пренебрежение к своему народу и полную безнравственность. Для Гуты существует один идол – деньги, ради которого он готов на все. Других, как, например, своего собеседника, у которых еще остались какие-то проявления совести, Гута вынуждает совершать предательство и казнокрадство шантажом и угрозами расправы.

Подобное поведение противоречит представлениям простого человека, родственника Гуты Тугана, который, не понимая сути происходящего, оказался в подчинении могущественного родственника. Туган – необразован, невежественен, он мало размышляет, и его интересы не идут дальше желания хорошо поесть и поспать. Но даже его удивил подслушанный разговор:

– В этой войне я ничего не могу понять: кто с кем, и кто против кого?

... У Гуты много денег и две длани – вроде, служит федералам, Москве; в то же время дружит с боевиками, по крайней мере, с чеченскими «генералами» в полном контакте. В общем, видимо, кого надо, уластил... [Ибрагимов К., 2010, с. 334].

Оппозиционность проявляется на всех уровнях текста: персонажи выстроены в антагонистические пары, и каждая сторона реализует свои морально-этические и нравственные поступки. Война становится катализатором, дающим толчок для раскрытия человеческого потенциала, и каждый герой проходит испытание.

В жанровом плане мы определили романы К. Ибрагимова как романы-испытания, и это определение в ходе текстового анализа получило подтверждение. Все герои романа оказываются перед нравственным выбором: Анастасия Афанасьева, поступившаяся когда-то своими принципами, поддавшись давлению Столетова, в конце жизни совершает человеческий подвиг, спасая мальчика и, наконец, говорит правду в лицо негодяям; Роза, подвергавшаяся избиениям и издевательствам Гуты Туаева, нравственно выпрямляется и противостоит ему; Бага защищает свой город и свой народ; Аркадий Столетов, начинавший талантливym ученым и интеллигентным человеком, поддается низменному началу своей натуры и выбирает путь обогащения; Гута Туаев не меняется – это статичный персонаж, отрицательные качества которого только усиливаются. Названные нами персонажи проявили себя именно под давлением исторических событий, времени катастрофы и насилия. История показывается и осмысливается через восприятие автора и персонажей: для кого-то война – бедствие, антигуманная акция, для других – зрелище и способ нажиться.

Истинные ценности транслируются в романе через восприятие происходящего Кантом. Не зря говорят, что «уста́ми младенца глаголет истина». Мальчик инстинктивно противопоставляет кровавой бойне музыку, он играет на скрипке для простых людей, боевиков, Розы, Баги, Анастасии Тихоновны и видит, как под волшебным воздействием искусства разглаживаются и просветляются их лица.

К. Ибрагимов одним из первых среди чеченских писателей показал негативные проявления человеческой натуры, нарушения своими соплеменниками морально-этических и нравственных законов, установленных веками. Эта направленность вызвала критику со стороны ряда представителей чеченского этноса, но здесь, как нам представляется, писатель не имел целью оскорбить свой народ, а попытался быть максимально объективным, заострив внимание на отрицательных общественных явлениях, что является одним из базовых принципов реалистического искусства.

«Общественное сознание, – отмечает Л. В. Шаляпина, – в разные эпохи фокусирует свой интерес на определенных точках истории и вырабатывает свои версии событий, выстраивает свои системы доказательств» [Шаляпина Л. В., 2000, с.4]. Б. А. Успенский, в свою очередь, отмечает: «Существуют разнообразные возможности объяснения исторических событий, и, соответственно, одни и те же события могут получить различную интерпретацию – в частности, государственно-политическую, социально-экономическую, культурно-семиотическую и т.д. За каждым из этих объяснений стоит определенная модель исторического процесса, то есть некоторые представления о его сущности... Историческое прошлое не дано нам в конкретном опыте и поэтому нуждается в дешифровке и реконструкции. Поскольку прошлое принадлежит чужому опыту, само существование в каких-то случаях может подвергнуться сомнению» [Успенский Б. А., 1994, с. 16].

Таким образом, ученые отмечают, что реконструкция исторических событий со всеми сопровождающими ее факторами, как, например, интерпретация и вымысел, вполне применима при создании художественного произведения на историческую тему. Здесь нужно отметить важность жанровой специфики текста: в произведениях реалистической направленности интерпретация максимально приближена к

реальности, что достигается обращением к документам – официальным и человеческим.

Эмоциональный дискурс повествования в свою очередь подчеркивает художественную природу текста, тогда как писатели-документалисты и публицисты придерживаются нейтрального стиля повествования. К.Ибрагимов в прологе обозначает свою позицию равнодушного повествователя, поэтому в структурных частях, в которых появляется фигура автора, эмоциональность текста повышается. Выявленная нами тенденция характерна для литературы *non-fiction* – литературы без вымысла, но с выраженной художественной составляющей. В целом по всем признакам творческая методология реализации исторической тематики в произведениях К. Ибрагимова имеет синкретичный характер, совмещая принципы различных художественных систем. При этом доминирующим методом является реализм, так как писатель структурирует сюжет на фоне широкого показа социально-исторических событий.

Хронотоп романа «Детский мир» охватывает глобальный период исторического развития Чечни и России – от довоенного времени до первой чеченской войны. Семьдесят лет истории – это жизненный цикл трех поколений, следовательно, можно говорить о том, что текст принадлежит к типу произведений об историческом прошлом.

Касаясь периода Великой Отечественной войны, воссоздаваемого через сюжетную линию, связанную с судьбой Анастасии Тихоновны, автор почти не конкретизирует ход военных событий, а лишь указывает на места их прохождения. Главной задачей автора становится показ морального состояния Аркадия Столетова и Анастасии Афанасьевой, изменений их личностей под влиянием глобальных исторических катаклизмов. В Столетове проявляются самые низменные, негативные стороны, Афанасьева безвольно подчиняется его приказам и прихотям. С позиций советской критики ее образ трактовался бы крайне критически, но

современное литературоведение, лишенное идеологических подходов, позволяет рассматривать этот период в жизни героини более объективно, с учетом психологии личности и человеческого фактора. Слабая женщина старалась выжить, она не совершила предательства по отношению к Родине, не воровала, как другие, хотя имела все возможности, служа в спецотделе по оценке конфискованных ценностей. Она потеряла себя как личность, став гражданской женой Столетова, но это – жизненная история, которых в войну было немало.

Автор показывает взаимоотношения Столетова и Тихоновой неоднозначно, Аркадий принес Анастасии много зла, но она любила и ненавидела его одновременно. В какие-то моменты она не могла устоять перед соблазном принять в подарок дорогие вещи, по которым соскучилась в военной жизни: – *Анастасия, я во многом был с тобой неправ. Извини, это тебе, – он накинул на ее плечи роскошную шубу, потом взял руку, сам надел кольцо с большим бриллиантом, поцеловал кисть. – Прощаешь?...* [Ибрагимов К., 2010, с. 137]. Все это происходит в конце войны, но на фоне разоренной страны и миллионов смертей, которые продолжались и тогда, эта сцена выглядит кощунственно.

Описывая военный период, К. Ибрагимов не воссоздает в деталях сражения, подвиги и героизм советской армии, он останавливает внимание на низменных сторонах человеческой натуры. В основном, акцент делается на поведении руководства, к которому относится Столетов. К. Ибрагимов описывает безбедную жизнь Столетова и его помощников (пакостников, как называла их Афанасьева), мародерство, разгул и разврат. В победном шествии по Европе простые солдаты продолжали воевать, истребляя фашизм, а спецподразделение благоденствовало: *Они расположились у границы Германии, между городами Линц и Вена, в изумительном средневековом замке Мгольдорф* [Ибрагимов К., 2010, с. 140].

После войны судьбы Столетова и Афанасьевой разошлись, и каждый из них сделал свой выбор. Столетов не изменился, и в мирное время уже со своим сыном продолжал грабить государство и наживаться на чужой беде, когда подключился к «восстановлению» Чечни. А Анастасия Афанасьевна вернулась в нормальную жизнь, занялась любимым делом, отдала всю себя воспитанию Канта. Автор показывает, что в ней был нравственный потенциал, который дал ей возможность выровняться духовно и нравственно. Только в конце жизни, она перестала бояться и, наконец, обрела способность говорить правду в лицо негодям. В данном случае, можно говорить об эволюции характера, который обусловлен личностным потенциалом.

Выводы к главе III

Тематика романа К. Ибрагимова «Детский мир» актуальна для чеченской литературы и получила возможность ее полноценного художественного воплощения с конца 90-х годов XX века. Писатель раскрывает проблемы национальной истории с позиций объективного реализма, историзма и на основе принципов достоверности. В произведении органично сочетаются художественный и документальный планы, что свойственно прозе на историческую тематику.

Произведения К. Ибрагимова в целом пользуются популярностью у аудитории, но вызывают неоднозначные реакции в среде литературных критиков. На наш взгляд, это вызвано тем, что писатель разрушает национальные стереотипы об идеальном образе своих соотечественников и подходит к раскрытию острой тематики на основе общегуманистических представлений о сущности человека, о добре и зле, о духовно-нравственных ценностях, тем самым расширяя и критически осмысливая этнические морально-нравственные стандарты.

Авторская позиция и его точка зрения на события первой чеченской войны однозначно обозначена в прологе и идет сквозной линией через весь текст произведения. Ибрагимов показывает, что национальная трагедия, разрушившая мирную жизнь его народа, была инициирована высшими эшелонами власти с обеих сторон, преследующими свои геополитические и экономические интересы.

Для романа «Детский мир», как и для произведения «Прошедшие войны», характерен концентрический сюжет – действие развивается не линейно, а разбито на фрагментарные хронологические отрезки, каждый из которых раскрывает линию судьбы отдельного персонажа.

Можно выделить несколько сюжетных линий, связанных с персонажами романа: линия Мальчика (Канта), учительницы музыки Анастасии Тихоновны, медсестры Розы. В выделенных структурно-содержательных компонентах текста через судьбы героев реалистически раскрывается ход исторического развития.

Мир героев романа «Детский мир» чрезвычайно насыщен типичными персонажами, большинство из которых воплощают определенный идейный образ, являясь своеобразными проводниками заданной автором идеи. Также к особенности структурного решения произведения можно отнести прием биполярности. Персонажи достаточно отчетливо делятся на положительных и отрицательных. Следовательно, говорить о глубокой, на внутреннем духовно-нравственном уровне эволюции личности неправомерно.

Разделение системы образов на два полюса соответствует общему структурному решению – противопоставлению мира и войны. Каждому из исторических этапов сопутствуют глубоко индивидуализированные, во многом символические образы: мир – идиллическое детство, счастливая семья, музыка, скрипка, воздушный шарик, небо, звезды; война – кровь, смерть, разгромленный город, разрушенный «Детский мир».

Особую роль в структурном решении романа играет личность автора, которая проявляется в отдельных вставных компонентах текста.

Нам кажется достаточно обоснованным сравнение отдельными критиками стилистики К. Ибрагимова с манерой Ф. Кафки. На наш взгляд, основное сходство заключается в показе абсурда гражданской войны, который не подлежит рациональному пониманию.

Автор избирает оригинальное структурное решение – Анастасии Тихоновне посвящена большая часть романа, при том, что главным героем является мальчик Кант. Он – идейный центр произведения, образ, воплощающий истинную чистоту, природную натуру, которой не коснулась грязь земного бытия. В духе романтической концепции идеальный герой вступает в конфликт с окружающей средой и либо бежит, либо умирает. Кант умирает. Автор сохраняет этот символический образ неприкосновенным, он не дает возможности герою вступить в противоборство с этим миром, который так или иначе сломает или изменит его, как остальных персонажей.

Относительно творческой манеры К. Ибрагимова мы предложили гипотезу о доминировании художественных принципов реализма с привлечением отдельных приемов натурализма и символизма. Данный теоретический тезис получил достоверное подтверждение в результате структурно-стилевого анализа текста. Предположение Е.А. Чуриловой о наличии методов мистического реализма, на наш взгляд, не имеет веских обоснований.

Негативное восприятие читателями и критиками отдельных натуралистических сцен объясняется тем фактором, что аудитория не готова принять подобную стилистику, не свойственную национальной культуре, в качестве литературной нормы.

Мы полагаем, что сама тема произведений подводит писателя, стремящегося к объективизму, к применению натуралистических приемов.

Особое значение в данном плане имеет раскрытие психологии людей, попавших в экстремальные ситуации. И здесь автор стремится во всей полноте, на глубинном уровне показать мотивы их поступков и нравственного выбора, не всегда рационально обусловленные. В результате в показе Ибрагимова личность человека нередко оказывается амбивалентной и иррациональной, что во многом созвучно экзистенциальной эстетике Ф. Кафки.

Кант напоминает известный в мировой литературе образ Маленького Принца из одноименной сказки-притчи А. де Сент-Экзюпери. Отметим, что в романе постоянно говорится о жажде, о нехватке воды – намного чаще, чем о пище. Анализируя роман «Прошедшие войны», мы обратили внимание на идейную важность, глубокую символичность образа воды (источника, родника, реки) как символа жизненной энергии.

Символистские тенденции проявляются на нескольких важных концептуальных уровнях романа, само название которого глубоко символично. Для главного героя «детский мир» – это время счастливого идиллического прошлого, как и для самого автора.

Не менее символичен лейтмотив музыки, воплощающий идеи Ф. Достоевского, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра о том, что в этом мире вечны лишь искусство и красота, противостоящие миру зла и насилия.

В целом символистские тенденции просматриваются в стремлении главных персонажей (Канта и Анастасии Тихоновны) к добру, в их преданности музыке, а также в предметных и абстрактных символах («Детский мир» / мир детства, скрипка, музыка). Автор реализует главную идею о возвышающей роли искусства через структурно-семантическую оппозицию мира войны и мира искусства.

Исторический контекст присутствует в каждом эпизоде, так как целью автора романа является исследование чеченской войны 1995 года, ее истинных причин и последствий.

В романе нет ни одной счастливой судьбы. Наиболее спорным представляется образ Анастасии Тихоновны – учительницы музыки. Символика ее образа очевидна – она учитель (бабушка Учитель).

Можно утверждать, что К. Ибрагимов актуализирует вечную проблему противостояния добра и зла и в целом не выражает оптимизма по поводу возможности победы добра и справедливости. Мы отмечали некоторые линии схождения мировоззренческих установок К. Ибрагимова с теориями Ф. Достоевского и, на наш взгляд, они наиболее ярко выражены именно в показе человеческой природы.

В некоторых случаях К. Ибрагимов прибегает к гиперболизации и схематизации образов, заостря отрицательные и положительные черты. Эта тенденция характерна для романтиков, которые опирались на теории двоемирия, противопоставляя мир реальный и идеальный, земную жизнь и высокое искусство и т.д. Особенно близок романтическим героям Кант, который очень далек от реальности и полностью погружен в мир музыки и грез о будущем, которое связано у него с неосуществимой мечтой встретиться с отцом и матерью.

Творческий процесс есть процесс интерпретации. Тексты К.Ибрагимова следует рассматривать через призму данного тезиса. В романе время-пространство художественного действия вполне адекватно реальному, при этом ситуации, конфликты, поступки персонажей вымышлены. Также существенно, что в сюжете отсутствуют реальные исторические деятели, это говорит о том, что автор не претендует на роль создателя документального полотна и оставляет за собой право на интерпретацию, которая дает пространство для авторских оценок.

Каждое событие, происходящее в романе, оценивается писателем через его последствия, всегда трагические и смертоносные. На основании подобной установки можно говорить о драматизме произведения. Драматическая идейно-эмоциональная настроенность романа «Детский

мир» обуславливает и особенности конфликтов, и специфику дискурсивных практик. Также характерной чертой романа «Детский мир» является конфликтность героев и ситуаций.

Историзм К. Ибрагимова основывается на концепциях исторической справедливости. Писатель в прологе обозначает свою позицию равнодушного повествователя, поэтому в структурных частях, в которых появляется фигура автора, эмоциональность текста повышается.

В целом, по всем признакам творческая методология реализации исторической тематики в произведениях К. Ибрагимова имеет синкретический характер, совмещая принципы различных художественных систем. При этом доминирующим методом является реализм, так как писатель структурирует сюжет на фоне широкого показа социально-исторических событий.

Заключение

На основе комплексного филологического анализа романов К.Ибрагимова «Прошедшие войны» и «Детский мир» мы получили научно обоснованное подтверждение нашей гипотезы и реализовали в полной мере поставленные цели и задачи исследования.

Недостаточная исследованность творчества К. Ибрагимова в целом актуализировала проблемы теоретической идентификации его художественного метода, способов художественного воплощения исторической тематики, выявления специфики структуры, языка, стиля его произведений.

В целом в результате исследования была сформирована комплексная модель, достаточно продуктивная для литературоведческого анализа художественного мира К. Ибрагимова, отличающегося творческим своеобразием и приемами, не типичными для северокавказской литературы.

Следует отметить, что авторский идейный замысел, реализуемый в романах чеченского писателя, а также содержание его произведений могут быть полноценно осмыслены и проанализированы лишь в результате комплексного филологического анализа всех уровней его сложных в плане структуры и дискурсивных практик произведений с опорой на методологии сравнительно-исторического, сравнительно-типологического и постмодернистского литературоведения. Необходимо подчеркнуть, что классические модели анализа без привлечения современной литературоведческой методологии не продуктивны для исследования текстов К. Ибрагимова по причине их экспериментального характера и синкретичного характера творческого метода, совмещающего базовые установки реализма с отдельными приемами натурализма и символизма.

Основные результаты нашего исследования сформулированы в последующих тезисах.

После 80-х годов тема национальной истории в чеченской литературе получила новые интерпретации с позиций освобожденного художественного сознания постсоветского периода. Эволюция литературного творчества выразилась в активном проявлении авторской позиции, отходе от описательного стиля, в освоении принципов психологизма и нового историзма (лишенного идеологической доминанты), в индивидуализации характеров, усилении социально-критического дискурса, более объективном взгляде на проявление негативных черт у представителей чеченского этноса, раскрепощении языка и расширении палитры художественных методов и приемов за счет инструментария нереалистических художественных направлений.

Важной чертой эволюции творческого метода писателей, обратившихся к исторической тематике, стала психологическая обусловленность мотивов поступков персонажей. Писатели изменили ракурс художественного осмысления событий недавнего исторического прошлого, акцентировав внимание на судьбах простых людей, попавших в ход национальной катастрофы. Таким образом, историческое движение показывается через судьбу частного человека.

Названные эволюционные черты современных произведений на историческую тематику обнаружались в исследуемых романах К.Ибрагимова.

В работе на основе выявленных типологических признаков мы разграничиваем понятия «исторический роман» и «роман на историческую тематику» и определяем исследуемые тексты в жанрово-стилевом плане, как произведения на историческую тематику. Обоснованием служат следующие результаты исследования: несмотря на то, что автор четко следует хронологии глобальных исторических событий и придерживается принципов объективизма и историзма, реальные исторические лица в текстах отсутствуют, герои исследуемых произведений – простые люди, в

большой части вымышленные персонажи, представляющие собой собирательные типичные образы; темой произведений (в случаях с первой и второй чеченскими войнами) становится близкое историческое прошлое (менее истории трех поколений); ведущим остается принцип художественной образности.

В исследуемых романах нами отмечается такая типологическая черта, как повышенная событийность и динамичность повествования, определяющая структуру текста и действия персонажей, каждый из которых, реагируя на внешние воздействия, проявляет свою личностную суть. Автор раскрывает проблему произведений через идею объективного хода истории, показывая, что национальные катастрофы оказывают на судьбы простых людей разрушительное воздействие. Каждый человек оказывается перед нравственным выбором, который показывает их духовно-нравственные ценности. В структурном плане проблема выбора становится центробежной силой исследуемых текстов.

К. Ибрагимов пытается дать объективную оценку событиям, кардинально изменившим жизнь чеченского народа. По этой причине можно говорить об активной авторской позиции.

Для понимания глубинных идейных структур произведений К. Ибрагимова существенную роль играет мысль А. Гуревича о том, что люди, оказавшись в опасной для жизни ситуации, ведут себя «в зависимости от картины мира, которая заложена культурой в их сознание» [Гуревич А.Я. 1991, с. 24-25]. Поведение персонажей романов К. Ибрагимова наиболее адекватно объясняется именно с этих позиций. И именно романная форма, избранная писателем, обладает ресурсами для полноценного отражения психологии и картины мира личности, ее менталитета и национального сознания.

Новое качество художественного историзма в романах Ибрагимова проявляется в усиленном интересе к национальным истокам произведения

(традиции, нравы, бытовой уклад, события национальной истории), к эволюции характера (ценности/переоценка ценностей, менталитет), а с другой – к общечеловеческим духовным ценностям.

В творческом методе К. Ибрагимова проявляется синтез национальных и общенациональных ценностей, нередко он акцентирует внимание на конкретных морально-нравственных устоях чеченцев, но в целом интерес для писателя представляют такие понятия, как человечность, честь и достоинство, умение сохранить свои жизненные ценности в любых обстоятельствах.

Романы Ибрагимова в структурно-стилевом плане синкретичны, в его текстах можно обнаружить типологические признаки различных стилиевых и жанровых инвариантов, в частности, жанра семейной социально-исторической саги, который имеет традиции в чеченском фольклоре, представленные историческими семейными преданиями – *тептарам*.

Актуальными для исследования стали концепции М.М. Бахтина, выделившего два типа сюжета семейного романа – «во-первых, одинокие странствования героя, которые завершаются счастливым обретением семьи, во-вторых, в тихий и счастливый семейный мир врывается посторонняя сила, которая грозит разрушением этого мира» [Бахтин М. М., 1975, с. 479]. В романах К. Ибрагимова мы обнаружили присутствие обоих типов сюжетов. Первый можно отнести к судьбам Цанки Арчаева («Прошедшие войны») и медсестры Розы («Детский мир»), но в наиболее выраженной форме в обоих текстах присутствует тип второго конфликта – война разрушает привычный жизненный уклад мирных чеченцев, и они оказываются вынужденными бороться за жизнь и спасти свои семьи. Сюжет романа «Прошедшие войны» по насыщенности трагическими событиями можно отнести, по современной терминологии, также к типу катастрофических сюжетов, для которых характерен трагический финал. В целом его стиль тяготеет к динамичности, событийности, и это достаточно

типично, так как рефлексирующий, описательный стиль не характерен для национальных писателей.

Определение М. М. Бахтина «роман поколений» и его основной мотив – «разрушение идиллии» (т.е., разрушение привычного мирного жизненного уклада и распад семейных уз) также продуктивны для литературоведческой интерпретации военных событий чеченской истории конца XX- начала XXI веков, описанных в исследуемых произведениях. Реализации названного устойчивого мотива соответствует пространственно-временная специфика романов К. Ибрагимова, заключающаяся в ретроспективном показе событий. В частности, в романе «Прошедшие войны» действие начинается в 1995 году, и повествование ведется от лица главного героя, который, возвращаясь в прошлое, разматывает клубок исторических событий, потрясавших его народ на протяжении почти всего XX века.

Романы К. Ибрагимова в полной мере имеют признаки психологической прозы. В них представлена новая концепция личности, отличающаяся от традиционно сложившейся в национальных литературах советского периода: герои неоднозначны, они действуют и принимают решения в зависимости от обстоятельств и нередко нарушают моральный кодекс кавказских народов.

К. Ибрагимов предельно внимателен ко всем внутренним психологическим изменениям в своих героях, через диалоги и поступки своих персонажей он показывает изменения в сознании, мировосприятии, в системе ценностей персонажей. Основным способом создания психологической картины становится детализация портретных описаний посредством психологических деталей.

Внутренний план сюжета у К. Ибрагимова концентрируется на проблеме изменения точки зрения героя.

В сюжетной организации романов на историческую тематику нами обнаружено несколько типологических характеристик: «авантюренность, т.е. связь сюжетных событий с “чужим миром” и “авантюрным временем”; идея испытания героя» [см.: Бахтин М. М., 2000]; кризисная эпоха как время действия романа; «соединение тем (мотивов) войны и любви, т.е. общественной и частной жизни» [Малкина В. Я., 2002, с. 84].

Авантюренность в романах К. Ибрагимова реализуется через коллизии судьбы «частного человека», вовлеченного в историческую ситуацию; «человека, который проходит испытание на тождество себе самому как человеку, равность себе в любых исторических обстоятельствах и кризисах» [Бахтин М. М., 2000, с. 77].

Достоверность художественного воспроизведения исторических событий достигается посредством синтеза реалистических и натуралистических приемов. Идеиные точки опоры текста сконцентрированы автором в личности главного героя, в его национальном сознании.

Специфика системы персонажей в романе состоит в том, что они достаточно статичны: автор не акцентирует внимание на эволюции их характеров – основные черты всех героев сохраняются на протяжении всего действия. Такое решение приводит к построению оппозиции персонажей: в романе мы видим четкое разделение на положительных и отрицательных героев, очевидно, что, по мысли писателя, люди не меняются. В этом плане у К. Ибрагимова приемы создания концепции личности выглядят несколько схематичными, но эта тенденция созвучна принципам авантюрного романа, в котором психология персонажа раскрывается через его поступки.

В творческой манере, в методе Канты Ибрагимова обнаруживается синтез различных художественных направлений.

Основной метод – реалистический: типизация, социальный детерминизм, показ характера в эволюции, конфликт человека и общества, историзм мышления и другие.

Привлечение приемов других художественных систем происходит у К.Ибрагимова не равномерно. Например, натуралистические тенденции проявляются в сценах крайней жестокости, насилия, озверения человека, пробуждения в нем бессознательного, инстинктивного животного начала. Подобным сценам соответствует ненормативный стиль – автор вводит в текст сниженную лексику, его персонажи начинают говорить крайне экспрессивно и бессвязно.

Отметим, что в чеченской литературе введение в текст сниженной оскорбительной лексики и показ ситуаций грубого обращения мужчины с женщиной были до настоящего времени не приемлемы, как противоречащие морально-этическому кодексу Нохчалла. Очевидно, что автор сознательно пренебрегает литературные нормы, преследуя определенные цели: применяя натуралистические методы, он пытается показать происходящее во время войны с максимальной достоверностью, во всех деталях, чтобы выявить суть человека, попавшего в экстремальные условия, изменения в его психологии.

Таким образом, мы полагаем, что исследовать язык текстов К. Ибрагимова следует с позиций понимания причины применения автором определенного дискурса, как он раскрывает личность персонажа в целом или его состояние на момент высказывания.

Отметим, что до настоящего времени в чеченской литературе умалчивались ситуации, снижавшие стереотипный образ горца как человека с высокими морально-нравственными принципами. Отрицательные персонажи были в основном представлены типажам предателя и труса, но не насильника. К. Ибрагимов решил в показе жизни чеченского села

обнажить все скрытые до него реалии – и хорошее, и плохое, что, собственно, присуще каждому этносу.

Третьей художественной системой, приемы которой обнаруживаются в произведениях К. Ибрагимова, является символизм. Уточним, что в случае с натурализмом и символизмом мы говорим о тенденциях, применении автором отдельных приемов, оставляя главенство за реалистическим методом.

В романе «Детский мир» сопоставляется два мира – мир детства, мирного прошлого (поэтому название глубоко символично) и военное время. Все, что связано с прошлым, передается через ностальгические воспоминания героев романа. Подобное структурное решение близко к символистской концепции двоемирия, и писатель сознательно идеализирует мирное прошлое, чтобы контраст с ужасами военного времени стал еще сильнее.

Мир героев романа «Детский мир» чрезвычайно насыщен типичными персонажами, большинство из которых воплощают определенный идейный образ, то есть являются проводниками заданной автором идеи и делятся на положительных и отрицательных, но не так однозначно, как у романтиков. Следовательно, говорить о глубокой, на внутреннем духовно-нравственном уровне, эволюции личности неправомерно.

Разделение системы образов на два противоположных лагеря обусловлено общим структурным решением – противопоставление мира и войны, которое выражается прежде всего в оппозиционных парах персонажей: Гута – Роза, Анастасия Афанасьева – Столетов. Личность Канта стоит особняком, его не с кем сравнивать, он особый. Через образ Мальчика транслируется главная идея, что именно красота (природа, космос, искусство) вечна.

Каждому из пространств сопутствуют глубоко индивидуализированные, во многом символические образы: мир –

идиллическое детство, счастливая семья, музыка, скрипка, воздушный шарик, небо, звезды; война – кровь, смерть, разгромленный город, разрушенный «Детский мир».

Необходимо отметить, что некоторые критики сравнивают стилистику К. Ибрагимова и Ф. Кафки. На наш взгляд, основное сходство заключается в показе мира абсурда: ведь война, которая обрушивается на мирных граждан, не различая, кого уничтожает, чьи судьбы ломает, – это абсурд, который невозможно понять разумом. У Кафки судьбой человека управляют сверхъестественные обстоятельства, у Ибрагимова катастрофические исторические события. И те, и другие воздействия неподвластны человеку и непостижимы для рационального понимания.

Мальчик Кант – идейный центр произведения, образ, воплощающий истинную чистоту, природную натуру, которого не коснулась грязь земного бытия. В духе романтической концепции Кант умирает. Автор сохраняет этот символический образ неприкосновенным, он не дает возможности герою вступить в противоборство с этим миром, который так или иначе сломает или изменит его, как остальных персонажей.

Кант напоминает известный в мировой литературе образ Маленького Принца из одноименной сказки-притчи А. де Сент-Экзюпери. Он – музыкант и абсолютно свободен от земных низменных пристрастий. Проходящий через весь роман сквозной лейтмотив музыки транслирует идею вечности искусства. Мир ребенка – это красота мироздания, чудо музыки и добро. Здесь можно говорить об идее свободы личности, к которой стремится в той или иной мере каждый человек, но воплотить ее в жизнь не удастся никому. Ибрагимов, возможно, придумал трагический финал (смерть) для своего персонажа, чтобы сохранить его свободу и чистоту, спасти от жестокости мира.

Сколько живет человечество, столько его история сопровождается войнами за передел территорий, за власть и финансы. По мнению автора,

именно эти мотивы порождают зло, которому противостоят красота и искусство, то есть, материальные ценности находятся в вечном конфликте с духовными. К. Ибрагимов актуализирует вечную проблему противостояния добра и зла. И у писателя нет однозначного ответа, вернее, он не выражает оптимизм по поводу возможности победы добра и справедливости.

Посредством раскрытия личностей центральных героев романа К. Ибрагимов раскрывает социально-политические конфликты чеченского общества военного периода, в котором царят нищета, воровство, социальная несправедливость, обман. Вину за состояние общества писатель возлагает, прежде всего, на власть, а не на простых людей и показывает, что все эти негативные явления порождены развязанной российскими и чеченскими правителями войной.

Каждое событие, происходящее в романе, оценивается через его последствия, всегда трагические и смертоносные. На основании подобной установки можно говорить о драматизме произведения. Драматическая идейно-эмоциональная настроенность романа «Детский мир» обуславливает и особенности конфликтов, и специфику дискурсивных практик. Также характерной чертой романа «Детский мир» является конфликтность героев и ситуаций.

Историзм К. Ибрагимова основывается на концепциях исторической справедливости, то есть писатель ставит целью отобразить по отношению к национальной истории сформировавшееся в гражданском социуме мнение, с которым он согласен. Это не значит, что оно единственно правильное, но автор художественного текста имеет на это право в силу интерпретативности художественного дискурса. Об этом говорит тот факт, что группа отрицательных персонажей состоит из представителей разных этносов – российских и чеченских граждан, так же, как и положительные герои представлены и чеченцами, и русскими.

Список использованной литературы

1. Абдрахманова, О.Р. Проблемы переводимости стилистически сниженной лексики в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Абдрахманова Ольга Рамильевна. – Челябинск, 2006. – 228 с.
2. Абдулаева, Х.Р. Творчество первых чеченских литераторов. Начало XX века / Х.Р. Абдулаева // *Нация. Личность. Литература.* – М.: Наследие, 1996. – Вып. 1. – С. 226-239.
3. Абубакарова, П. Недетские мысли о «Детском мире» К.Х. Ибрагимова [Электронный ресурс] / П. Абубакарова. – Режим доступа: <https://proza.ru/2019/10/02/948>
4. Акаев, В. Культура чеченцев в постконфликтный период: состояние и динамика возрождения / В. Акаев, А. Абдулазиева // *Вайнах.* – 2007. – № 10. – С. 52-54.
5. Алироев, И.Ю. Язык, история и культура вайнахов / И.Ю. Алироев. – Грозный: Книга, 1990. – 368 с.
6. Алламуратова, А.Ж. К вопросу о жанре семейного романа [Электронный ресурс] / А.Ж. Алламуратова, Г.Ж. Алламуратова // *Молодой ученый.* – 2014. – № 4 (63). – С. 1187-1189. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/63/9724/>
7. Ахмадова, Л.К. Особенности творческого метода Канты Х. Ибрагимова (на примере романа «Детский мир») / Л.К. Ахмадова, Т.Б. Джамбекова // *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение.* – 2022. – Вып. 3 (282). – С. 106-113.
8. Ахмадова, Л.К. Художественная реализация проблемы «судьба частного человека и война» в романе Канты Ибрагимова «Прошедшие войны» / Л.К. Ахмадова // *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение.* – 2022. – Вып. 2 (297). – С. 122-129.

9. Ахмадова, Л.К. Способы художественной реализации авторской идеи в романе Канты Ибрагимова «Детский мир» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. - Т. 17. - № 1. С. 33-38.

10. Ахмадова, Л.К. Структурно-семантические особенности романа К. Ибрагимова «Детский мир» / Л.К. Ахмадова // Евгений Шварц и проблемы развития отечественной литературы XX века: материалы Всерос. науч. конф. (Майкоп, 21-23 октября 2021 г.). – Майкоп: Изд-во АГУ, 2021. – С. 96-99.

11. Ахмадова, Л.К. Структурные особенности романа Канты Ибрагимова «Прошедшие войны» / Л.К. Ахмадова // Научно-методическое обеспечение преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах в свете теории и практики межкультурной коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2022. – № 18. – С. 146-151.

12. Ахмадова, Л.К. Жанровые особенности романа на тему исторического прошлого / Л.К. Ахмадова // Инновационный дискурс развития современной науки и технологий: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 15 августа 2022 г.). – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2022. – С. 91-98.

13. Ахмадова, Л.К. Современные подходы к исследованию концепции личности в романной прозе (на примере романа К. Ибрагимова «Прошедшие войны») / Л.К. Ахмадова // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. LVIII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 27 июля 2022). – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2022. – С. 169-173.

14. Ахмадова, Л.К. Особенности художественного метода Канты Ибрагимова / Л.К. Ахмадова // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 3 (39). – С. 44-51.

15. Ахмадова, Л.К. Новое качество метода историзма в творческой манере Канты Ибрагимова / Л.К. Ахмадова, Т.Б. Джамбекова // Актуальные проблемы исследования родного языка и литературы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 120-летию со дня рождения чеченского языковеда А. Мадиева (Грозный, 22 ноября 2022). – Грозный, 2022. – С. 154-158.
16. Ахмадова, Л.К. Концепция личности главного героя романа чеченского писателя Канты Ибрагимова «Прошедшие войны» / Л.К. Ахмадова // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сб. ст. по материалам LXXXVI-LXXXVII Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 30 марта). – Новосибирск: Изд-во СибАК, 2023. – № 2-3 (79). – С. 29-34.
17. Ахмадова, Т.Х. Детское мировосприятие в романе К. Ибрагимова «Детский мир» / Т.Х. Ахмадова // Инновационные процессы: потенциал науки и задачи государства: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. – М.: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. – С. 225-229.
18. Барг, М.А. Эпохи и идеи: становление историзма / М.А. Барг. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
19. Басинский, П. Сочинять без вымысла [Электронный ресурс] / П. Басинский. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/07/13/basinskii.html>
20. Бахтин, М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин, М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 2 / М.М. Бахтин. – М.: Русское слово, 2000. – С. 5-175.
21. Бахтин, М.М. Теория романа (1930-1960 гг.) // Бахтин, М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3 / М.М. Бахтин; ред. С.Г. Бочаров, В.В. Кожин. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 880 с.

22. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234-407.
23. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
24. Бахтин, М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма (по Гете). К исторической типологии романа [Электронный ресурс] / М.М. Бахтин. – Режим доступа: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/bahtin-roman-ego-znachenie/istoricheskoi-tipologii-romana.htm>
25. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
26. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2007. – 320 с.
27. Бельский, А.А. Английский роман 1800-1810-х годов: учеб. пособие / А.А. Бельский. – Пермь, 1968. – 333 с.
28. Благой, Д. Исторический роман [Электронный ресурс] / Д. Благой // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: в 2 т. – М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. – Т. 1. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-3351.htm>
29. Борев, Ю.Б. Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика, и герменевтика / Ю.Б. Борев // Теории, школы, концепции: критические анализы. – М.: Просвещение, 1985. – С. 3-68.
30. Борев, Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов / Ю.Б. Борев. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 575 с.
31. Борунов, А.Б. Функции слов сниженного стилистического тона в художественной литературе (на материале современных американских романов) [Электронный ресурс] / А.Б. Борунов // *Lingua mobilis*. – 2011. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-slov-snizhennogo->

stilisticheskogo-tona-v-hudozhestvennoy-literature-na-materiale-sovremennyh-amerikanskih-romanov?ysclid=15gmyya461419037052

32. Боташева, З.Ш. Взаимодействие идей зарождающихся литератур Северного Кавказа и русской литературы / З.Ш. Боташева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2007. – Вып. 2. – С. 190-194.

33. Бочаров, А.Г. Бесконечность поиска: художественные поиски современной советской прозы / А.Г. Бочаров. – М.: Сов. писатель, 1982. – 423 с.

34. Бочаров, А.Г. Круги художественного конфликта / А.Г. Бочаров // Вопросы литературы. – 1974. – № 5. – С. 41-71.

35. Быкова, Г.В. Лакунарность как категория лингвистической системологии / Г.В. Быкова. – Благовещенск, 2003. – 276 с.

36. Вавилова, Е.Ю. Диалектика добра и зла: социально-философский аспект [Электронный ресурс] / Е.Ю. Вавилова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektika-dobra-i-zla-sotsialno-filosofskiy-aspekt?ysclid=161397yxty601709377>

37. Введение в литературоведение: учеб. для бакалавров / Н.Л. Вершинина [и др.]; под общ. ред. Л.М. Крупчанова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2015. – 479 с.

38. Война в Чечне – черная страница в истории России [Электронный ресурс] // Энциклопедия Кавказа. – Режим доступа: <https://tanci-kavkaza.ru/chechenskaya-voyna/?ysclid=16n9n6r552470299152>

39. Воробьева, Н.Н. Принцип историзма в изображении характера. Классическая традиция и советская литература / Н.Н. Воробьева. – М.: Наука, 1976. – 264 с.

40. Воронина, М.С. Динамика развития национальных литератур Северного Кавказа в условиях лингво-культурной ситуации (двуязычия):

авторeref. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Воронина Марина Сергеевна.
– Нальчик, 2004. – 23 с.

41. Гакаев, Д. Штрихи к историко-культурному портрету чеченцев / Д. Гакаев // Очерки политической истории Чечни (XX век): в 2 ч. – М.: Изд-во ЧКЦ, 1997. – Ч. 1. – С. 9-50.

42. Гамзатов, Г. Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти / Г. Г. Гамзатов. – М.: Наследие, 1996. – 651 с.

43. Гамзатов, Г. Г. Дагестан: историко-литературный процесс: вопросы истории, теории, методологии / Г. Г. Гамзатов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. – 309 с.

44. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций / Г.Д. Гачев. – М.: Academia, 1998. – 429 с.

45. Гачев, Г.Д. Содержательность художественных форм: эпос. Лирика. Театр / Г.Д. Гачев. – М.: Просвещение, 1968. – 303 с.

46. Гинзбург, Л.Я. О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. – М.: Intrada, 1999. – 415 с.

47. Голикова, Ю. Философская и христианская символика в сказке Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» [Электронный ресурс] / Ю. Голикова // Парус. – 2014. – № 31. – Режим доступа: <https://litbook.ru/article/6560/?ysclid=l6kzb1au2g397390091>

48. Григорьева, Т.П. Образы мира в культуре: встреча Запада с Востоком / Т.П. Григорьева // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 262-299.

49. Гуревич, А.Я. О кризисе современной исторической науки / А.Я. Гуревич // Вопросы истории. – 1991. – № 2-3. – С. 24-25.

50. Гусейнов, Ч.Г. Проблема двуязычного художественного творчества в советской литературе / Ч. Г. Гусейнов. – М., 1972. – 180 с.

51. Гусейнов, Ч.Г. Этот живой феномен: советская многонациональная литература вчера и сегодня /Г. Ч. Гусейнов. – М.: Сов. писатель, 1988. – 429 с.

52. Дахкильгов, И.А. Мифы и легенды вайнахов / И.А. Дахкильгов. – Грозный: Книга, 1991. – 36 с.

53. Джембекова, Т.Б. Влияние устного народного творчества на развитие жанра чеченского романа 80–90- х годов XX столетия (На примере романа Ш. Арсанукаева «Линии судьбы») / Т.Б. Джембекова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2010. – Вып. 2. – С. 17-21.

54. Довлеткиреева, Л.М. Современная чеченская «военная» проза: историко-культурный контекст, жанровый состав, поэтика (1990 – 2010 гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Довлеткиреева Лидия Махмудовна. – Махачкала, 2010. – 27 с.

55. Долинин, А.С. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели / А.С. Долинин. – М.: Книга, 1988. – 315 с.

56. Евдокимова, М.П. Своеобразие художественной реализации проблемы «Человек и война» в русской литературе конца XX века [Электронный ресурс] / М.П. Евдокимова // Филологические науки: вопросы теории и практики. – 2017. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoeobrazie-hudozhestvennoy-realizatsii-problemy-chelovek-i-voyna-v-russkoy-literature-kontsa-hh-veka>

57. Жачемукова, Б. М. Художественная специфика жанра исторического романа / Б. М. Жачемукова, Ф. Б. Бешукова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2011. – Вып. 1. – С. 11-17.

58. Жиндеева, Е.А. Проблема нравственного выбора и ее художественное преломление в творчестве А.И. Пудина [Электронный

ресурс] / Е.А. Жиндеева, Т.Н. Палькина // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2012. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-nravstvennogo-vybora-i-ee-hudozhestvennoe-prelomlenie-v-tvorchestve-a-i-pudina?ysclid>

59. Жирмунский, В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад / В.М. Жирмунский. – Л., 1979. – 493 с.

60. Западное литературоведение XX века: энциклопедия / гл. науч. ред. Е.А. Цурганова. – М.: Intrada, 2004. – 559 с .

61. Затонский, Д.В. Искусство романа и XX век / Д.В. Затонский. – М.: Худож. лит., 1973. – 535 с.

62. Затонский, Д.В. Модернизм и постмодернизм. Мысли о извечном коловращении изящных и неизящных искусств / Д.В. Затонский. – М.: АСТ: ФОЛИО, 2001. – 256 с.

63. Звягина, М.Ю. Авторские жанровые формы в русской прозе конца XX века. / М.Ю. Звягина. – Астрахань: Изд-во Астрахан. пед. ун-та, 2001. – 180 с.

64. Ибаева, М. Творчеству чеченских писателей и фольклору народа уделено особое внимание [Электронный ресурс] / М. Ибаева. – Режим доступа: <http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=12&PubID=4895>

65. Ибрагимов, К. Детский мир / К. Ибрагимов. – Грозный: Грозненский рабочий, 2010. – 384 с.

66. Ибрагимов, К. Прошедшие войны / К. Ибрагимов. – Грозный: Грозненский рабочий, 2010. – 720 с.

67. Ибрагимов, Л.М. «Свой / чужой» в русскоязычной чеченской литературе / Л.М. Ибрагимов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2010. – Вып. 3. – С. 12-16.

68. Ибрагимов, Л.М. Художественное воплощение национальной ментальности в чеченской прозе XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Ибрагимов Лёма Махмудович. – Махачкала, 2011. – 167 с.
69. Иванов, В.В. Взгляд на русский роман / В.В. Иванов // Звезда. – 1994. – № 7. – С. 175-183.
70. Иванова, Н. В сторону воображаемого non-fiction (Современный роман в поисках жанра) [Электронный ресурс] / Н. Иванова // Знамя. – 2016. – № 1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2016/1/v-storonu-voobrazhaemogo-non-fiction-sovremennuj-roman-v-poiska.html>
71. Иванова, Н. В полосу, клеточку и мелкий горошек: перекодировка истории в современной русской прозе / Н. Иванова // Знамя. – 1999. – № 2. – С. 176-185.
72. Иванова, Н. Сомнительное удовольствие (Избирательный взгляд на прозу 2003 года) [Электронный ресурс] / Н. Иванова // Знамя. – 2004. – № 1. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2004/1/somnitelnoe-udovolstvie.html?ysclid=159wn16axr789861186>
73. Ивашева, В. Почерки новой эпохи / В. Ивашева // Вопросы литературы. – 1975. – № 9. – С. 76-116.
74. Ильин, И.П. Постмодернизм: словарь терминов / И.П. Ильин. – М., 2001. – 534 с.
75. Инаркаева, С.И. Жанрово-стилевые особенности и проблема личности в романе Канты Ибрагимова «Прошедшие войны» [Электронный ресурс] / С.И. Инаркаева // Мир науки, культуры, образования, 2016. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-stilevye-osobennosti-i-problema-lichnosti-v-romane-kanty-ibragimova-proshedshie-voyny>
76. Инаркаева, С. И. Эволюция жанров «малой прозы» в современной чеченской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Инаркаева Субран Исламовна. – Майкоп, 1999. – 25 с.

77. Исмаилов, А. Мир Канты, или размышления о «Авроре» К. Ибрагимова [Электронный ресурс] / А. Исмаилов // Чечен-инфо. – Режим доступа: <https://checheninfo.ru/12200-mir-kanty-ili-razmyshleniya-o-avrore-k-ibragimova.html>
78. История советской многонациональной литературы: в 6 т. / гл. ред. Г.И. Ломидзе, Л.И. Тимофеев. – М.: Наука, 1972-1974.
79. Итоги советской культуры / Я. Гордин [и др.] // Знамя. – 2001. – № 4. – С. 180-202.
80. Кожин, В.В. Историзм в литературе / В.В. Кожин // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1996. – Т. 3. – Стлб. 227.
81. Кожин, В.В. К проблеме литературных родов и жанров / В.В. Кожин // Теория литературы. Основные понятия в историческом освещении. Роды и жанры литературы. – М.: Изд-во АН СССР, 1964. – С. 39-50.
82. Кожин, В.В. Происхождение романа / В.В. Кожин. – М.: Сов. писатель, 1963. – 439 с.
83. Козьмина, Е.Ю. Сюжет в фантастическом авантюрно-историческом романе «Меж двух времен» Дж. Финнея [Электронный ресурс] / Е.Ю. Козьмина // Челябинский гуманитарий. – 2013. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhet-v-fantasticheskom-aventyurno-istoricheskom-romane-mezh-dvuh-vremen-dzh-finneya?ysclid=15jwunkqtm246991829>
84. Конрад, Н.Н. К вопросу о литературных связях / Н.Н. Конрад // Интернациональное и национальное в литературах Востока: сб. ст. – М.: Наука, 1972. – С. 5-19.
85. Копалинский, В. Словарь символов / В. Копалинский. – Калининград: Янтар. сказ, 2002. – 263 с.
86. Коржова, Е.Ю. Психология личности в художественной литературе [Электронный ресурс] / Е.Ю. Коржова // Известия Российского

государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-lichnosti-v-hudozhestvennoy-literature?ysclid=1fprnm41b983616704>

87. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: от структурализма к постмодернизму / сост., вступ. ст., пер. с фр. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – 533 с.

88. Крупнов, Е.И. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность: к проблеме происхождения коренных народов Кавказа / Е.И. Крупнов. – М., 1963. – 134 с.

89. Крупчатов, Л.М. Теория литературы: учебник / Л.М. Крупчатов. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 358 с.

90. Культура Чечни: история и современные проблемы / РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Межрегион. обществ. движение за развитие культур и обществ.-полит. связей с Чеченской Республикой «Новое время» («Керла Зама»); отв. ред. Х.В. Туркаев. – М.: Наука, 2002. – 380 с.

91. Кусаев, А.Ш. Писатели Чечни: био-библиографические очерки: в 2 кн. / А.Ш. Кусаев. – Грозный, 2005. – Кн. 1. – 407 с.

92. Кусаев, А.Ш. Писатели Чечни: био-библиографические очерки: в 2 кн. / А.Ш. Кусаев. – Грозный, 2009. – Кн. 2. – 495 с.

93. Лейдерман, Н.Л. Русский реализм на исходе XX века / Н.Л. Лейдерман // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Пермь: Изд-во Пермск. гос. пед. ун-та, 2003. – С. 24-33.

94. Лейдерман, Н.Л. Теория жанра: исследования и разборы / Н.Л. Лейдерман. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2010. – 904 с.

95. Лейдерман, Н.Л. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: пособие для студентов высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 1: 1953-1968. / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – М.: Академия, 2003. – 413 с.

96. Ленобль, Г.М. История и литература: сб. ст. / Г.М. Ленобль. – М.: Сов. писатель, 1960. – 338 с.
97. Липовецкий, М. ПМС (постмодернизм сегодня) / М. Липовецкий // Знамя. – 2002. – № 5. – С. 200-211.
98. Литература и война (конференц-зал) // Знамя. – 2000. – № 5. – С. 2-114.
99. Литература Чеченской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nohchalla.com/index.php?option=com_content&task=view&id=484&Itemid=1
100. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН. – М.: Интелвак, 2003. – 1595 с.
101. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
102. Лихачев, Д.С. Историческая поэтика русской литературы: смех как мировоззрение и др. работы / Д.С. Лихачев – СПб.: Алетейя, 1997. – 508 с.
103. Лихачев, Д.С. Принцип историзма в изучении единства содержания и формы литературного произведения // Лихачев, Д.С. О филологии: сборник / Д.С. Лихачев. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 16-32.
104. Лобин, А.М. Концепции истории и формы их художественной репрезентации в русской литературе начала XXI века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Лобин Александр Михайлович. – Саратов, 2018. – 399 с.
105. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 383 с.
106. Лукач, Г. Исторический роман / Г. Лукач. – М.: Common place, 2014. – 178 с.
107. Малкина, В.Я. Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра / В.Я. Малкина. – Тверь, 2002. – 140 с.

108. Мальсагов, А.У. Писатели советской Чечено-Ингушетии / А.У. Мальсагов, Х.В. Туркаев. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1969. – 146 с.
109. Мандельштам, О.Э. Конец романа // Мандельштам, О.Э. Собр. соч.: в 4 т. / О. Э. Мандельштам. – М.: Худож. лит., 1991. – Т. 2. – 321 с.
110. Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.
111. Марков, В.А. Пространство и время в литературе: структурно-типологический анализ / В.А. Марков // Пространство и время в литературе и искусстве. – Даугавпилс, 1987. – С. 6-14.
112. Маркова, Т.Н. К проблеме жанровых номинаций в современной прозе / Т.Н. Маркова // Русская литература XX XXI веков: направления и течения: сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2009. – Вып. II. – С. 115-122.
113. Медведев, П.Н. Формальный метод в литературоведении: критическое введение в социологическую поэтику / П.Н. Медведев. – М.: Лабиринт, 1998. – 232 с.
114. Межидов, Д.Д. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы / Д.Д. Межидов, И.Ю. Алироев. – Грозный: Книга, 1992. – 207 с.
115. Мелетинский, Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа / Е.М. Мелетинский. – М.: Наука, 1986. – 318 с.
116. Местергази, Е.Г. Документальное начало в литературе XX века / Е.Г. Местергази. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 160 с.
117. Местергази, Е.Г. Литература нон-фикшн/non-fiction: экспериментальная энциклопедия: русская версия / Е.Г. Местергази. – М.: Совпадение, 2007. – 325 с.
118. Мизюрина, Т.В. Определение и общие характеристики понятия «Сленг», его роль в языке и культуре современной России / Т.В.

Мзюрина // Вестник Челябинского государственного университета.
– 2013. – № 1 (292). – С. 106-111.

119. Мириманян, А.М. О некоторых особенностях психологического романа / А. М. Мириманян. – Ереван, 1970. – 131 с.

120. Мотылева, Т.Л. Роман – свободная форма: статьи последних лет / Т.Л. Мотылева. – М.: Сов. писатель, 1982. – 399 с.

121. Музаев, И.Д. Взаимосвязи литератур Северного Кавказа в процессе становления жанров / И.Д. Музаев. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1974. – 234 с.

122. Мусукаева, А.Х. Ответственность перед временем. Проблемы эволюции романа в литературах Северного Кавказа / А.Х. Мусукаева. – Нальчик: Эльбрус, 1987 – 168 с.

123. Натурализм [Электронный ресурс] // Зарубежная литература конца 19-начала 20 века / под ред. В.М. Толмачёва. – Режим доступа: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/literatura-19-20-veka-tolmachev/naturalizm.htm>

124. Немзер, А. Замечательное десятилетие. О русской прозе 90-х г. / А. Немзер // Новый мир. – 2000. – № 1. – С. 199-220.

125. Немзер, А. Литературное сегодня. О русской прозе: 90-е / А. Немзер. – М.: Новое лит. обозрение, 1998. – 512 с.

126. Нигматуллина, Ю.Г. Синергетический аспект в исследовании художественного творчества / Ю.Г. Нигматуллина. – Казань: ФЭН, 2008. – 89 с.

127. Николаев, А.И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей / А.И. Николаев. – Иваново: ЛИСТОС, 2011. – 255 с.

128. Никольский, Е.В. Истоки и развитие жанра «семейная хроника» в русской литературе: от Нестора до наших дней / Е.В. Никольский // Традиции в русской литературе. – Н. Новгород, 2011. – С. 11-23.

129. Никольский, Е.В. К вопросу о специфике жанра романа-семейной хроники и его зарождении в русской классической литературе / Е.В. Никольский // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Кирилло-Мефодиевские чтения. – М., 2009. – С. 314-320.

130. Никольский, Е.В. Романый субжанр семейная хроника: вопросы истории и теории (статья первая) [Электронный ресурс] / Е.В. Никольский // ART LOGOS, 2020. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/romannyy-subzhanr-semeynaya-hronika-voprosy-istorii-i-teorii-statya-pervaya>

131. Носов, С. Литература и игра / С. Носов // Новый мир. – 1992. – № 2. – С. 232-236.

132. Носовский, Г.В. Новая хронология Руси / Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко. – М.: АСТ, 2012. – 992 с.

133. Остроухова, П.Е. Диалектика добра и зла в истории философии [Электронный ресурс] / П.Е. Остроухова, А.С. Веремчук // Современные научные исследования и инновации. – 2021. – № 6. – Режим доступа: <https://web.snauka.ru/issues/2021/06/96058>

134. Павлов, О. Метафизика русской прозы / О. Павлов // Октябрь. – №1. – 1998. – С. 167-184.

135. Панкова, Л.И. Специфика психологического романа (по произведению Ф.М. Достоевского «Подросток») [Электронный ресурс] / Л.И. Панкова, С. Шурыгина // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2007. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-psihologicheskogo-romana-po-proizvedeniyu-f-m-dostoevskogo-podrostok?ysclid=15fda7g563101323262>

136. Панов, Ю. А. Экспансия сниженной лексики как заполнение лексических и стилистических лакун [Электронный ресурс] / Ю.А. Панов. – 2001. Режим доступа: <http://litset.ru/stuff/33-1-0-518>

137. Панеш, У.М. Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур / У.М. Панеш. – Майкоп: Адыгея, 1990. – 275 с.

138. Петров, С. О реализме как о художественном методе [Электронный ресурс] / С. Петров // Вопросы литературы. – 1957. – № 2. – Режим доступа: <https://voplit.ru/article/o-realizme-kak-hudozhestvennom-metode/?ysclid=15fm7c6hhz260992989>

139. Петрова, Н.А. Функция пространственно-временных отношений в сюжетообразовании произведения/Н.А. Петрова // Пространство и время в литературе и искусстве. – Даугавпилс, 1987. – С. 19-27.

140. Поспелов, Г.Н. Проблемы исторического развития литературы / Г.Н. Поспелов. – М.: Просвещение, 1972. – 371 с.

141. Поспелов, Г.Н. Типология литературных родов и жанров / Г.Н. Поспелов // Вестник МГУ. Сер.: Филология. – 1978. – № 4. – С. 12-18.

142. Потехина, А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потехина. – М.: Высшая школа, 1990. – 344 с.

143. Приймакова, Н.А. Жанрово-стилевое богатство современного адыгского романа об историческом прошлом (поэтика сюжета) / Н.А. Приймакова. – Майкоп: Изд-во МГТИ, 2003. – 115 с.

144. Пронин, В.А. Теория литературных жанров / В.А. Пронин. – М.: Изд-во МГУП, 1999. – 196 с.

145. Прохоров, А.М. Большой энциклопедический словарь / А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норинт, 2004. – 1456 с.

146. Пшизова, А.К. Трансформации романной формы в современной отечественной литературе / А.К. Пшизова, Б.Д. Ачох // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2016. – Вып. 4. – С. 190-195.

147. Реалистическая традиция: кризис и переосмысление // Лейдерман, Н.Л. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: учеб.

пособие для студентов высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 2: 1968-1990 / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – М.: Академия, 2003. – 688 с.

148. Роднянская, И. Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопий / И. Роднянская, Р. Гальцева // Новый мир. – 1988. – № 12. – С. 217-230.

149. Роднянская, И. Сор из избы. Вокруг романа Владимира Шарова «До и во время» / И. Роднянская // Новый мир. – 1993. – № 5. – С. 186.

150. Россия и Кавказ на рубеже столетий: материалы Второго заседания «круглого стола» «Между Западом и Востоком. Россия и Кавказ на рубеже столетий». – М.: Дедалус, 2006. – 163 с.

151. Руднев, В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 2001. – 608 с.

152. Русская художественная культура и вопросы духовного наследия чеченцев и ингушей: сборник / ЧИИИСФ; отв. ред. Х.В. Туркаев. – Грозный, 1982. – 161 с.

153. Рымарь, Н.Т. Введение в теорию романа / Н.Т. Рымарь. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1989. – 268 с.

154. Садулаев, Г. Детский лепет [Электронный ресурс] / Г. Садулаев // Гражданский литературный форум. – Режим доступа: <http://glfr.ru/svobodnaia-kafedra/detskii-lepet--german-sadulaev.html>

155. Седашова, Е.С. Жанр семейной саги в современной отечественной прозе [Электронный ресурс] / Е.С. Седашова // Символ науки. – 2021. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-semeynoy-sagi-v-sovremennoy-otechestvennoy-proze?ysclid=15f6pee0vg967035533>

156. Серова, З.Н. Пути трансформации романной формы в отечественной прозе рубежа XX-XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Серова Зинаида Наримановна. – Казань, 2011. – 22 с.

157. Сигаури, И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен / И.М. Сигаури. – М.: Русская жизнь, 1997. – 365 с.

158. Синбаригова, Э.А. Литературно-философская специфика романа К. Ибрагимова «Академик Петр Захаров» [Электронный ресурс] / Э.А. Синбаригова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturno-filosofskaya-spetsifika-romana-k-ibragimova-akademik-petr-zaharov>

159. Синбаригова, Э.А. О преломлении фольклорных и литературных традиций в романе К. Ибрагимова «Прошедшие войны» / Э.А. Синбаригова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп, 2014. – № 4. – С. 54-57.

160. Скрябина, Т.Л. Хроника / Т.Л. Скрябина // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – С. 1171.

161. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. И. Тимофеев, С. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.

162. Смирнов, Ю.В. Литературный реализм как способ познания социально-исторического бытия [Электронный ресурс] / Ю.В. Смирнов // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Сер.: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2012. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyy-realizm-kak-sposob-poznaniya-sotsialno-istoricheskogo-bytiya?ysclid=l5flzgti2g870674068>

163. Современный роман: опыт исследования / отв. ред. Е.А. Цурганова; АН СССР, ИНИОН. – М.: Наука, 1990. – 285 с.

164. Стеблин-Каменский, М.И. Мир саги. Становление литературы / М.И. Стеблин-Каменский; отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, 1984. – 246 с.

165. Султанов, К.К. Динамика жанра. Особенное и общее в опыте современного романа / К.К. Султанов. – М.: Худож. лит., 1989. – 347 с.
166. Султанов, К.К. Национальная идея и национальная культура / К.К. Султанов // *Нация. Личность. Литература.* – М., 1996. – Вып. 1. – С. 25-36.
167. Сушилина, И.К. Современный литературный процесс в России / И.К. Сушилина, Т.Т. Давыдова. – М.: МГУП, 2007. – 364 с.
168. Тамарченко, Н.Д. «Капитанская дочка» Пушкина и жанр авантюрно-исторического романа / Н.Д. Тамарченко // *Russian Language Journal (Michigan State University).* – 1999. – Vol. 53, No 174-176. – P. 119-139.
169. Текеева, Х. Из чего состоит абсурд Франца Кафки. Путеводитель по миру страха и трепета [Электронный ресурс] / Х. Текеева // *Эксмо: онлайн-журнал.* – Режим доступа: <https://eksmo.ru/articles/iz-chego-sostoit-absurd-frantsa-kafki-ID14588570/?ysclid=l60rzwimu928828211>
170. Теракопьян, Л. Уроки чеченского, или Работа над ошибками / Л. Теракопьян // *Дружба народов.* – 2008. – № 9. – С. 152-155.
171. Тимина, С.И. Современная русская литература 1990 - начала XXI века / С.И. Тимина. – М.: Академия, 2005. – 352 с.
172. Тимина, С.И. Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.) / С.И. Тимина, В.Е. Васильев, О.Ю. Воронина. – СПб.; М.: Филологический факультет СПбГУ: Академия, 2005. – 352 с.
173. Толмачев, В.М. Натурализм: проспект детализированной словарной статьи [Электронный ресурс] / В.М. Толмачев // *Вестник МГУ. Сер.: Филология.* – 2017. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/naturalizm-prospekt-detalizirovannoy-slovarnoy-stati?ysclid=l5fti7j19e70387384>
174. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 334 с.

175. Трессидер, Д. Словарь символов [Электронный ресурс] / Д. Трессидер. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Je_kTresidder/

176. Трубина, Л.А. Диалог литературы с историей в оценке современного литературоведения [Электронный ресурс] / Л.А. Трубина // Преподаватель XXI век. – 1918. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-literatury-s-istoriey-v-otsenke-sovremennogo-literaturovedeniya?ysclid=187jvsgeq1239722755>

177. Туркаев, Х.В. Зарождение и становление реализма в чеченской и ингушской литературах (60-е годы XIX - 40-е годы XX в.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / Туркаев Хасан Вахитович. – Тбилиси, 1984. – 39 с.

178. Туркаев, Х.В. На переломе: монография: литературоведческие, литературно-критические и публицистические статьи / Х.В. Туркаев. – Грозный: Книга, 1991. – 367 с.

179. Туркаев, Х.В. Зарождение и становление реализма в чеченской и ингушской литературе / Х.В. Туркаев. – Тбилиси: Мерани, 1984. – 334 с.

180. Туркаев, Х.В. О путях развития чеченской литературы / Х.В. Туркаев. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1973. – 324 с.

181. Тынянов, Ю.Н. Литературная эволюция / Ю.Н. Тынянов. – М.: Аграф, 2002. – 495 с.

182. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – 574 с.

183. Тэн, И. История английской литературы. Введение / И. Тэн. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 510 с.

184. Тэн, И. Философия искусства / И. Тэн. – М.: Искусство, 1996. – 351 с.

185. Тюпа, В.И. Литературное произведение. Проблемы теории и анализа / В.И. Тюпа, Л.Ю. Фуксон, М.Н. Дарвин. – Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 1977. – 326 с.

186. Тюпа, В.И. Произведение и его имя / В.И. Тюпа // Литературный текст: проблемы и методы исследования. – М., 2000. – Т. 6. – С. 9-18.
187. Тюпа, В.И. Художественность литературного произведения: вопросы типологии / В.И. Тюпа. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1987. – 217 с.
188. Уоррен, О. Теория литературы / О. Уоррен, Р. Уэллек; вступ. ст., коммент. А.А. Аникста, Б.А. Гиленсона. – М.: Прогресс, 1978. – 325 с.
189. Успенский, Б.А. Структура художественного текста и типология композиционной формы // Успенский, Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 9-280.
190. Успенский, Б.А. История и семиотика // Успенский, Б.А. Избранные труды: в 2 т. / Б.А. Успенский. – М.: Гнозис, 1994. – Т. 1 – С. 9-28.
191. Утехин, Н.П. Жанры эпической прозы / Н.П. Утехин. – Л.: Наука, 1982. – 185 с.
192. Франц Кафка и литература абсурда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vuzlit.com/608545/frants_kafka_i_literatura_absurda?ysclid=l60sf1288o88934469
193. Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – М.: Лабиринт, 1997. – 413 с.
194. Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 412 с.
195. Черная, Н.И. Позиция писателя и развитие романских форм / Н.И. Черная. – Киев: Наукова думка, 1990. – 164 с.
196. Чернец, Л.В. Литературные жанры / Л.В. Чернец. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 192 с.
197. Чернец, Л.В. Литературные жанры: проблемы типологии и поэтики / Л.В. Чернец. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 192 с.

198. Чеснов, Я.В. Генетические представления в менталитете чеченцев (на материале полевых этнографических материалов, собранных в Чечне и Грузии 1980-1990 годов) / Я.В. Чеснов // Культура Чечни. История и современные проблемы. – М.: Наука, 2002. – С. 154-163.
199. Чеченская литература: итоги XX в. и перспективы дальнейшего развития (по материалам «Круглого стола») // Вайнах. – 2004. – № 6. – С. 2-5.
200. Чичерин, А.В. Возникновение романа-эпопеи / А.В. Чичерин. – М.: Сов. писатель, 1955. – 372 с.
201. Чудакова, М. Без гнева и пристрастия. Формы и деформации в литературном процессе 20-30-х годов / М. Чудакова // Новый мир. – 1988. – № 9. – С. 227-240.
202. Чураков, Д.О. В битвах за историзм: проблемы изучения Великой Русской революции 1917 года и постреволюционного режима / Д.О. Чураков. – М.: Прометей, 2016. – 386 с.
203. Чурилова, Е.А. Образный мир романа Канты Ибрагимова «Детский мир» / Е.А. Чурилова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2011. – Вып. 2. – С. 34-38.
204. Шайтанов, И.О. Жанровая поэтика / И.О. Шайтанов // Вопросы литературы. – 1996. – № 3. – С. 17-21.
205. Шайтанов, И.О. Жанровое слово у Бахтина и формалистов / И.О. Шайтанов // Вопросы литературы. – 1996. – № 3. – С. 89-114.
206. Шаляпина, Л.В. Эволюция художественной концепции истории в современном историческом романе: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Шаляпина Людмила Владимировна. – 2000. – 206 с.
207. Шарифова, С.Ш. Интерпретация и фальсификация в художественно-исторической романистике / С.Ш. Шарифова // История и современность. – 2011. – Вып. 1 (13). – С. 200-209.

208. Шкловский, В.Б. О теории прозы / В.Б. Шкловский. – М.: Сов. писатель, 1983. – 383 с.
209. Шмидт, В. Нарратология / В. Шмидт. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 159 с.
210. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / авт.-сост. В. Андреева [и др.]. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – 556 с.
211. Эпштейн, М.Н. Хроника / М.Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М., 1987. – С. 487.
212. Эсалнек, А.Я. Основы литературоведения. Анализ романного текста / А.Я. Эсалнек. – М.: Флинта, 2004. – 184 с.
213. Эсалнек, А.Я. Внутрижанровая типология и пути ее изучения / А.Я. Эсалнек. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 183 с.
214. Эсалнек, А.Я. Типология романа: теоретические и историко-литературные аспекты / А.Я. Эсалнек. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 156 с.
215. Юсупхаджиева, Х.У. Особенности языка чеченской художественной литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.09 / Юсупхаджиева Хадижат Узумхаджиева. – М., 2000. – 24 с.
216. Aust, H. Der historische Roman / H. Aust. – Stuttgart; Weimar: Metzler, 1994. – 1761 S.
217. Goodman, N. Sprachen der Kunst. Ein Ansatz zu einer Symboltheorie / N. Goodman. – Frankfurt-am-Mein: Suhrkamp, 1997. – 347 S.
218. Hassan, I.H. The Postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory and Culture / I.H. Hassan. – Ohio State Univ., 1987. – 267 p.
219. Ru Yi-Ling. The Family Novel. Toward a Generic Definition / Ru Yi-Ling. – New York: Peter Lang Publishing Ins., 1992. – 221 p.
220. Schopenhauer, A. Die Welt als Wille und Vorstellung / A. Schopenhauer. – М., 2006. – 925 S.

221. Vinay, J.P. Stylistique comparée du français et de l'anglais / J.P. Vinay, I. Darbelnet. – P.: Didier, 1958. – 170 p.